

Педагогічний музей України
Колекції

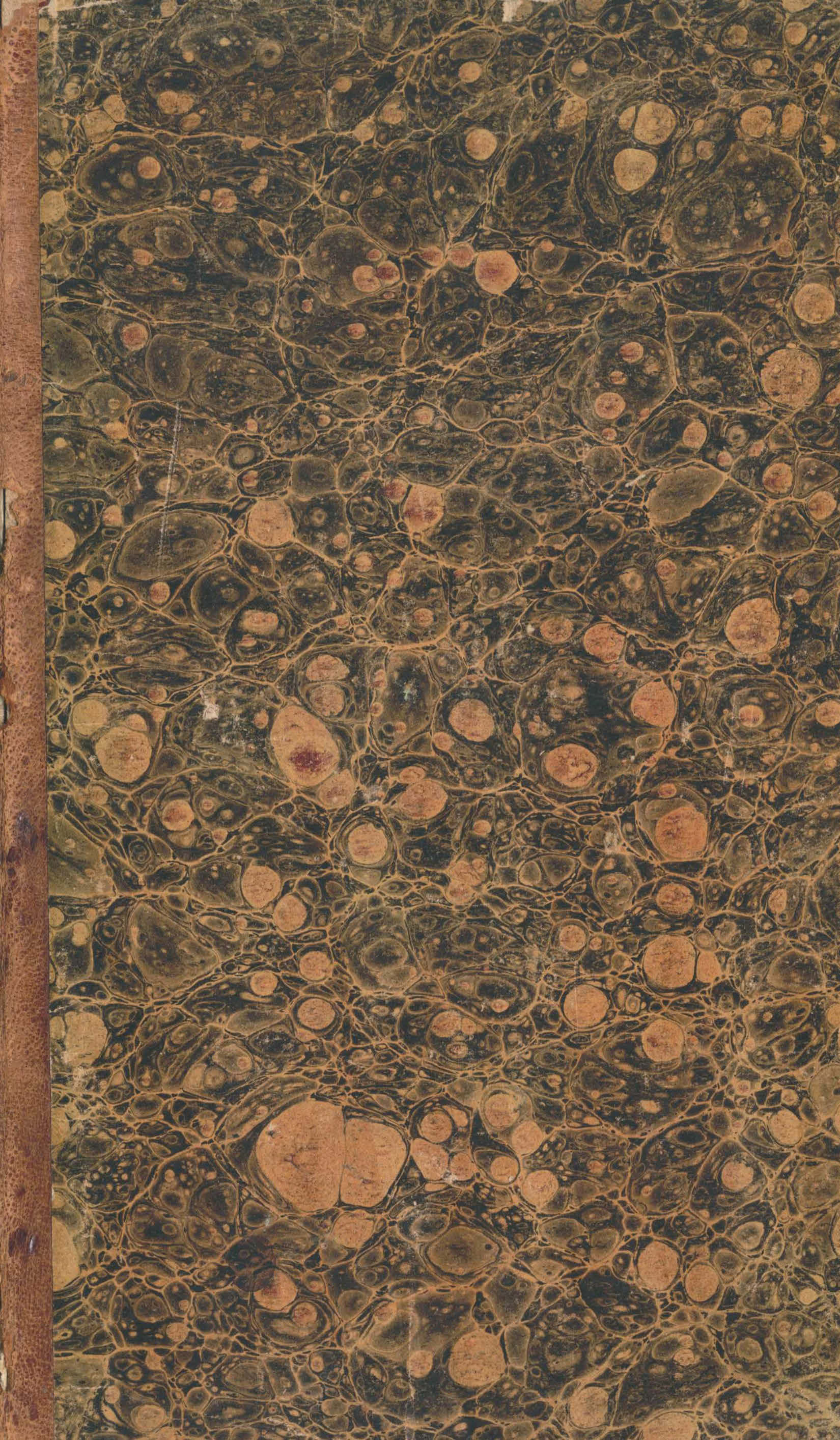
Національна академія педагогічних наук України
Педагогічний музей України

Науковий об'єкт
«Колекція стародруків Педагогічного музею України»
(рукописи, стародруки та рідкісні видання 1477-1923 рр.),
що становить національне надбання

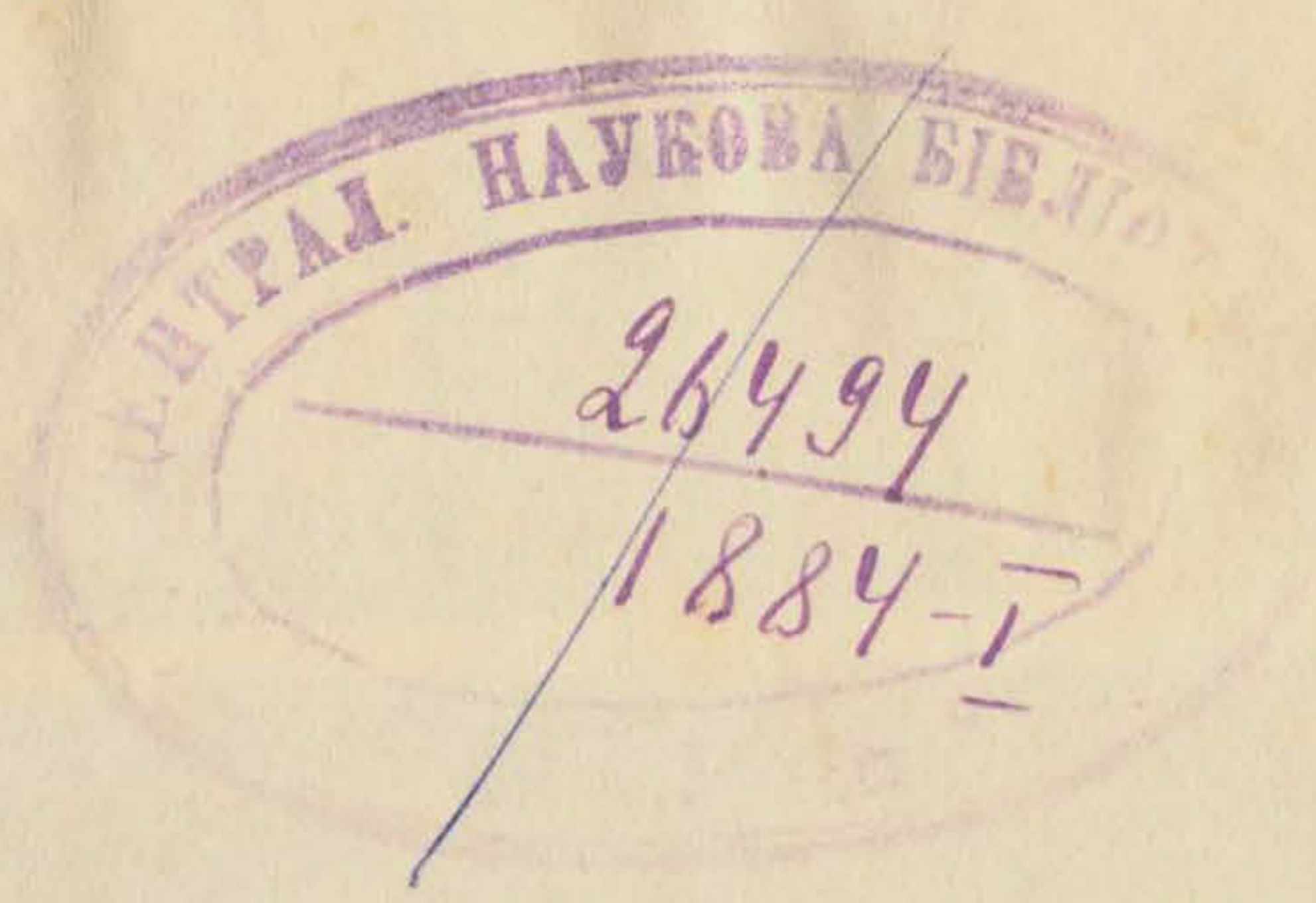
Колекція
«Педагогічна україніка 1842– 1923 рр.»

22027/2850Ж_Кієвская старина
(Ежемесячный исторический журнал),
№1. – К., 1884. – 230 с.
[Сканов. 2014]

W

3163

4794

К 462
3

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Исторический Журналъ

ЯНВАРЬ.
1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1884 г.

	СТР.
I. ЮАНИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). Н. Ѳ. Сумцова	1
II. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (<i>Очерки I—III</i>). В. Горленка	21
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Марковичи). Ал. Лазаревскаго	50
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). И. Левицкаго	83
V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИЩЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. В. Ястребова	111
VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ.	135
VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІИ. Н. С—ко	143
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1883 г.— <i>В. Г—ко</i> .—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева, Харьковъ. 1883 г.— <i>Его же</i> .—в) Юмористическіе рассказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. В. П. Жуковскаго. Кіевъ, 1883 г.— <i>Его же</i> .—в) Демидовъ Санъ-Донатто. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.	149
XIX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣнъ въ Запорожьѣ 1770—1772 гг.— <i>А. Скальковскаго</i> .—б) Волынская бывальщина.— <i>И. О.</i> —в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.— <i>К. Кошовика</i> .—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Послѣднія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Панкратьеву.—Сообщ. <i>А. А—скій</i> .—з) Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи.—Сообщ. <i>М. Крашановскій</i>	159
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
БИБЛЮГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1884 г. продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

25022

9(05)
к 38.

16821-н.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

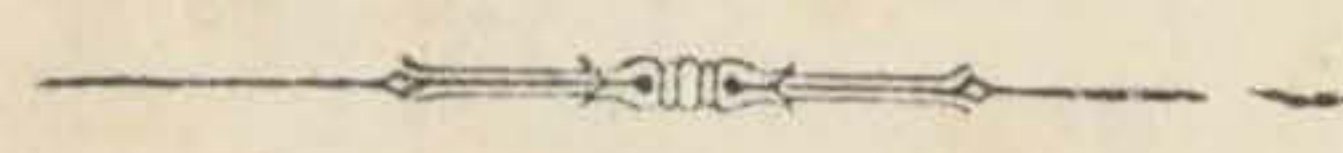

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

Я Н В А Р Ъ.

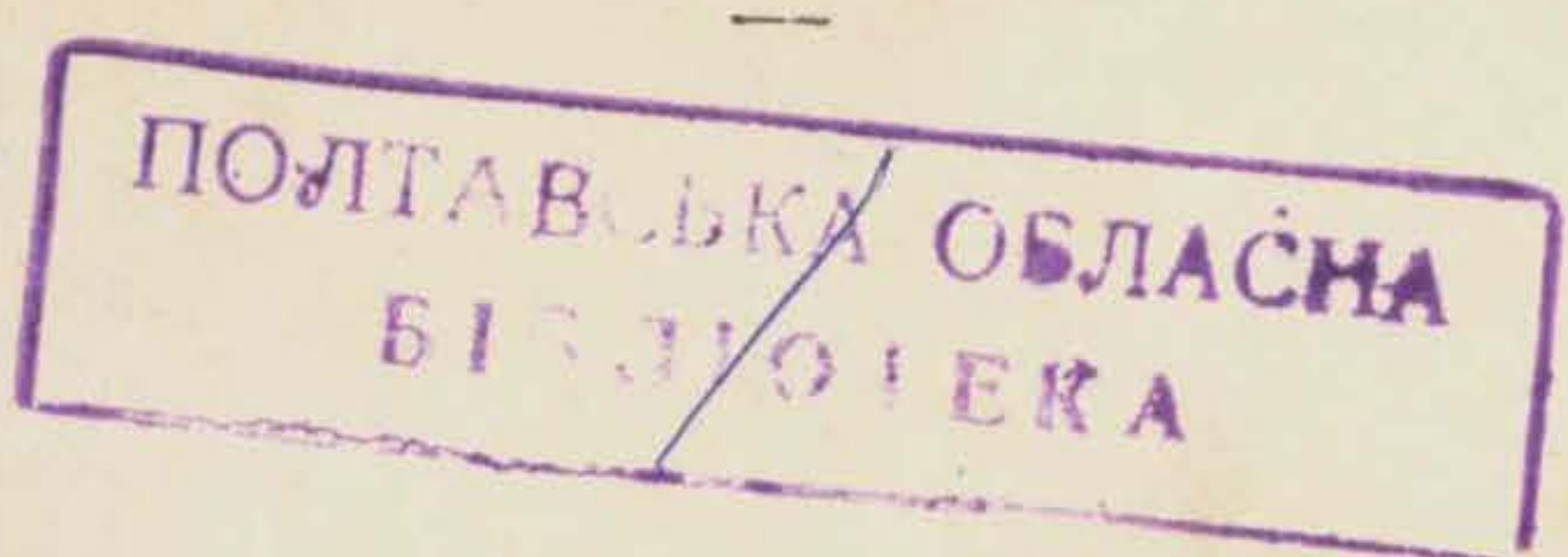
1884 Г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

85022

Дозволено цензурою. Київъ, 24-го декабря 1883 года.

Республіканський
педагогічний музей
Основний фонд №22027

2850-жс.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“
ВЪ 1884 ГОДУ.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминаія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Въ 1883 году въ „Кіевской Старинѣ“ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сечь*, О. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в.*, *Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго*, *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому*, *Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу*. *Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы*, *Дѣя интермедіи 1619 г.*, *сооб. М. Т—въ*, *Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и*

малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, Судъ надъ вѣдьмами, П. С. Ефименка, Неизвѣстный доселѣ гетманъ, Вл. Б. Антоновича, Судьба одного галицко-русскаго ученаго, Я. Г., Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ, съ пред. А. М. Лазаревскаго, Румянцевская Опись, Д. И. Багалѣя, Заиманищина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст., егѣ-же, Второбрачїе южно-русскихъ священниковъ XVIII ст., С. Ц., Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни, Ц. Г. Неймана, Смѣна народностей въ Россіи, Ир. Житецкаго, Украинскія женщины XVI и XVII ст., Д-ра А. І. и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Съ январской книжки начата печатаніемъ повѣсть И. Нечуя (Левицкаго); Старосвѣтскіе батюшки и матушки, равно пойдуть и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: О змievыхъ валахъ, В. Б. Антоновича, Иоанникій Галаатовскій, Н. О. Сумцова, Малороссійскія города XVII и XVIII ст., Д. И. Багалѣя, Послѣдніе кievскіе войты, И. М. Каманина, Дневникъ князя Б. И. Куракина, сподвижника Петра І-го, Мемуары гетманича Петра Апостола и Записки б. кiev. губерн. предводителя дворянства П. Д. Селецкаго. Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана Мазепы и кievск. воеводы Адама Киселя.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, поресылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старины“, Кievъ, Софійская площадь; д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *В. Г. Лебединцевъ.*

ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Изъ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ началѣ XVII вѣка южно-русскіе писатели въ своей ученой дѣятельности постоянно имѣли въ виду народныя потребности и нужды. Научная дѣятельность развивалась преимущественно въ Острогѣ и въ Вильнѣ подъ защитой братствъ. Въ большей части дошедшихъ до насъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ начала XVII ст. языкъ простой, ясный, сильный, довольно близкій къ народной рѣчи; въ нихъ много живости, бойкости, исторической документальности. Таковы: „Перестрога“, Посланія Іоанна Вишенскаго, „Өриносъ“ М. Смотрицкаго и нѣкот. друг.

Около половины XVII ст. украинская наука поселяется въ мрачныхъ аудиторіяхъ кіево-могилянскаго коллегіума. Въ количественномъ отношеніи она сильно разростается; въ качественномъ отношеніи падаетъ, понижается. Въ южно-русской литературѣ, развившейся подъ вліяніемъ могилянскаго коллегіума, слишкомъ много пустословія, витіеватости, искусственности. Сочиненія главныхъ писателей этой эпохи: Барановича, Галятовскаго, Гизеля, Радивиловскаго, наглядно показываютъ, до какой степени оскудѣнія можетъ дойти научная мысль, протянутаая черезъ узкія, тенденціозно сколоченныя школьныя рамки.

Трудно выдѣлить Галятовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южнорусскихъ писателей. Его „Души“ наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія“ валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой“ и „Фундаментами“, нужно сопоставить эти маленькія, дѣльно написанныя книжки съ объемистыми сочиненіями Барановича, Гизеля и Радивиловскаго, чтобы оцѣнить превосходство Галятовскаго надъ этими писателями;

по умственнымъ дарованіямъ и начитанности, Галятовскій болѣе всякаго другаго можетъ быть названъ представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII ст. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежатъ перу Галятовскаго. Въ Галятовскомъ южная Россія нашла талантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлаго и опытнаго бойца за южнорусскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII в. ея проявленіе,—православіе.

Личность Галятовскаго до послѣдняго времени оставалась въ тѣни: сочиненія его не были подробно обслѣдованы. Причина—крайняя скудость письменныхъ, документальныхъ свѣдѣній о Галятовскомъ. Въ силу этой скудости, изслѣдователь не можетъ ни освѣтить достаточнымъ количествомъ фактовъ личность этого писателя, ни объяснить его политическую дѣятельность въ связи съ современнымъ ему состояніемъ южной Россіи¹⁾.

О мѣстѣ и времени рожденія Галятовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего не извѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянскои коллегіи. Здѣсь онъ увидѣлъ свѣтъ науки, точнѣе сказать, ея блѣдный отблескъ, пробившійся черезъ дремучія дебри схоластики. Къ Галятовскому болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, идетъ названіе питомца кіевскои коллегіи, такъ какъ онъ всосалъ въ себя всѣ ея духовныя соки, и хорошіе, и дурныя.

Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи съ 20 годовъ XVII ст. Насадителями школьной науки и литературы тутъ явились кіево-печерскіе архимандриты: Плетенецкій, Копыстенскій и въ особенности Петръ Могила. Петръ Могила въ юго-

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Галятовскомъ 1) Въ его сочиненіи «Stary kosciol». 1678; 2) Письмахъ Лазаря Барановича. Изд. 2. 1865 г.; 3) Памятникахъ кіевск. временной комисіи для разбора древнихъ актовъ, 1846 г. II. 223—226; 4) Актахъ южной и западной Россіи, т. IX, XI и XII; 5) пенапечатанныхъ письмахъ Галятовскаго къ царю, хранящихся въ бібліотекѣ московскаго общества исторіи и древностей подъ № 98; 6) Исторіи русской іерархіи, Амвросія, въ 6 томѣ, и 7) Историко-статистическомъ описаніи черниговскои епархіи, арх. Филарета. М. Евгений, Аскоченскій, Костомаровъ, Вишневскій новыхъ свѣдѣній о жизни Галятовскаго не представилъ.

западную русскую образованность внесъ западно-европейскія схоластическія начала, подѣйствовавшия на южно-русскую національную мысль, какъ „смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ“. Греческія и протестантскія вліянія были устранены. Кіевскій коллегіумъ построенъ всецѣло по образцу іезуитскихъ коллегій. Нѣкоторые изслѣдователи, панегиристы Петра Могилы, полагаютъ, что „всѣ заимствованія Могилы изъ іезуитской педагогики ограничивались лишь формами, которымъ сообщался другой духъ и характеръ ¹⁾“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ области умственныхъ отношеній и интересовъ содержаніе и форма сливаются нераздѣльно и одно другое обусловливаетъ и опредѣляетъ. Съ заимствованіемъ внѣшнихъ формъ іезуитской педагогики незамѣтно было воспринято въ русскую жизнь и схоластическое латинское содержаніе, выразившееся въ напыщенномъ „казань“, вытѣснившемъ скромную „гомилію“, въ стремленіи высшаго духовенства поработить мірянъ, въ усиленіи сервиліума, въ особомъ толкованіи ученія о времени пресуществованія св. Даровъ.

Кіево-могилянская коллегія выдѣлилась изъ ряда братскихъ школъ характеромъ своей педагогики. Отличительными чертами педагогики кіевской коллегіи служатъ съ дидактической стороны строгій схоластическій методъ преподаванія всѣхъ наукъ и преобладаніе латинскаго языка, а со стороны воспитательной строгая школьная дисциплина.

Въ коллегіи было восемь классовъ: 1) фара, или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) риторика, 7) философія и 8) богословіе.

Въ первое время существованія коллегіи, во время обученія въ ней Галятовскаго, фара была элементарнымъ, подготовительнымъ классомъ; учили въ ней только латинскому и славянскому чтенію и письму. Въ XVIII столѣтіи занятія въ фарѣ значительно усилились.

Въ инфимѣ ученики начинали говорить по латыни, переводили съ латинскаго языка на русскій и обратно, писали небольшія классныя упражненія, или экзерциціи. Наставникомъ Галятовскаго въ инфимѣ былъ Лазарь Барановичъ.

¹⁾ Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1870 г., VII. 473.

Въ грамматикѣ и синтаксисѣ ученики одолѣвали грамматику Альвара, трудились надъ оккупаціями, или домашними письменными упражненіями въ латинскомъ языкѣ, говорили исключительно по латыни.

Трудно сказать, что въ первыхъ четырехъ классахъ коллегіи преподавалось, кромѣ латинскаго языка: русскій и греческій языки, повидимому, были на заднемъ планѣ; съ ариѳметикой, священной исторіей и краткимъ катехизисомъ въ низшихъ классахъ коллегіи знакомили лишь слегка. Строго говоря, все обученіе вертѣлось на латинской грамматикѣ. „Одну и ту-же грамматику, что писалъ краковскій профессоръ математики Брожка (Броціусъ) въ сочиненіи „*Gratis*, или Разговоръ гражданина съ священникомъ, іезуиты разбили на множество частей—инѳиму, грамматику, синтаксису. А это простымъ и неразумительнымъ родителямъ кажется превосходнымъ: думаютъ они, что сынъ ихъ, слушая науки въ 1, 2, 3 и 4 школѣ (т. е. классахъ), уже сдѣлался греческимъ или римскимъ императоромъ или полководцемъ, или получилъ премію, или схватилъ какой-нибудь образокъ; а развѣ этого мало?... При этомъ не замѣчаютъ, что во всѣхъ этихъ классахъ одна наука, одна только грамматика¹⁾“.

Самый учебникъ латинскаго языка, составленный Альваромъ, отличался, по словамъ Брожки, крайней темнотою. Альваръ въ іезуитскихъ школахъ держался отъ XVI до XIX ст. Въ кіево-могилянскій академіи и въ семинаріяхъ по этому отупляющему учебнику учились болѣе ста лѣтъ. Въ великорусскихъ семинаріяхъ въ XVIII в. грамматика Альвара пользовалась уваженіемъ и восхвалялась до небесъ. Наставники семинаріи изображали эту грамматику въ видѣ дерева и писали ему похвалу: „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сый премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви“ и т. д.²⁾.

Поэзія и риторика во время Галятовскаго преподавались въ одномъ классѣ и въ теченіи одного года. Въ XVII ст. предметы

¹⁾ Пекарскій, Кіев. наука, въ «Отечеств. Запискахъ» 1862. II, 563.

²⁾ Знаменскій, Духовныя школы, 437.

эти раздѣлились на два класса и проходились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ шиткой понималось искусство плести вирши (*ars rangendi versus*); подъ риторикой—игра въ прозаическія словесныя формы, наборъ механическихъ рецептовъ, какъ составлять періоды, писать письма и ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни. Въ поэзіи и риторикѣ ученики уже заявляли свою ученость виршами и ораціями въ школѣ и внѣ школы. По словамъ Теофана Прокоповича, грубый XVII в. благоговѣлъ передъ такими пустяками, какъ схоластическія вирши и ораціи¹⁾.

Мифологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитою обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ наставникахъ и воспитанникахъ, что, кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ мифологическихъ примѣненій даже такія сочиненія, которыя легко могли-бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній. Такъ, Сильвестръ Коссовъ на 10 страницъ своего Патерика (1635) сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ²⁾. Изъ кіевскихъ ученыхъ и писателей второй половины XVII в. Галятовскій обнаруживаетъ наибольшую склонность къ мифологіи. Въ „Ключѣ“ образами Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ.

Наставникомъ Галятовскаго въ риторикѣ былъ Л. Барановичъ, о чемъ говоритъ самъ Галятовскій въ началѣ „Стараго Костела“.

Ученики первыхъ 6-ти классовъ составляли младшее братство, *sodales minoris congregationis*; ученики двухъ высшихъ классовъ—старшее братство, *sodales majoris congregationis*. Первые назывались учениками, вторые студентами; существенное отличіе двухъ высшихъ классовъ состояло въ наукахъ. Здѣсь преподавались философія и богословіе, дававшіе воспитанникамъ острое оружіе, которымъ они отражали нападенія иновѣрныхъ враговъ. Коллегіальская философія была въ полномъ смыслѣ философія схоластическая,

¹⁾ Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1870, Авг. 468.

²⁾ Аскоченскій, Кіевъ, I. 135 и примѣч. стр. 332.

ancilla theologiae. Аристотель процвітавъ въ коллегіи и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона, а Франція Декарта. Дошедшія до нашего времени руководства по філософіи, относящіяся къ XVII в., составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: (філософію умственную или логику, естественную или фізику и божественную или метафізику.) Первой части почти всегда предшествовала діалектика, заключающая теорію доказательствъ, или силлогистическихъ умозаключеній. Логика примѣняла законы мышленія къ разнымъ случайностямъ умственного дѣланія. Фізика трактовала о матеріи и формѣ вещей, природѣ и свойствахъ видимыхъ предметовъ, времени и пространствѣ и о душѣ. Метафізика учила о безтѣлесныхъ существахъ. По замѣчанію историка кіевской коллегіи, „суровая строгость и головоломная сухость філософской науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины, они уважали ее, даже поставляли себѣ за честь отличиться діалектическими тонкостями, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душой привязанныя къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты“¹⁾).

Богословіе въ кіевской коллегіи читалось съ величайшей обширностью и отчетливостью. Полный курсъ богословія оканчивали въ 4 года. Въ виду религіозныхъ споровъ, волновавшихъ юго-западный край, преподаваніе богословской науки неизбѣжно приняло характеръ полемическій. И въ богословской наукѣ господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формами своей методики. Образцомъ богословствованія считался Тома Аквинскій.

Старинная кіево-могилянская академія не развивала мышленія. Вниманіе учащихся было обращено на формы, а не на сущность предметовъ. Все коллегіумское образованіе клонилось къ тому, чтобы приготовить искусныхъ льстецовъ и умѣлыхъ полемистовъ. Преподаваніе богословія не столько утверждало учениковъ въ истинахъ христіанства, сколько приучало ихъ къ религіозному ханжеству и внѣшней обрядности, укрѣпляло ихъ въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ. Преподаваніе піитики и реторики развивало въ ученикахъ склонность къ составленію панегириковъ, которые вредно

¹⁾ Аскоченскій, Кіевъ, I. 139.

дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ,—первыхъ приучали къ постыдному ласкательству, во вторыхъ развивали неумѣренное самомнѣніе и гордость.

Дурныя стороны кіево-могилянської педагогії, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе виѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ, префектъ, профессоры, преподаватели, тайные и явные визитаторы, цензоры, инспекторы, аудиторы, школьный *senatus* и *populus*—чрезвычайно длинная вереница начальствующихъ и подчиненныхъ, весьма сложная организація началъ зависимости и повиновенія. Всѣ приемы кіево-могилянської педагогії какъ будто были рассчитаны на то, чтобы вытравить въ учащихся чувство дружбы, товарищества и любви. Ученики, соперничая другъ съ другомъ, писали сочиненія *de loco, de pane, de calceis, de candela, de indusio*, и написавшій лучшее сочиненіе садился, съ вѣдома и при содѣйствіи начальства, впереди своего побѣжденнаго товарища, отнималъ у него булку или получалъ право завладѣть его свѣчей. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ кіево-могилянської академіи въ высшей степени было развито шпионство. Учителя слѣдили за учениками, ученики другъ за другомъ, подглядывали, подслушивали, шептали въ уши начальства и выслуживались ¹⁾).

Изъ сочиненій Галятовскаго видно, что онъ основательно усвоилъ коллегіумскую премудрость. Нужно допустить, что Галятовскій въ академіи слышалъ о многихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ. Для его живаго, любознательнаго ума на первое время достаточно бы однихъ именъ авторовъ, однихъ указаній на нихъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться этими указаніями для самообразованія.

¹⁾ О внутренней жизни коллегіумскихъ учениковъ, времени занятій, развлеченій, наградахъ и наказаній, играхъ, миркованьѣ см. въ статьѣ Линчевскаго въ «Трудахъ кіево-могилянської духовной академіи», 1870, августъ.

Южно-русскіе ученые XVII ст.: Бронскій, Смотрицкій, Копыстенскій, Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, постоянно дѣлають указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисѣ“ насчитывается 60 пособій автора, во „Өриносѣ“ 145, въ „Палинодіи“ 142. Указанія на пособия находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр. Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей; другіе, напримѣръ Смотрицкій и Галятовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галятовскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кievскомъ ученomъ мiрѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели.

Почти на каждой страницѣ сочиненій Галятовскаго находятся ссылки на священное писаніе. Подобно другимъ схоластическимъ писателямъ XVII вѣка, Галятовскій часто беретъ не цѣлый библейскій текстъ, заключающій въ себѣ полную мысль, а отрывочныя мѣста, нерѣдко даже отдѣльныя слова. Къ апокрифическимъ рассказамъ Галятовскій относится съ полнымъ довѣріемъ и охотно ими пользуется.

Галятовскому были извѣстны „De vita contemplativa“ Филона (I вѣка), сочиненія Іосифа Флавія († 93), Діонисія Ареопагита, Климента Александрійскаго и Иринея ліонскаго (II вѣка). Составляя сочиненіе о „Мессіи правдивомъ“, Галятовскій пользовался преимущественно сочиненіемъ христіанскаго писателя II в. Юстина: „Разговоръ съ Трифономъ“. Галятовскій дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ первой части „Разговора“, гдѣ говорится, почему христіане не исполняютъ Моисеева закона, и беретъ кое-что изъ второй и третьей частей, трактующихъ о воплощеніи, крестной смерти Спасителя и о томъ, что вѣрующіе во Христа, по пророчествамъ, наследуютъ обѣтованія Божіи.

Изъ духовныхъ писателей III—XI вѣковъ Галятовскому были извѣстны: Оригенъ († 254), сочиненіе священника Ипполита „De nativitate Christi“, которое въ старое время ученые, въ томъ числѣ Галятовскій, ошибочно приписывали Кипріану Коринѣскому, „De fine saeculi“ мученика Меѳодія († 303), книги Тертулліана про-

тивъ Маркіона, изданныя въ 208 г., іерусалимскіе патріархи IV в. Кирилль и Іоаннь, Клавдіанъ, Лактанцій, блаженный Іеронимъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Аѳанасій Александрійскій († 373). Аѳанасію Александрійскому Галятовскій, съ общаго голоса ученыхъ XVII вѣка, приписывалъ составленіе символа вѣры *Quicumque*, составленнаго въ V вѣкѣ Вигиліемъ Мансійскимъ¹⁾. Галятовскому были извѣстны сочиненія кесарійскаго епископа Евсевія Памфіла († 340) и епископа Гипанскаго Августина († 403). Въ „Мессіи“ Галятовскій указываетъ на сочиненіе Августина „*De sacramento novo ad Catechumenos*“, какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ. Въ другомъ мѣстѣ „Мессіи“ упоминается сочиненіе Августина о Рождествѣ, вѣроятно, „*De genesi contra Manicheos, lib. 2*“²⁾. Галятовскій въ „Мессіи“ кое-что заимствовалъ изъ сочиненія александрійскаго епископа Кирилла († 444) „о святой вѣрѣ христіанской“, именно, изъ 6 книги (о крестномъ знаменіи) и изъ 8 и 9 (пророчества). Кромѣ того, Галятовскій пользовался сочиненіями церковнаго писателя V вѣка Юліана Померія (на него ссылки въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“), Созоменомъ († 450) и Теодоритомъ († 457), продолжавшими церковную исторію Евсевія, сочиненіемъ Флавіана „*Libellus fidei Theodosio imp. id petenti oblatus*“, сочиненіемъ Іоанна Кассіана († 448) („*Collationes Patrum*“³⁾), „*Adversus Eutychen et Nestorium de duabus naturis et una persona*“ Боэція († 526), „*De duabus Christi naturis*“ папы Геласія († 596), „*Poematum libri II praemissa ad Gregorium Turonensem epistola dedicatoria*“ Фортуната († 600)⁴⁾, сочиненіями Григорія Двоеслова (конца VI вѣка), іерусалимскаго патріарха Софронія († 636) и Іоанна Златоустаго (рѣдкія ссылки). Почти во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчается „Лимонарь“ Іоанна Мосха (VII вѣка). Въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчается знаменитый авторъ „*Historiae sive annalium Francorum*“ Григорій Турскій († 595). Галятовскій ссылается на его трактатъ „*De gloria Martyrum, lib. 2*“. Въ „Мессіи“ находится ссылка на первую часть

¹⁾ Филаретъ, Истѳр. уч. объ отцахъ церкви §§ 112—117; Арсенія, лѣтоп. церк. соб. 135—159.

²⁾ Caue, *Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria*. I. 175—183.

³⁾ Caue, I. 410.

⁴⁾ Caue, I 530, 497. Филаретъ, § 191.

„Ad Monitum“ Фульгенція († 593), гдѣ говорится о предназначеніи людей, однихъ на вѣчную славу, другихъ на муку вѣчную. Галятовскій пользовался сочиненіями Іоанна Дамаскина († 777), Павла діакона († 767), „Исторіей“ Никифора († 818), обозрѣвающей событія со смерти Маврикія до Константина, сына Ирины, сочиненіями Люидпранда и Свиды (конца X вѣка). По Теофілакту болгарскому (конца XI вѣка) Галятовскій обьяснялъ классическія мѣста Евангелія, касающіяся святаго апостола Петра. Особеннымъ вниманіемъ Галятовскаго, какъ и многихъ другихъ южно-русскихъ писателей, Смотрицкаго, Барановича, пользовался писатель первой половины X вѣка Симеонъ Метафрастъ. Ему приписываютъ 539 житій, изъ которыхъ только 122 составлены имъ, а остальные 417 лишь обработаны.

Галятовскому были извѣстны сочиненія многихъ западно-европейскихъ схоластическихъ писателей XII—XV в.: „Dialogus adversus Iudeos“ испанскаго писателя XII в. Петра Альфонса, сочиненія Петра Ключійскаго, Граціана, Ансельма Кентерберійскаго (XII в.), Альберта Великаго († 1280 г.). Попадаются изрѣдка въ сочиненіяхъ Галятовскаго doctor angelicus et divinus Тома Аквинскій (р. 1224 г., † 1274 г.) и doctor subtilis Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (конца XIII ст.)¹⁾. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ нѣсколько разъ упоминается „Зверцаadlo исторіи“ Викентія. Это Vincentius Bello vacensis Burgundus, болѣе извѣстный подъ именемъ Винкентія изъ Бове († 1264 г.), авторъ „Speculum quadruplex historicum“, гдѣ находится историческій обзоръ событій отъ сотворенія міра до 1254 г.²⁾ Въ „Мессіи“, „Фундаментахъ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ Галятовскій пользуется сочиненіями Тома Брукселенскаго или Кантипрата († 1263 г.), не смотря на то, что самъ-же въ „Фундаментахъ“ (стран. 66) указалъ на многія ошибочныя показанія Кантипрата о православіи. Однимъ изъ главныхъ источниковъ Галятовскаго при составленіи „Мессіи правдиваго“ были противоеврейскія сочиненія еврея выкреста Николая де Лиры или Лирануса († 1340 г.): „Disputatio contra perfidium Iudaeorum“ и „Tractatus contra Iudeum quendam“³⁾.

¹⁾ Филаретъ, § 259, 267, 294; Caue, I. 595, 493, 502; II. 297.

²⁾ Rousselot, Études de la philosophie dans le moyen âge II. 177; Caue, II. 299.

³⁾ Caue, II. 309, 22—23.

Изъ писателей XIV—XV ст. Галатовскому были извѣстны: константинопольскій патриархъ Каллисть, Энній Сильвій Пикколомини († 1464 г.) и венгерскій хроникеръ Бонфинъ († 1502 г.)¹⁾. Особенно большую начитанность обнаружилъ Галатовскій въ европейской богословской и исторической литературѣ XVI и XVII ст. Ему были извѣстны „Хроника баварскихъ герцоговъ“ нѣмецкаго богослова, историка и естествовѣда Тритемія († 1516 г.), историческія сочиненія нѣмецкаго писателя Альберта Кранція († 1517 г. Кранцій упоминается и во „Өриносѣ“ Смотрицкаго), „De veritate fidei christianae“ испанскаго писателя Іоанна Людовика Вивеса († 1537 г.)²⁾, сочиненіе Павла Іовія († 1552 г.) о посольствѣ въ Москву, составленное по рассказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова³⁾, сочиненія чешскаго писателя Дубровія († 1553 г.), сочиненія знаменитаго въ XVI ст. нѣмецкаго историка, оффиціального протестантскаго исторіографа Яна Слейдана⁴⁾; сочиненіе французскаго ученаго XVI в. Жана Бодэна въ защиту вѣры въ существованіе демоновъ и вѣдьмъ⁵⁾, превосходное сочиненіе Вейера, или Писцинаріуса „De praestigüs daemonum“ 1563 г., гдѣ опровергается вѣрованіе въ демоновъ и вѣдьмъ⁶⁾, „Исторія мусульманъ“ нѣмецкаго гуманиста Леонклавіуса (Löwenklau, † 1593 г.), сочиненіе іезуита Турселина († 1609 г.) „Historiarum a condito mundo lib. X“, которое въ голландскихъ университетахъ было принято, какъ учебникъ по исторіи⁷⁾, сочиненія Корнелія и Ляпиде, о которыхъ Теофанъ Прокоповичъ отзывался очень неблагоклонно⁸⁾. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчаются ссылки на сочиненіе Сягонія „о влосскомъ королевствѣ“. Въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ былъ

1) Rieger, Słownik naukowy; Cave, II 176.

2) Cave, II 242, 237; Rieger, Słownik naukowy.

3) Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Исторія. I. 181.

4) Rieger, Słownik naukowy. Главное сочиненіе Слейдана о положеніи религии и государства при Карлѣ V издавалось 80 разъ; сочиненіе о 4 главныхъ имперіяхъ издавалось 60 разъ.

5) Soldan, Geschichte d. Hexen processe. 261.

6) Объ этомъ соч. см. въ моей брошюрѣ «Очеркъ исторіи колдовства въ зап. Европѣ».

7) Rieger, Słownik naukowy. IV.

8) Мацѣвичъ, «Труды кiev. дух. акад.» 1871 г. IV. 210.

переводчикъ аристотелевой риторики Сигоній. Современники приписывали ему сочиненіе „De Senatu romano“, написанное Яномъ Замойскимъ ¹⁾. Вѣроятно, и Галятовскій по ошибкѣ сочиненіе Замойскаго приписалъ Сигонію. Въ „Ключѣ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ довольно часто встрѣчаются ссылки на италіанскаго писателя конца XVI ст. Яна Ботера, котораго сочиненіе въ польскомъ переводѣ Ленчицкаго 1609 г. носитъ названіе „Relativae powszechne abo powinu rozpolite“. Тутъ говорится 1) о космографіи, 2) гидрографіи, 3) монархологіи, 4) религіозныхъ сектахъ и 5) американскихъ суевѣріяхъ ²⁾. Кромѣ Галятовскаго, Ботеромъ пользовался еще Захарія Копыстенскій при составленіи „Палинодіи“ ³⁾. Белларминъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго; за то Бароній встрѣчается чуть не на каждомъ шагу. Послѣ книгъ св. Писанія, „Анналы“ Баронія у Галятовскаго занимають первое мѣсто. Въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества Галятовскій называетъ Баронія достовѣрнѣйшимъ историкомъ. „Я, говоритъ Галятовскій въ началѣ „Мессіи“, зъ латинскаго Бароніуша зупелного писалемъ, а въ польскомъ Баронѣушѣ не зупелномъ не все тое знайдешь“. Кромѣ Галятовскаго, на Баронія часто ссылаются Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ ⁴⁾, Евсевій Пиминъ (Петръ Могила) въ „Лиѳосѣ“ ⁵⁾, Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, Стефанъ Яворскій въ проповѣдяхъ. Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится два рукописныхъ экземпляра Бароніевыхъ лѣтописей въ польскомъ сокращеніи Скарги. Русскій переводъ относится къ концу XVII в. ⁶⁾. Въ синодальной библіотекѣ подъ № 729 находится „Баронѣуша наука“, переводъ съ малорусскаго языка ⁷⁾. Въ 1719 г. „Анналы“ Баронія были переведены съ польскаго языка на русскій, съ пропускомъ противныхъ восточной церкви толкованій, и напечатаны въ московской синодальной типографіи въ 2 частяхъ церковнымъ

¹⁾ Wisznewski, Histor. literat. IV. 168, 143.

²⁾ Maciejowski, Piśmen. polskie. III. 72; Wisznewski, Hist. literat. VII, 561.

³⁾ Русск. Историч. Библіот. IV.

⁴⁾ Тамъ-же, 327.

⁵⁾ Liðos, abo kamien. 1610 г. стр. 3 и 4.

⁶⁾ Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея.

⁷⁾ Савва, Указатель. 160.

шрифтомъ, подъ заглавіемъ „Дѣянія церковныя и гражданскія“. „Анналы“ Баронія вышли въ 12 томахъ въ Римѣ въ 1588—1607 годахъ и имѣли много изданій. Въ 1646 г. онѣ были продолжены Одораціемъ Райнольди. Продолженіе это было извѣстно Галятовскому.

Галятовскій обнаружилъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. Такъ, у него встрѣчаются ссылки на Длугоша († 1480 г.), Матвѣя Мѣховита († 1523 г.), Гваньини († 1614 г.), Кромера († 1589 г.), автора тридцатитомной, панегирической исторіи польскаго народа ¹⁾, затѣмъ на „Всемирную исторію“ Мартина Бѣльскаго († 1575 г.). Изъ польскихъ историковъ Стрыйковскій въ особенности часто встрѣчается у Галятовскаго. Ссылки на „Kronika polska“ (1582 г.) Стрыйковскаго встрѣчаются во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго. При составленіи „Хроники“ Стрыйковскій пользовался Длугошемъ, Мѣховитомъ, Кромеромъ, Бѣльскимъ, русскими и ливонскими лѣтописями и даже сербскими народными пѣснями ²⁾. Крупные польскіе проповѣдники конца XVI ст., Петръ Скарга и Яковъ Вуекъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Iapua linguarum“ (1631 г.), переведеннаго на 12 европейскихъ и 4 восточныхъ языка, Комменній, переводчикъ Аристотеля Себастьянъ Петрицій († 1626 г.), біографъ М. Смотрицкаго и І. Кунцевича Суша († 1685 г.), польскій богословъ, профессоръ краковской академіи Адамъ Опатовичъ (XVII в.) ³⁾ были извѣстны Галятовскому. На Скаргу и Вуйка ссылаются нѣкоторые другіе южно-русскіе писатели, напр. Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ ⁴⁾. Въ „Лебедѣ“ и „Небѣ“ упоминается нѣкогда весьма популярное въ Польшѣ и западной Россіи „Путешествіе въ св. землю“ (1582 г.) Николая Радзивилла ⁵⁾. Въ „Мессіи“ Галятовскій ссылается на сочиненіе „О жидахъ“ Симона Сиренія. Сиренскій (Simon Sirenus Sacranus), докторъ философіи и медицины въ кра-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Руск. ист. I. 184; Wisznewski, Hist. liter. VII. 385—404; IX, 11, 168, 274; Кондратовичъ, Ист. польск. литер. II. 164.

²⁾ Wisznewski, VI. 469—492; Maciejowski, I. 556—573.

³⁾ Wisznewski, VI 423, 489, 598; VII. 155, 165. IX. 53, 54, 180, 208, 241, 303; VII. 452; VIII. 348; VI. 302.

⁴⁾ Русск. Истор. библ. IV. 327.

⁵⁾ Maciejowski, Pism. polskie III. 497; Wisznewski, VII. 566.

ковскомъ университетѣ, оставилъ сочиненіе „Zielnik, to jest opisanie własne imion, kształtu y mocy zioł, wszelakich drzew, krzewin... Przytem o ziemiach y glinkach różnych, o zwierzętach czworonogich, ptastwie, rybach (напечатано въ 1613 г. послѣ смерти Сиренія, † 1611 г.). На 1536—1540 страницахъ „Зельника“ находится собраніе свѣдѣній о евреяхъ ¹⁾. Въ ряду многихъ сочиненій о евреяхъ, которыми пользовался Галятовскій при составленій „Мессіи“, заслуживаетъ вниманія „Rozmowa theologa katolickiego z rabinem żydowskim“ (напечатано во Львовѣ 1645 г.) западно-русскаго писателя первой половины XVII ст. Марка Короны. Цѣль „Розмовы“ та-же, что и цѣль „Мессіи“, обращеніе еврея къ надлежащему пониманію христіанской религіи. Что Галятовскій пользовался не только католическими, но и еретическими сочиненіями, выходившими въ Польшѣ, видно изъ ссылки его въ „Алфавитѣ“ на сочиненіе знаменитаго соцініанскаго писателя Смальція, „De filio Dei“, подъ которымъ, нужно думать, Галятовскій разумѣлъ „De Christo vero et naturali Dei filio“ 1616 г. Смальцій жилъ въ Раковѣ и написалъ 29 сочиненій. Писалъ онъ по нѣмецки и по латыни. Въ Англіи при Кромвелѣ его катехизисъ былъ сожженъ рукой палача ²⁾. Галятовскій зналъ о еретичествѣ Смальція. Въ „Алфавитѣ“ въ числѣ еретиковъ находится и Смальцій.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчаются ссылки на римскихъ писателей, именно: на Овидія, Виргилія, Плинія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція, Валерія Флакка, Флора и Евтропія.

Изъ русскихъ сочиненій у Галятовскаго упоминаются: Патерикъ печерскій, словено-россійскій лексиконъ Памвы Беринды, Синописисъ Ин. Гизеля и описанія разныхъ чудотворныхъ иконъ.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго можно насчитать до сорока совершенно неизвѣстныхъ писателей. Встрѣчаются ссылки на сочиненія какихъ-то раввиновъ Моисея, Самуила; встрѣчаются на поляхъ имена Корозеля, Карданія, Альтенстанга, Маіолуса, Іоанна Мѣрина (вѣроятно Іоаннъ Маро конца VI вѣка), Таксія, Лина, Тиріуса, Брадена и друг.

¹⁾ Grabowski, Starożytności. I. 403—413.

²⁾ Maciejowski, III. 815, 816.

³⁾ Maciejowski, ibid. 508.

Можно вполне повѣрить Галятовскому, замѣтившему въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ съ большимъ стараніемъ собиралъ книги по городамъ и монастырямъ. Лазарь Барановичъ, относительно добыванія книгъ, поставленъ былъ въ очень выгодное положеніе, какъ черниговскій архіепископъ и мѣстоблюститель кіевской митрополіи и, однако, онъ жаловался на недостатокъ книгъ¹⁾. Сравнительно съ Галятовскимъ, Барановичъ обнаружилъ весьма незначительное знакомство съ западной схоластической литературой. Масса прочитанныхъ книгъ свидѣтельствуєтъ о любознательности Галятовскаго, о его научномъ усердіи. Такъ какъ большая часть сочиненій Галятовскаго вышла въ Черниговѣ и Новгородѣ-сѣверскомъ (въ типографіи Барановича), гдѣ не было богатыхъ книгохранилищъ, то нужно допустить, что Галятовскій и въ концѣ своей жизни, во время пребыванія въ Черниговщинѣ, сохранялъ тѣсныя научныя связи съ кіевскою академіею и пользовался ея бібліотекою. Несомнѣнно, онъ пользовался также бібліотеками крупныхъ западно-русскихъ братствъ: виленскаго, луцкаго, слуцкаго, о чемъ самъ мимоходомъ упоминаетъ въ „Старомъ Костелѣ“. Въ этомъ сочиненіи Галятовскій заявляетъ, что свои доводы объ исхожденіи святаго Духа исключительно отъ Отца онъ извлекъ изъ разныхъ книгъ, отысканныхъ имъ въ бібліотекахъ „Кіева, Чернигова, Львова, Луцка, Слуцка и другихъ городовъ“. Галятовскій замѣчаетъ, что приводимые имъ доводы списаны съ книгъ разными писцами и проситъ у читателя извиненія въ ошибкахъ въ обозначеніи тома или страницы пособія, ошибкахъ, происшедшихъ отъ переписчиковъ. Это заявленіе Галятовскаго интересно въ двухъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, гдѣ находились кладези книжной мудрости южно-русскихъ писателей, и затѣмъ уясняетъ, какъ пользовались южно-русскіе ученые этими кладезями мудрости. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о братскихъ книгохранилищахъ, и что этими книгохранилищами любознательные люди пользовались не только лично, но и черезъ переписчиковъ, которыми могли быть грамотные православные братчики.

Нельзя сказать, чтобы Галятовскій дѣльно и толково воспользовался прочитанными имъ книгами. Чтеніе было небрежное; кри-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, § 97.

тики у Галятовскаго не было. Писатели діаметрально протівоположнаго направленія, наприкладъ Бодэнъ и Вейеръ, укладывались въ его головѣ спокойно, не споря другъ съ другомъ. Они не возбуждали въ Галятовскомъ какихъ либо спорныхъ религіозныхъ или общественныхъ вопросовъ. Кіевская коллегія приучала учениковъ поклоняться авторитетамъ, безусловно вѣрить имъ; духъ критики и анализа всецѣло былъ подавленъ духовной субординаціей. Любопытные южно-русскіе ученые XVII вѣка постоянно учились усердно и вѣчно оставались учениками. Они говорили на профессорскихъ кафедрахъ, издавали въ свѣтъ сочиненія, и все *in verba magistri*. Съ теченіемъ времени они накопили знанія. Знанія нарастали механическимъ путемъ, прилѣпляясь одно къ другому посредствомъ случайной, внѣшней связи. Галятовскій былъ самый начитанный человекъ своего времени, и, однако, область его свѣдѣній была незначительна, кругозоръ узокъ. Дѣло въ томъ, что Галятовскій читалъ книги съ предвзятой цѣлью, выбиралъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, напр. объ исхожденіи святаго Духа, или о главенствѣ римскаго папы. Мысль писателя вращалась въ рѣзко очерченной и ограниченной области религіозныхъ вопросовъ. Южно-русскіе писатели второй половины XVII столѣтія боялись и не желали выступать за предѣлы этихъ вопросовъ. Религіозные вопросы были потому въ особенности узки, что рассматривались отвлеченно, безъ отношенія къ живой народной массѣ. Схоластическому богослову не было никакого дѣла, какъ живое народное тѣло воспринимаетъ духовныя начала христіанскаго вѣроученія, какъ народъ относится къ этому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесетъ и внѣситъ въ него изъ своей духовной жизни. У южно-русскихъ ученых, рассматривавшихъ религіозные вопросы *an und für sich*, и даже у Галятовскаго, при всей его начитанности, было мало узловъ знаній. Отсюда постоянныя повторенія, постоянныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же избитымъ предметамъ рѣчи.

Высшая школа имѣетъ важное значеніе въ жизни человека, получившаго въ ней образованіе, не только потому, что даетъ ему знанія, такъ сказать, закладываетъ фундаментъ прочныхъ свѣдѣній и опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь,—она вліяетъ на нравственный складъ человека черезъ свѣтлыя и просвѣщенныя личности

наставниковъ. Крімъ того, между самими учениками возникаютъ товарищескія отношенія и связи, имѣющія большое значеніе въ исторіи ихъ духовнаго развитія, опредѣляющія ихъ общественныя симпатіи и антипатіи, придающія иногда на всю жизнь извѣстную окраску ихъ мнѣніямъ, сужденіямъ, внѣшнимъ формамъ отношенія къ людямъ.

Галятовскій въ кievской академіи познакомився съ Барановичемъ, Гизелемъ и Пинацкимъ¹⁾. Отношенія Галятовскаго къ Симеону Полоцкому мало извѣстны, и трудно допустить, чтобы отношенія эти были близки. Симеону Полоцкому пришлось дѣйствовать совершенно въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ условія и обстановка, среди которыхъ работалъ Галятовскій. Но и въ Москвѣ, въ положеніи наставника царевичей Симеонъ Полоцкій сохранялъ связи съ друзьями своей молодости, преимущественно съ Барановичемъ. Другое дѣло Барановичъ и Гизель. Въ продолженіи всей жизни Галятовскаго, эти люди были его пріятелями, въ особенности Барановичъ. Безъ ошибки можно сказать, что Барановичъ создалъ всю служебную карьеру Галятовскаго, такъ сказать, вывелъ его въ люди. Покровительство Барановича частью проистекало изъ его добраго нрава, изъ желанія дать ходъ своему скромному и талантливому ученику, преимущественно изъ практическаго разсчета, изъ желанія имѣть подъ рукой способнаго и дѣятельнаго помощника, помощника мягкаго, покладистаго, усерднаго, услужливаго и скромнаго. Всѣми этими качествами Галятовскій вполнѣ обладалъ. Лазарь Барановичъ первоначально былъ наставникомъ Галятовскаго, впоследствии его другомъ и покровителемъ. Окончивъ курсъ въ академіи, Галятовскій отправился на Волинь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волинь и переѣхалъ въ купятицкій монастырь, находящійся недалеко отъ Минска. Игуменомъ купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково, какъ любящій отецъ, принялъ Галятовскаго. Получивъ мѣсто ректора кievской академіи, Барановичъ и Галятовскаго перевелъ въ Кіевъ преподавателемъ въ академію. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ черниговскимъ архіепископомъ.

¹⁾ Описаніе рукописей Синодальной бібліотеки. II, 3, 509; Письма Лазаря Барановича, 51—83.

скопомъ. Онъ уѣхаль въ свою епархію, предварительно выхлопотавъ Галятовскому мѣсто ректора академіи. Нѣкоторыя свѣтскія лица, ревнители просвѣщенія, въ особенности кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій, содѣйствовали Галятовскому въ полученіи ректорства. Занимая почетное мѣсто ректора академіи, Галятовскій вошелъ въ сношенія съ современными ему высшими духовными и свѣтскими лицами, съ кіевскимъ митрополитомъ, малорусскимъ гетманомъ, московскимъ царемъ. Для его дѣятельности и вліянія открылось довольно широкое поприще. Дѣятельность Галятовскаго прежде всего обратилась на устройство коллегіи, пострадавшей въ 1658 года отъ пожара. Галятовскій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о помощи. Въ шестидесятихъ годахъ возникаетъ связь Галятовскаго съ московскимъ правительствомъ, утвердившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ поѣздку Галятовскаго въ Москву.

Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ съ 1654 г. потеряли временный, случайный характеръ. Кіевская митрополія весьма неохотно подчинилась Москвѣ. Московскимъ боярамъ стоило много труда уломать Сильвестра Коссова прислать къ присягѣ своихъ слугъ. Еще болѣе хлопотъ вышло у бояръ, по случаю возведенія крѣпости на горѣ около софійскаго собора, михайловскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви. Мѣстность эта принадлежала митрополиту, и Коссовъ въ гнѣвѣ заявилъ московскимъ воеводамъ: „Если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться“. Мало того, митрополитъ сказалъ: „Гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подъ его великаго государя высокою рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подъ чьею властью¹⁾“. Не смотря на очевидную поддержку со стороны Богдана Хмельницкаго, Коссовъ долженъ былъ уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно устраненія и уничтоженія южно-русскихъ краевыхъ отличій, особенно церковныхъ. Слуги митрополита были приведены

¹⁾ Карповъ, Кіевскій митрополитъ и моск. правит. въ 1654. «Православное Обозрѣніе». 1871. Авг.—сент.

къ присягѣ. Церковныя земли были отобраны подѣ крѣпость, съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія въ другоиѣ мѣстѣ. Представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха.

Въ 60-хъ годахъ кіевское духовенство еще сдѣлало одну попытку отстоять свои краевыя преимущества и привилегіи. Брюховецкій предложилъ московскому правительству назначить въ Кіевѣ митрополитомъ великороса. Извѣстіе объ этомъ предложеніи боярина-гетмана сильно взволновало малорусское духовенство. Въ 1666 году епископъ Меѳодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кіевѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита. „Если будетъ на то великаго государя изволенье, смѣло говорилъ епископъ Меѳодій, чтобъ отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевѣ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляху и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежь будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы¹⁾“.

Въ оборонительномъ положеніи находилось не все малорусское духовенство, а лишь часть его. Нѣкоторые іерархи, на примѣръ, Лазарь Барановичъ, всегда склонялись на сторону Москвы. Малорусское духовенство изъ положенія оборонительнаго быстро перешло въ положеніе смиреннаго просителя, заискивающаго милостей и подачекъ. Къ этому положенію привело много обстоятельствъ, главнымъ образомъ сознаніе собственнаго безсилія передъ систематической московской политикой полного подчиненія Украины и

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. XI 210.

воспитанное кievской академіей ласкательство и сервиллизмъ. Наиболѣе дальновидные и сообразительные украинскіе іерархи поняли, съ какой стороны подулъ вѣтеръ, и не пытались плыть противъ общаго теченія, уносившаго Украину подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Барановичъ, несомнѣнно обладавшій политическимъ умомъ и принимавшій близко къ сердцу интересы южно-русскаго народа, сдѣлалъ попытку выпросить у царя хотя что-нибудь изъ того, чего нельзя было отстоять ссылками на мѣстное обычное право. Попытка не была и не могла быть удачною, Барановичъ получалъ лишь щедрые дары. Дары эти имѣли характеръ временнаго награжденія, или жалованья. Галятовскій, какъ ученикъ и послѣдователь Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ только просилъ и просилъ, никогда и ни въ чемъ не прекословилъ, и его просьбы большей частью были принимаемы и удовлетворяемы.

Въ 1659 году декабря 31 дня дана была на имя игумена братскаго монастыря и ректора кievскихъ школъ Іоанникія Галятовскаго царская жалованная грамота на монастырскія и академическія маетности¹⁾. Воспользовавшись пособіемъ со стороны московскаго правительства и со стороны кievскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Галятовскій построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи звѣренныхъ ему учрежденій, открылъ классы до риторики и самъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской.

Заботы и хлопоты по устройству братскаго монастыря и академіи не помѣшали Галятовскому выступить на литературное поприще.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Памятники, изданіе временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. 1846. II. 223—226.

КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ.

Весьма распространено мнѣніе, что запасъ произведеній народнаго малорусскаго творчества исчерпанъ собирателями и что сохранять и записывать болѣе нечего. Касательно историческихъ пѣсень и думъ въ этомъ сходятся почти всѣ. Нѣсколько личныхъ моихъ встрѣчъ поколебали во мнѣ эту увѣренность и въ поискахъ за послѣдними остатками старой исторической поэзіи я склоненъ терпѣть много неудачъ за небольшую удачу, въ возможность которой еще вѣрю. Поиски за историческими пѣснями дадутъ, быть можетъ, немного новыхъ открытій, за то многое уяснятъ, по свѣжимъ слѣдамъ, для *физиологiи* этого исчезающаго явленія, которое лѣтъ двадцать-тридцать назадъ представляло еще величественныя развалины. Процессъ совершившихся въ этихъ пѣсняхъ измѣненій, самые ихъ обломки помогутъ уяснить то, что исчезло. Предлагаемые очерки—листки изъ дневника такихъ поисковъ. Не сѣтуй, читатель, встрѣчая въ нихъ больше „описаній“, чѣмъ остатковъ исторической и бытовой кобзарской пѣсни,—знай, что въ этомъ сожалѣніи ты предупрежденъ прежде всего мной самимъ.

I. Ярмарка въ Пирятинѣ.

...Удаленный отъ желѣзныхъ дорогъ, степной пирятинскій уѣздъ—съ виду еще порядочная глушь и я думалъ, что тамъ-то именно задержались еще кобзари и лирники. Проѣзжая лѣтомъ черезъ Пирятинъ, я спрашивалъ о нихъ на базарѣ. Торговки ошеломлены были вопросомъ и не сразу собрались отвѣчать. Но какой-то „дідусь“, выбиравшій арбузъ изъ огромной горы и зеленыхъ и бѣлыхъ, вянувшихъ на пустынной площади, подъ лучами полуденнаго августовскаго солнца, вмѣшался въ нашу бесѣду и сказалъ.

— Та шляютьця! У городі нема, а приходять зь сель. У субботу приходять, підь праздникъ, або у праздникъ...

Въ сентябрѣ, восьмого числа, въ Пирятинѣ ярмарка, самая большая въ году, совпадающая съ храмомъ единственной городской церкви (Кладбищенская не въ счетъ). Когда-же и быть „людямъ Божіимъ“ въ своемъ „городѣ“, какъ не на этой ярмаркѣ? Я спѣшилъ въ Пирятинъ къ восьмому сентябрю и, на разсвѣтѣ этого дня, выѣзжалъ изъ ближайшей къ Пирятину, со стороны Прилукъ, станціи Махновки, торопясь на ярмарку.

Чаще и чаще между старыхъ вербъ почтовой дороги попадаются возы и пѣшеходы, стремящіеся „на ярмарокъ“. Скромный пирятинскій костюмъ „молодиць“, ихъ черныя запаски и плахты, корсетка темнаго черкасину, черный, высоко повязанный головной платокъ и каемка бѣлой рубахи, виднѣющаяся надъ обутыми въ черевики ногами, бросается въ глаза. Солнце выходитъ изъ-за лѣсу въ розовыхъ лучахъ. На всемъ ихъ ласкающій, веселый свѣтъ. Самая пыль, покрывающая лице, руки, пальто, дорожную сумку, съ покоющейся въ ней—увы!—совсѣмъ еще чистой тетрадкой, самая эта пыль, въ розовыхъ утреннихъ лучахъ, принимаетъ какой-то золотистый и дымчатый оттѣнокъ. Идутъ и ѣдутъ «ярмаркови»... Вотъ большой, солидный возъ, запряженный парюю сильныхъ, медленныхъ воловъ. На возу сложено что-то, прикрытое рядомъ, что везется на продажу. Хозяинъ, въ бѣлой, припылившейся сорочкѣ, мужественный и сильный, какъ его волы, трогаетъ кнутомъ *цобъ* по круторогимъ, при встрѣчѣ съ нами. Дѣвочка дочь примостилась сзади воза, свѣсивши босыя ножки. А посрединѣ, выше всѣхъ, свободная теперь отъ непрестаннаго домашняго труда и заботы, сидитъ, не старая еще и миловидная, хозяйка, душа семьи, *господиня*... На ней праздничное платье и старинный, не часто вынимаемый, зеленый съ краснымъ, платокъ, накинутый на плечи... Вотъ двѣ высокія, стройныя *дівчини*, должно быть подруги, и парубокъ возлѣ нихъ. Наша телѣга неосторожно налетаетъ на эту группу и зазѣвавшійся парубокъ шарахнулся въ сторону. Смѣхъ и „регитъ“ высокихъ дівчатъ, конфузъ парубка и *дражніння* на цѣлый день... Остановка у шлагбаума передъ длинной, вымощенной камнемъ, греблей. По ней, щадя свои бока и уши, въ сухую погоду не ѣздитъ никто, объѣзжая стороною. Она

выстроена на земскій счетъ, т. е. на счетъ уѣзда, но, тѣмъ не менѣе, за проѣздъ взимается плата и у шлагбаума ругается съ крестьянами неизбежный арендаторъ еврей. За греблею — поворотъ на горку. Подъ горой сидитъ старый нищій и низко кланяется, прося милостыню. Можетъ быть въ этой сѣдой головѣ таится не одно преданіе, не одна пѣсня, легенда? Но не буду терять времени на остановки... На ярмаркѣ ихъ будетъ много!... Взъѣзжаемъ на гору и круто беремъ влѣво. Изъ какой-то боковой, сельской дорожки выѣзжаетъ, разомъ съ нами, цѣлый поѣздъ, возовъ тридцать, ѣдущихъ на ярмарку. До города всего версты три. Тутъ вся дорога усѣяна уже возами. Пѣшеходы, по два, по три, по десятку идутъ стороною, подъ вербами. Пыль такая, что продохнуть нельзя. Показываются деревья, мельницы, еврейское кладбище, въ сплошной дымкѣ пыли множество возовъ, скота, лошадей. Вдали видны ятки, бѣлые домики, громадный острогъ, — самое большое и лучшее зданіе въ городѣ, маленькая кладбищенская церковь... Мы на выгонѣ, гдѣ ярмарка.

Ряды съ лукомъ изъ-за Прилукъ, кожевники изъ Ични, гончарныя издѣлія — горшки, глечики, крышки, кухлики, поливянныя миски, горы арбузовъ, хлѣбъ, ссыпанный въ кучи и тереза возлѣ кучъ, хлѣбъ въ мѣшкахъ на возахъ, продающійся на осеннія подати, крытый ятками „красный рядъ“, рядъ желѣзный, споры за мостовое, шинки по окраинамъ ярмарки, *сниданья* подъ возами и на возахъ, опрокинутыя оглобли, проѣзжанье лошадей, черныя лица цыганъ, „крамниці“, оврагъ за ятками, гдѣ жарятъ на сковородахъ рыбу и кипятъ въ котлахъ раки... Поблѣвннѣ клешни вкусныхъ страдальцевъ судорожно выпрамляются въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Рука равнодушнаго мучителя ихъ, вооруженная ложкой, поворачивается въ казанѣ, снимая пѣну съ кипящей воды; верхніе тонуть въ кипятокѣ, а снизу выворачиваются готовые уже, ярко красные, горячіе и дымящіеся... Обхожу всю ярмарку вдоль и поперекъ. Разочарованье полное! Ни одного „Божьяго человѣка“, ни одной свитки, съ заманчиво возвышающеюся сбоку полою, изъ подъ которой выглядываетъ бандура или лира. Останавливаю подающимъ простыхъ нищихъ и спрашиваю ихъ. (Бываетъ, что прежніе лирники оставляютъ инструментъ, переставшій нравиться въ народѣ, и просто просятъ милостыню).

— Я старымъ осліпъ, пісень не знаю, я невченый, отвѣчаетъ одинъ.

— Не знаю ніякихъ, говоритъ другой. Хиба *Ісуса* та *Варвары*?

Иду рядами. На встрѣчу попадается высокій слѣпецъ-нищій съ поводыремъ. Онъ громко проситъ милостыню, останавливается, становится на колѣни и кланяется въ землю народу. Кобзари такъ не дѣлаютъ! Жиды-торговцы ловятъ мой унылый взглядъ:

— Ишто покупаете, спросите! Что вы желаете? Что вамъ нужно?

Сказать имъ развѣ, что я желаю незаписанныхъ думъ, что мнѣ нужно кобзаря?..

Посреди ярмарки, возлѣ *сидухъ* и „прожорнаго ряда“ (въ этихъ мѣстахъ, а также возлѣ ятокъ, въ самомъ бойкомъ пунктѣ, обыкновенно помѣщаются нищіе-слѣпцы) группа слѣпыхъ женщинъ-нищенокъ сидитъ кружкомъ, поджавши ноги и во все горло поетъ *Свату Пятницю*. Одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ маленькую деревянную мисочку, въ которую, время отъ времени, кто нибудь изъ стѣснившейся кругомъ толпы бросаетъ копѣйку или двѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ съ дѣтьми, двѣ—съ грудными. Вся эта компанія, во время остановокъ пѣнія, жадно ѣстъ подаваемые куски жареной рыбы, арбузовъ и проч., а хлѣбъ прячетъ въ торбы. Онѣ то перестаютъ пѣть, то принимаются снова, поютъ долго и дружно, при чемъ одна изъ женщинъ подхватываетъ при окончаніи каждаго куплета въ октаву вверхъ. Возлѣ нихъ сидитъ двое нищихъ. Одинъ худой и староватый, другой не старый брюнетъ, въ свиткѣ, брилѣ и новыхъ выбойчатыхъ штанахъ. Возлѣ него пучекъ возжей и веревокъ, его работа, которую онъ вынесъ продавать. Маленькій поводырь, которому не сидится молча, выкрикиваетъ звонкимъ голоскомъ:—„А ну віжокъ! Кто віжки купить, той до дому поіде, а хто ні—тому до завтра стоять!“—Есть-ли лирники на ярмаркѣ? спрашиваю слѣпого.—Нѣту.—А нѣтъ-ли въ уѣздѣ, въ селахъ?—Лирники есть, въ Тамаровкѣ, Баша Ѳедоръ, въ Ганзеровщинѣ, а кобзарей, такихъ какъ прежде были, нѣтъ. Есть теперь только въ Лохвицѣ, да въ прилуцкомъ уѣздѣ Остапъ Лабза, бывшій галаганскій крестьянинъ. Были и здѣсь. Былъ въ Крячковкѣ (откуда онъ самъ), старикъ, такъ умеръ, года четыре назадъ. Въ Вечоркахъ, возлѣ Березовой Рудки, жилъ Антонъ. И тотъ умеръ.

О „вечірскомъ Антонѣ“ слышно было давно. Къ несчастью никому не привелось узнать его и записать огромный, говорятъ, его репертуаръ. По всему, что я слышалъ о немъ, это была личность замѣчательная. Натура страстная и буйная, онъ не въ силахъ былъ мириться съ своей жалкой долей. Жизнь его была рядомъ постоянныхъ скитаній и въ родномъ селѣ онъ бывалъ рѣдко. Онъ пилъ запоемъ и, по разсказу Вересая, „усе шо заробить, чи холста, чи сорочку хто дасть, и бандуру навить свою, и ту пропье. Якъ зрана устане—вже й напивсь! Пьяный співає, а самъ плаче и усі за имъ плачуть: „чи мене мати, каже, або може батько прокляли!“... Онъ умеръ всего года три назадъ, безвѣстный, подобно множеству старыхъ кобзарей, и его звонкая, тридцатиструнная бандура замолкла на вѣки...

Современныя ярмарки—не чета старосвѣтскимъ, воспѣтымъ Квиткою, на которыхъ мѣста для торговли выбирались посредствомъ катанья паляницъ, парубки гуляли всесокрушающею лавой и увы! были кобзари, собиравшіе вокругъ себя народную толпу. Но въ характерныхъ сценахъ нѣтъ недостатка и теперь. Предо мною какой-то бродячій „фигаро“ изъ отставныхъ, вооруженный бритвою, „голить“ усѣвшася возлѣ воза стараго дѣда. Онъ намазываетъ мыломъ огромную сѣдую растительность и брѣветъ однимъ взмахомъ до самага корня, оставляя кой-гдѣ порѣзы. Старый дѣдъ, съ нависшими бровями, морщится, но терпитъ. Сынъ его, человекъ лѣтъ тридцати, внимательно слѣдитъ за операціей. По другую сторону сидитъ невѣстка. Въ душѣ стараго кокета видимо происходитъ борьба: его и шокируетъ комичность его положенія и хочется явиться домой, *до старои*, причепурившись и поразить ее молодымъ видомъ.

— Та ну-бо, годі вже чепурить! говоритъ онъ нерѣшительно брадобрѣю, стригущему въ это время подъ гребень его огромныя, висящія брови. „Воно завтра все одно знову поросте, а то ажъ шкура болить!“

Брови слетѣли, но когда очередь дошла до полъаршинныхъ усовъ, старый дѣдъ уперся: „э, ні! Усивъ не треба різати, ні!“... И спасъ старое козацкое украшеніе...

Славень городъ Пирятинъ! Вмѣстѣ съ несомнѣнными принадлежностями города, каковы острогъ и полицейское правленіе, онъ

представляетъ всё удобства сельской жизни. Тамъ счетомъ дома, крытые желѣзомъ, и чистота нравовъ такъ велика, что оба пола, безъ всякаго стѣсненія, купаются вмѣстѣ... Я посѣтилъ храмовое служеніе единственной церкви, той самой, можетъ быть, ѣхавши мимо которой, герой думы, Алексій, поповичъ пирятинскій „шличка не здіймавъ“... Мнѣ показалось, что и нынѣшніе соотечественники „писаря вѣйскового, козака лейстрового“ не набожнѣе его: церковь была почти пуста. Въ ней было едва-ли не больше священнодѣйствующихъ, поющихъ и вошюющихъ, чѣмъ молящихся. Со временъ Алексія Поповича церковь несомнѣнно обновлена, о чемъ я пожалѣлъ, такъ какъ здѣсь, какъ и вездѣ на нашемъ югѣ, остатки стараго иконостаса и живописи свидѣтельствуютъ о большемъ вкусѣ и изяществѣ и представляютъ большой художественный интересъ... Золотые лучи солнца наискось пронизывали храмъ, озаряя свѣтлой дымкой столбы и волны ладана. У входа въ церковь—кучка нищихъ и странниковъ. Вотъ одинъ, котораго я обогналъ на дорогѣ: съ котомкой за плечами, въ истоптанныхъ сапогахъ и какомъ-то арестанскомъ сѣрякѣ, съ волосами желтаго цвѣта и такимъ-же лицомъ, одна изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ скитаньяхъ по обширному лицу Россіи. Основатель новой секты или кандидатъ въ арестантскія роты, онъ сегодня на храму въ Пирятинѣ, черезъ недѣлю—на праздникъ святого въ Воронежѣ, а еще черезъ мѣсяць, въ осеннюю стужу, у воротъ какого нибудь далекаго новгородскаго монастыря...

Солнце спустилось низко, ярмарка стала разѣзжаться. Потянулись по селамъ пѣшеходы съ покупками, возы съ привязанными сзади, купленными телицами, бычками, съ припряженными, вымѣнянными лошадьми. Тамъ на возу видна кадушка, тамъ колеса, тамъ жлукто, а кое-гдѣ и скрыня для дочки-невѣсты. Заторопились трезвые и пьяные къ завтрашней оранкѣ, молотбѣ, поденщинѣ, къ кладкѣ табаку, копанью картофеля, рубкѣ капусты и другимъ осеннимъ работамъ. Попадаютъ хлопцы въ новыхъ, смушевыхъ шапкахъ, дѣвчата, бережно несущія чоботы, ситець или цвѣты. Молодые думаютъ о досвіткахъ, которые скоро начнутся, а старые объ осеннихъ податяхъ, что надо завтра нести сборщикамъ. А тамъ, въ тѣхъ селахъ, куда вьются полевые дорожки, „дѣтворѣ“ высмотрѣла глаза, ожидая „ярмарковыхъ“. Кому привезутъ медяникъ, кому

картузь, одному глиняного коника, а другой ситцу на сподничку. Они выкатили съ улицы на выгонъ и примостились на крылечкахъ вѣтряковъ. Хозяйки спѣшать домой, гдѣ полны руки вѣчной, непрестанной домашней работы и гдѣ ждутъ ихъ „маленькі“...

Потянулись съ ярмарки и бездомные *старці*, по два, по три въ рядъ, держась одинъ за другого, съ мальчуганами-поводырями, идущими впереди, зѣвая по сторонамъ и съ отдувшимися торбами. Нѣкоторые садятся подъ вербами на большой дорогѣ, гдѣ идетъ и ѣдетъ много народу и просятъ милостыню, громко причитая. Въ хуторкѣ, версть за пять отъ города, гдѣ столнилось возлѣ колодець много возовъ и народу, я услышалъ заунывное скрипѣнье лиры. Молодой лирникъ Кондратъ Емченко изъ Харитоновки прилуцкаго уѣзда, пробренчалъ мнѣ, усѣвшись подъ плетнемъ, „Біду“, эту полу-грустную, полу-саркастическую лирицкую пѣсню, смѣсь шутки и стона, балагурства и наблюдений жизни. Я записалъ ее, такъ какъ встрѣчалъ въ сборникахъ только отрывки:

А надъ моремъ глубокимъ
Стоявъ терень высокий,
А зъ підъ того терена
Выйшла біда молода...
Одъ Харкова до Кракова,
Всюди біда однакова!..

А хто біды не знае —
Нехай мене спитае.
А я у біды бувавъ,
Такъ я біду розвідавъ.
Моя хата зъ краю,
Я біду зазнаю!

Пішла біда невелика
Та здібила чоловіка.
— Де ты въ чорта уродилась,
Що за мною учепилась?
— Въ Дубовому родилась,
Въ Вербовому хрестилась,
Въ Бериславі зросла,
У Пврятинъ заміжъ пішла.

Въ Бердичеві на торзі
Іде біда на козі
Въ червоному картузі;
—Сідай, бідо, на козу
Я тебе къ чорту 'двезу (2)
Ще й дорогу покажу...

Пішла біда въ школу,
Та зробила шкоду.
—Не йди, бідо, по мискахъ,
А б'ють біду по вискахъ!
Пішла біда до мисника,
И тамъ дано налисника,
Пішла біда до грубы
И тамъ дано у груди,
Пішла біда до печи
И тамъ дано у плечи,
Пішла біда до Дениса,
Одъ Дениса вийшла лыса,
Пішла біда до Гаврила,
Одъ Гаврила носа гріла,
Пішла біда до Уласа —
А у Власа діжка м'яса.
Пішла біда до Дем'яна,
Одъ Дем'яна вийшла п'яна,
Пішла біда до шевця,
Та й украла ремінця,
Сіла собі на столці,
Мостить собі постолці —
Сама біда засміялась
Що хороше обувалась...
—Не йди, бідо, лавками,
Бо б'ють біду палками!
Пішла біда по лавкахъ,
Били біду по лапкахъ.
—Не йди, бідо, зъ старцями,
Не крадь торбы зъ сухарцями.
Стали старці змовлятися,
А де біду піймати
Зъ неї кожу зодрати...

А підъ нашимъ яримъ житомъ
Лежить біда зъ своимъ лихомъ.
То іхали за брусами,
Ледве взяли на сани.
Та повезли до Волохъ,
Проміняли за горохъ,
А Волохи каялись,
Шо гороху збавились:
—Біду къ чорту возьміть,
А горохъ намъ верніть!..

Не йди, бідо, за нами,
А бьють біду хвайдами!..
Де взявсь Мартинъ,
Хропъ бідою объ тинъ,
А Марина мимо йшла
И сорочку принесла.
А ще къ тому Марта
Горілочки кварту.
Де взявсь Омелько,
Якъ заплаче тоненько!
Де взявсь Гарасимъ,
По біді голосивъ,
Де взявсь Потапъ,
Начавъ бідушку латать...

Пішла біда въ Могилівъ,
Купувати волівъ,
Ходить біда изъ мислами
За волами, за яслами...
Пішла біда до Ніжена
И тамъ біда не здужала,
Пішла біда до Лохвиці
И тамъ дано прохвостиці.
Підъ церквою въ Тростянцю
Дано біді по яйцю,

(Снимая шапку и протягивая руку):

—Кому одно, а мені двое!

II. В а р і а н т ы д у м ь.

Репертуаръ лирниковъ большею частью ограничивается нѣсколькими духовными стихами и шуточными пѣснями. Но иногда они поютъ такъ называемые морализирующие стихи и, если допроситься, полузабытые, слышанные отъ старыхъ „майстровъ“, отрывки думъ. Не слѣдуетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Но какъ найти этихъ лирниковъ по селамъ и захоlustьямъ, гдѣ даже самые сельяне не всегда укажутъ ихъ вамъ? Богъ знаетъ его, этого слѣпого, что у него гдѣ-то, въ хижѣ, лежитъ заброшенный *струментъ*, играть на которомъ онъ иногда уже и оставилъ, такъ какъ къ этой музыкѣ и къ этимъ пѣснямъ исчезъ вкусъ въ народѣ. Не поможетъ тутъ и земская статистика, съ ея подворнымъ описаніемъ сель, гдѣ описывающіе, конечно, менѣе всего думали объ исторической пѣснѣ.

Списки думъ, слѣдующіе дальше, попали въ мою книжку случайно. Проѣзжая село Вейзбаховку, прилуцкаго уѣзда, я узналъ, что тамъ есть лирники, и нашелъ одного изъ нихъ—Ефима Перепелицу. Онъ живетъ въ своей хатѣ и занимается хозяйствомъ на своемъ двухдесятинномъ надѣлѣ. Съ лирою ходитъ только осенью. Пахать поле помогаютъ ему люди и, не хуже взрослога, работаетъ на полѣ его тринадцатилѣтній сынъ, онъ-же и поводитарь. Въ противоположность отцу, у этого хлопца необыкновенно лучистые и ясные глаза, съ прелестнымъ дѣтскимъ взглядомъ. У него домовитый видъ „отецкого сына“—работника и судьба, конечно, сулитъ ему не испытывать горькой отцовской доли, а жить „якъ люде“.

Дума „О сыновьяхъ и вдовѣ“ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ. Она записана въ уѣздахъ ахтырскомъ, зеньковскомъ, борзенскомъ, сосницкомъ, лохвицкомъ, прилуцкомъ и лубенскомъ. Кромѣ печатаемаго восьмого списка, у меня есть еще девятый, отъ лирника Вакуленка, изъ Прилукъ. „Иванъ Коновченко“ когда-то былъ также любимой думой. Лирникъ, диктовавшій мнѣ его, рассказывалъ, что еще недавно, на ярмаркѣ въ Яблоновкѣ, какой-то старикъ заставилъ его пропѣть „Коновченка“ два раза. Не удовольствовавшись этимъ, онъ повелъ его въ свою хату:—„Ще, каже, ты мени її тамъ разъ проспівашь!“ Эти поэмы держала столѣтія въ народной памяти не одна сила ослабѣвающихъ историче-

скихъ воспоминаній. Онѣ питали и художественную потребность. Не даромъ молодежь прислушивалась къ „Коновченку“—этой воплю жажды жизни и подвиговъ, этой скорбной пѣснѣ о сраженной въ цвѣтѣ юности молодой силѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ набросковъ, гдѣ отразился весь пылъ и трепетъ севастопольской трагедіи, великій современный поэтъ,—Левъ Толстой, замѣчательно близко подошелъ къ простодушному созданію малорусской пародной музыки. Его Володя Козельцевъ, опьяненный успѣхомъ, охваченный безумной отвагой и сраженный пулей на бастионѣ въ первый-же день своихъ подвиговъ, есть тотъ-же Ивась, сынъ вдовы Коновчихи, о которомъ не устаютъ распѣвать кобзари на Украинѣ, втеченіе двухсотъ лѣтъ. Такъ индивидуальное творчество высочайшихъ талантовъ сходится съ массовымъ творчествомъ великаго поэта—народа.

О вдовѣ и сыновьяхъ.

То не сосна шуміла,
 То бідная вдова зъ своїми дітками говорила,
 А милосердного Творця на помощь просила:
 —А хоть буду хлѣбъ одробляти,
 Да не буду дітей у наймы посылати!
 Охъ якъ трудно да важко важкій камінь изняти —
 А ще трудніше и важче вдовиці мали дітки годувати!

Да жила бідная вдова проживала,
 А ніякого супороку та вона не мала,
 И до великого зросту синівъ воспитала,
 Чужимъ людямъ на потурание у руки не подавала...

То не сива зозуля кувала,
 То бідна вдова своїмъ діткамъ щастя-долі, хортуны, прохала:
 — «Охъ, милосердный Творче и всі святіі отці!
 Поможіть мені малихъ дітокъ погодувати,
 Изъ їхъ розума да й діждати!»

Уже бідна вдова синівъ погодувала,
 Уже бідна вдова синівъ подожидала,
 Уже бідна вдова сынамъ дома построіла
 Уже бідна вдова отъ їхъ розуму діждала,
 И синівъ подружила.

Ой, якъ стали вони, удовиченки, роскішно проживати,
 Стали неньку стареньку гіркими словами зневажати,
 При старості літь за хлібъ-сіть та докоряти:

— Ой иди-жь ты, мати, на чужий двіръ та проживати,
 А нехай мы будемъ сами знати,
 Якъ се намъ господарство содержати!
 Одинъ узявъ, — за білу руку веде,
 А другий по-підъ боки веде,
 Третій наздогоняе,
 Та въ потилицю выпихае!

Вывели матіръ за нові ворота:

— Оце тобі, мати, шляхъ-дорога та широка!...

Пішла бідна вдова подовжъ улонькою,
 Да зустрілася изъ сусідонькою:

— «Ахъ сусідо, сусідо, молода челядино,
 Та чужая чужанно,

Прийми мене до смерти жить!

Буду я тобі ділечко робити,

Хату й сіни відмітати,

И добра твого доглядати».

Да взяла сусіда удовицю за білуру ручицю,

Посадила сусіда удовицю у нову світлицю,

И за нову скамницю:

— «Иди-жь ты, мати старая и чужая, въ мій домъ проживати,

Да не будешъ ты у мене ніякого супороку мати,

Не будешъ ты въ мене хаты й сіней підмітати,

А будешъ ты мені, молодій челядині, порядокъ давати».

Да жила жъ бідная вдова проживала ажъ тринадцять годовъ,

Ніякого супороку у сусіди не мала.

А въ тринадцятімъ годі ставъ грімъ погрімати,

Стала чорна хмара наступати,

Ставъ удовинныхъ синівъ громовимъ огнемъ Господь карати,

И въ полі и въ домі всю ходобу розбивати.

Стало ихъ подвірья зеломъ и бурьяномъ заростати,

Стали ихъ люде превелико-марно зневажати,

Превелюку злобу и сварку укидати,

Стали обь їхъ люде говорити:

— Ахъ вы, удовиченки, десь вы въ себе хліба-соли вы не мали,

Шо вы свою матіръ, при старості літь, на чужий двіръ позслали».

А старший братъ каже: «ходимо, братця, матери прохати,

Чи не перестане насъ Господь карати?

Охъ, дивитця, братця, який я бувъ собі домъ коштовный ізбудувавъ,

Та скоро свою матусю на чужій двіръ изславъ,—

Да заразъ мене Господь громомъ-огнемъ некаравъ,

А у полі и въ домі всю худобу поубивавъ.

Ходиме, братця, матери прохати,

Чи не перестане насъ Господь карати».

Підстарший братъ каже: радъ бы я, братця, матусю до себе забрати,

Да-къ боюся: жена вельми безбожная да й у мене.

И такъ сварка буває що дня у мене».

Самый меньший братъ до матусі приходить,

Изтиха словами промовляє:

— «А ходимо, ненько старая, у нашъ домъ проживати,

Не будешъ ты супороку ніякого у насъ мати.

Будемъ мы твою старість чтити й поважати,

Не будемо, ненько старая, за хлібъ-сіль тобі докоряти,

Будемъ своихъ діточокъ та страхати...»¹⁾

А покіль сыны матіръ та упресли,—

И въ полі и въ домі нічого не зоздріли.

А якъ стала бідна вдова на коліняхъ стояти,

А до Бога руки здіймати:

» О, Господи! Якъ мені тяжко було маленькихъ ихъ хлібомъ годувати!

«О, Господи! перестань моихъ сивевъ карати!...»

Якъ стала бідная вдова въ ихъ домі проживати,

Ставъ имъ Господь видимо помогати,

А й въ полі и въ домі всю худобу приспоряти²⁾.

¹⁾ Въ варіантѣ Вакулеца:

Шо єдина вдова на ти ихъ слезы не вважала,

Тільки вона єдинеє у сердці поймила,

Шо ихъ мали дітки пожаліла...

²⁾ У Вакуленка здѣсь слѣдующая амплификація:

Меньший братъ въ сильно велику дорогу одѣзжає,

Старшого брата словами ублаготворяє:

— Старший братъ, матусі не прогнівляй,

— Рано и позно молитвы її почитай,

Подружжя, братъ, мое й свое зупиняй!

Старший братъ упяты же великеє сердце-злость мівъ,

Возбратно матусі горко словами укоривъ,

А послушайте, браття, паны-молодці! —
 Що хто отця и матку почитае,
 И отцевську молитву матусину не забуває, —
 Да той изо дна моря выринае!
 Аще хто отця и матки не почитае,
 И отцевську молитву матусину забуває,
 Да той на березі погибае,
 А на віки віковъ!

Нравственно-поучительныя думы, обращаясь въ народъ, нерѣдко принимали формы пѣсень. Слышанныя отъ кобзарей, въ пѣсни онѣ перекладывались по памяти, значительно видоизмѣняясь. То излагалось кратко содержаніе думы, то развивалась одна, запавшая въ память и особенно поразившая черта. Въ замѣткѣ о кобзарѣ Крюковскомъ ¹⁾ я привелъ подобный перифразъ думы „О сестрѣ и братѣ“. Вотъ отголосокъ „Вдовы и сыновей“, записанный въ селѣ Тамаровкѣ, пирятинскаго уѣзда, отъ старухи:

У неділю рано пораненьку
 Выгоняе сынъ свою неньку:
 —Иди, мати, прічь одъ мене,
 Будуть гости у мене,
 Будуть въ мене кумы—побратимы
 И рідніи браття!...
 Плаче мати, иде улоньками,
 Плаче слізоньками...
 Зустрічае дочка матірѣ:
 Куди, мати, идешъ мандрувати?
 Иди, мати, жити до мене,—

За руку вінъ бравъ,
 Зъ хаты вывождавъ!..

А приснився меньшому брату у сильно великій далекій дорозі предивный сонъ.

Вінъ ставъ плаче-рыдае,
 Своему браттю словами промовляє:
 —О, мабуть, браття-товарищи,
 Мабуть мой матусі у дома немає,
 Шось мені у дорозі фортуна не пособляє!..

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1882 г. декабрь.

У мене дві хаты,
 Будешь моихъ дітей колыхати,
 Иле сынъ своїй неньки прохати:
 —Иди, мати, жить у мене,
 Худо жити безъ тебе!
 Бодай тобі, сынку, хата згоріла,
 Жінка вмерла, дитина зосталась!...
 Пішовъ сынъ матери прохати!
 —Иди, мати, жити до мене
 Худо мені жити безъ тебе:
 Вмерла жінка, дитина зосталась,
 Да-къ нікому колыхати...

Иванъ Коновченко.

Ой вдова Коновчиха, по своєму мужу Грициха,
 Мѣла у себе сына одного Ивана Коновченка,
 И вона изъ малыхъ літь ждала и дожидала,
 До великого зросту воспитала,
 И чужимъ людямъ на потурание въ руки не подавала...
 Ой Филонъ, корсунский полковникъ, ставъ підъ городъ підходити,
 Ставъ намети напинати,
 Ставъ въ охотне військо у козаки выкликати:
 —Охъ, кому то браття придокучило въ отця своего и въ паніматки проживати,
 Шинкарці за чарку горілки хату и сіни підмітати,
 А прошу я брата на Черкень долину у козацкое військо пойти погуляти,
 А козацької славы и памяти достати!»
 А скоро Иванъ Коновченко сее слово услыхае,
 До въ своен матусі старои благословлення просить, тай питае:
 —Ахъ, прошу я, мати, на Черкень долину пойти погуляти,
 Козацької славы и памяти достати!
 —Охъ не велю я тобі, сыну, дитя мое, на Черкень-долину ити гуляти,
 Козацької славы и памяти доставати,
 А велю я тобі, сыну, дитя мое, у городі у Черкасі проживати.
 Е въ тебе чотыри волы чабаниі,
 А ще пара коней ворониі,
 До ты будешь у городі у Черкасі проживати,
 И будешь ты хліба пахати,

То будуть до тебе всі козаки заїзжати,

Будуть у тебе хліба-соль заживати,

И будуть тебе на підпитки звати,

А будуть тебе дворяннимъ почитати.

—Ахъ, не желяю я, моя мати, а хліба пахати,

Хоть я буду, моя мати, и хлібъ пахати,

Будуть до мене козаки заїзжати и хлібъ и соль заживати,

А будуть мене, моя мати, гречкосіємъ прозывати.

—Охъ, якъ бы ты мені, мати, добре дбала,

До е въ тебе чотыри волы чабаниі,

А ще пара коней воронні,

То ты-бъ до жида королевского одгонила,

И ты бъ имъ торгъ сочинила,

Пятьдесятъ червонцівъ доложила,

Да мені коня доброго купила,

Якъ моя козацькая молодецькая душа та любила.

—Ахъ сыну, дитя мое, Ивану Коновченку, ой вдовиченку,

Тридцять я літь отцевську худобу содержала,

Да все бъ то тобі на одного коня все позбувала!

—Ахъ, не желяю-жъ я, моя мати, а хліба пахати,

Своихъ німецькихъ закаблуківъ ламати,

И своихъ голубихъ жупановъ пиломъ напиляти.

А вже мені, моя мати, надокучило за плугомъ прохождати.

А за плугомъ прохождати, то болить спина,

А вже мені, моя мати, та борозна мені не мила!

—А скоро удова Коновчиха, по своему мужу Грициха, до Божого храму
одызжала,

А козацькую усю зброю въ комору позамыкала,

И тільки забула на стіні шаблю булатную пицальную и семипьядную.

Да Иванъ Коновченко въ світлоньку вступае,

То ничого вінъ не забачае,

А тільки забачае вінъ на стіні шаблю булатную и пицаль семипьядную.

На плеча закидае и всіхъ козаківъ догоняе,

А проти старого и проти малого шапочку скидае,

И всі козаки возворочали, шапочки скидали,

Его дорожкою поздоровляли.

Ахъ покиль удова Коновчиха, по своему мужу Грициха, изъ Божого храму
приізжала,

Уже сына Ивана Коновченка вдовиченка, уже въ домі не застала.

До вона гэрко кляла и проклинала,

И слезы свои проливала:

— Ахъ сыну, Иване Коновченку-удовиченку,

Бодай тебе три недоли не побили: перва недоля не побяла, щобъ тебе пу-
лями не стреляли,

А другая недоля щобъ тебе не побила, щобъ тебе шаблями не зрубали,

А третя ще недоля не побила,

Штобъ тебе материни слези ни въ якій потрібці не споткали.

Да вдова Коновчиха, по своему мужу да Грициха, мѣла въ себе вона чотыри
волы чабаниі,

А ще й пара коней ворониі;

До вона до жида королевського одгоняла,

Торгъ имъ сочинила,

Пятдесять червінцівъ доложила,

Ему коня доброго купила,

А якъ его козацькая та молодецькая душа да й улюбила.

А рядовымъ козакомъ подавала,

И поклономъ его поздоровляла,

А рядовой козакъ его догоняе,

Одъ матусі старои поклономъ его поздоровляе,

Ажъ до ёго кінъ добрый прибувае.

— Ахъ дивитесь, братья, я думавъ, що мені мати худо дбае,

Аже мені мати добре дбае,

Што мѣла вона въ себе чотыри волы чабаниі,

А ще пара коней ворониі,

Да вона до жида королевського одгонила,

Торгъ имъ сочинила,

Пятдесять червонцівъ доложила,

Мені коня доброго купила,

А якъ же моя молодецькая козацькая душа да й улюбила.

Когда бъ мені Господь помігъ сей походъ исходити,

А й назадъ воротитця,

Да я буду при старості літъ свою матусю хлібомъ годувати.

А по смерти ей кости ховати.

Когдабъ мені Господь помігъ сей походъ исходити

И назадъ воротитця,

Да я буду при старости літъ ей хлібомъ кормити,

А по старости ей кости хоронити...

И до табору приізжае,

Филонъ корсунскій зъ намета виглядае,

Красную китайку простилає,
 Ивана Коновченка на красній китайці сажає,
 Разними дорогими найдками
 И сладкими напитками кормить и наповає.
 — Ой Филоне, Филоне, корсунській полковнику,
 Позволь ты мені на Черкень долину пойти погуляти,
 А козацькою славы и памяти достати!
 — Ай Иване, Иване Коновченку, ой вдовиченку,
 Ще-жъ ты дитя молоде и малое,
 Ще-жъ ты ни на полі, ни на морі не бувало,
 Ще-жъ ты ниякого звичаю да не набралоя!
 — Ахъ Филоне, Филоне, корсунській полковнику,
 Поймай же ты утя малое и тее старое,
 Да й пусти ты на воду:
 Чимъ лучше поплыве утя старое,
 Чимъ тое малое?
 — Ну, велю я тобі, Иване Коновченку, на Черкень долину ити гуляти,
 Козацькою славы и памяти доставати...
 До вінъ не много гулявъ, 4 часа и 4 минуты прогулявъ,
 А не много вінъ війска потерявъ,
 Шість тисячъ у смерть убивъ, а сімъ тисячъ смертельни раны завдавъ,
 А восімъ тисячъ живыми у плінь забравъ.
 И Филонъ Корсунській съ підъ намета виглядає,
 Красную китайку простилає,
 На красній китайці Ивана Коновченка вдовиченка сажає,
 Дорогими найдками напитками кормить и напуває,
 — Иванъ Коновченко вдовиченко сее заживає,
 Иванъ Коновченко Филону, корсунському полковнику, нарікає:
 — Охъ Филоне, Филоне, корсунській полковнику,
 Позволь ты мені водки оковитой зажити.
 — Ахъ Иване, Иване Коновченку и вдовиченку,
 Не велю я тобі, Иване Коновченку, водки оковитой заживать,
 Бо водка оковита вона тебе изъ світа зрадить,
 И окрашенного світа та вона тебе збавить,
 А велю я тобі, Иване Коновченку, вдовиченку на Черкень долину ити гуляти,
 Козацькою славы и памяти побольше доставати,
 У хорошій одежді прохождати.
 А Иванъ Коновченко вдовиченко слова не слухає,
 Бере чайний стаканъ да наливає,
 Да выпиває,

На свого коня доброго сідає.
 А Филонъ, корсунскій полковникъ, не слыхає, —
 Бере й другій наливає,
 На свого коня доброго на гриву схплює,
 Бере й третій наливає,
 Да все выпиває...
 Уже своєму коневі доброму на гриву головоньку склоняє,
 А по табору проїзджає,
 Проти старого и проти малого шапки не скидає,
 А Филонъ, корсунскій полковникъ: Ахъ, не велю я тобі водки обовитой зажити,
 Бо вона, водка обовита, вона тебе пзъ світа израдитъ,
 И окрашеного світа избавить,
 Бо Турки-Вермени прокляті,
 Вони пьяного чоловіка за чверть миль узривають,
 Вони одступлять и покиль вони тебе, пьяного чоловіка, заманять,
 Да вони тебе посічуть и порубають,
 А Иванъ Коновченко сего не слыхає,
 По табору проїзджає,
 Проти старихъ казаківъ и проти малыхъ шапки не скидає,
 А Турки-Вермени проклятве
 За чверть мили пьяного чоловіка задріли,
 А на другую ще чверть мили одступили,
 Покиль Ивана Коновченка заманили
 И Ивана Коновченка посікли, порубали,
 А хоть вони его посікли и порубали,
 А вони его коня доброго не піймали...
 А немного жъ то вони войска потеряли,
 Шістнадцять тисячъ у смерть убивъ, а тридцять тисячъ смертельны раны
 завдавъ,
 А пятнадцять тисячъ у плінь забравъ ¹⁾,
 А его конь добрый по табору гуляє,
 Попруги порвани и стремена кривави!...
 А Филонъ пзъ підъ намету виглядає,
 Превеликую тоску-печаль то вінъ має,
 На всіхъ козаківъ гукає,
 — Ахъ, вы хлопці козаки, пойдите, коня Ивана Коновченка поймайте,
 Бо его конь добрый по таборі гуляє.

¹⁾ Раньше забравъ, а не въ живихъ оставивъ.

Попруги порвані и стремена бриваві...

А пойдите, браття, поймайте,

А его матусі старенькій поклонъ да подайте.

Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, усіхъ козаківъ на дорозі
перестрічає

И усіхъ козаківъ перепитає:

—Ахъ, вы молодіі, козаки, а чи не бачили вы, чи не чули мого сына Ивана,
А мого сына Ивана Коновченка и вдовиченка?

Да всі козаки проїзждають,

А правды не предъясняють,

Тільки бувъ то одинъ козакъ рядовий—прибуває и правду предъясняє,

—Ахъ, удово, удово, Коновчиха, по своему мужу Грициха,

Що вже твій сынъ оженився и на Черкень-долині одружився,

И взявъ собі жону пишную и гордую,

Що вона нікому словечка не мовить,

И ніякому лицарю головоньки не склонить.

—А слава жъ тобі, Господи, що мій сынъ оженився

И на Черкень-долині одружився,

Шо хотъ вінъ жону взявъ собі пишную—гордую,

Що вона нікому словечка не мовить,

И ніякому лицарю головки не склонить,

Да хотъ буде при кому мені при старости літъ дожити,

А по смерти моїй кости похоронити.

Ажъ Филонъ курсунскій полковникъ іде и хорошого (коня) веде,

Попруги порвані и стремени криваві...

Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, на дорозі стрічає, гірко
кляне, проклинає:

—Ахъ Филоне, Филоне, курсунскій полковнику,

Бодай ты въ походъ не сходишь и назадъ не веротився,

Якъ ты мого сына Ивана Коновченка израдивъ,

Зъ окрашенного світа ты мені его збавивъ.

—Ахъ, не плачь, вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,

И не плачь и не проклинай,

Мені молодому щастя долі не теряй,

А не я-жъ то его зрадивъ,

Зрадила его водка оковитая,

Вона его зрадила, зъ окрашенного світа да избавила.

Да вдова Коновчиха сорокъ день ц сорокъ ночей одежи не скидала

И слезы проливала,

Ивана Коновниченка вдовиченка поминала,
 А віру турецьку віру, бесурманьску горко кляла и заблинала:
 — Ахъ, ты віра турецька, віра бусурманьска,
 Будь ты проклятая!
 На срібло да на злато да богатая.
 Визволь, Господи, невольниківъ изъ неволи
 На свою родину,
 До отця да до пані матки!...

III. Кобзарь Братиця.

Его имя стало мнѣ извѣстнымъ по реферату, читанному въ покойномъ юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества. г. Иващенко; авторъ сообщенія, напечаталъ со словъ Братицы три думы, одну псалму и одну сатирическую пѣсню. Отдѣломъ положено было тогда ознакомиться поближе съ репертуаромъ нѣжинскаго кобзаря. Но предположеніе это не осуществилось. Портретъ его, хотя очень несхожій, красуется на обложкѣ изданія г. Беца: „Историческіе дѣятели южно-русскаго края“ и позаимствованъ, кажется, изъ „Нивы“. Братиця знаетъ объ этомъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ въ Нѣжинѣ „якійсь панъ патреть зъ него знімавъ“.

— Хвалился мені внісля, шо той патреть надрюкувано.

— Шо-жъ вамъ за це?—питаю.

— Прислали, каже, шість корбованцівъ и „Ниву“ на цілий годъ.

— Я думавъ, шо ему поля дано пахать на рікъ, ажъ нісля розсказавъ вінъ мені, такъ воно зовсімъ ка-зна що!

Съ этимъ наивнымъ приговоромъ спекулятивному петербургскому журнальцу я не могъ не согласиться.

О терешковскомъ кобзарѣ я слышалъ отъ нищихъ: „тамъ старый кобзарь Павло, такий, якъ Остапъ (Вересай), ученый!“ Я догадывался, о комъ идетъ рѣчь и рѣшился его разыскать. Терешковка—маленькое глухое село макиевской волости, нѣжинскаго уѣзда, лежащее въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Павло Савичъ Братиця—старикъ небольшого роста, довольно полный, немного рябой, съ сѣдыми баками, наружности необыкновенно добродушной и почтенной. Онъ считаетъ себѣ шестидесятый годъ. „Въ 42 году на десятую пятницу, сонце мінилося, а мені тоди бувъ 18-й годъ.“

Такъ по тому я замѣчаю!“ Родомъ онъ изъ мѣстечка Мены, со-
сницкаго уѣзда, бывшій крѣпостной крестьянинъ гг. Танскихъ.
Его перевели въ Терешковку тогда, какъ по какимъ то сообра-
женіямъ помѣщика переводили людей изъ одного имѣнія въ другое.
Учился онъ у кобзаря Бешка, въ Менѣ, а Бешко (умершій въ
1855 г.) учился у извѣстнаго Андрея Шута. Таковъ ученый фор-
муляръ Братицы.

У него своя, плохая хатка, стоящая впрочемъ на панскомъ
грунтѣ. Старуха жена его также слѣпа. Милостыню больше про-
ситъ она. Самъ Павло рѣдко куда теперь ходитъ изъ дому: „Одно
те шо старый, а друге-шо черезъ оці пашпорты не вільно... Якъ
я его ніколи не бравъ!...“ Жена Павла ревниво охраняетъ пѣсен-
ное богатство мужа. Она, какъ говорили мнѣ, не допускаетъ ни-
кого учиться у него, перенимать пѣсни и псалмы. Если какой
лирникъ прійдетъ къ нимъ, она спроваживаетъ его, говоря:

— Аджэ-жъ ты бувъ у науці, такъ чого-жъ тобі тутъ треба
учитьця?

Чѣмъ и какъ живетъ онъ?—Поля у него нѣтъ никакого, дру-
гой собственности также. Болѣе или менѣе значительныя подавнія
отъ пановъ рѣдки. Между тѣмъ двумъ старикамъ надо пить-ѣсть,
одѣваться и содержать маленькаго поводитаря, нужнаго имъ обоимъ.
Поддерживаютъ его свои селяне, да кое что зарабатываетъ онъ
на витѣ веревокъ. Онъ почтителенъ и кротокъ со всѣми и пользуется
уваженіемъ въ селѣ, что не всегда бываетъ съ нищими. Въ семьѣ
Вербилы, мѣстнаго Креза и кажется кулака, живущаго въ большой
просторной хатѣ, на краю села, „зъ приходу“, гдѣ я остановился,
къ нему относятся уважительно и любятъ его. Вербило—бывшій
прикащикъ, арендаторъ чьей-то земли, человѣкъ по мѣстнымъ по-
нятіямъ очень богатый, имѣющій наймитовъ и наймичокъ... Но
это черта почти общая: эти нищіе, убогіе люди, могикане исчезнув-
шаго, стараго строя жизни, какъ-то инстинктивно внушаютъ по-
чтеніе къ себѣ въ народѣ, который какъ-бы чувствуетъ въ нихъ от-
блескъ чего-то высшаго. У самихъ кобзарей живетъ также это со-
знаніе и Братица не дѣлаетъ исключенія. Видя меня, записыва-
ющаго со словъ Павла цѣлый день, мои хозяева стали расспра-
шивать, для чего это мнѣ нужно?

— Для какойнибудь прахтыки? не то подозрительно, не то наивно допытывался длинный, рыжий Вербило.

— Та цімь піснямь більшь двісті роківь, отвѣчалъ за меня Павло. Та воно-жъ такъ колись люде на свѣті жили!..

Я совсѣмь пораженъ былъ словами Братицы, что онъ знаетъ десять думъ и болѣе 50-ти псалмь и пѣсень. (Въ сообщеніи г. Иващенко говорилось только о 29). Уже мнѣ мерещилась дума о Брюховецкомъ, которая была извѣстна черниговскимъ кобзарямъ, но нынѣ, кажется, окончательно затеряна. Объ одной эпохѣ Хмельницкаго Братица сказалъ пять думъ: „О молдавскомъ походѣ“ (Про городъ Сороку, какъ называлъ ее Павло), „О жидовскихъ откупахъ“, „О смерти Хмельницкаго и избранія Юрія гетманомъ“, „О Барабашѣ и Хмельницкомъ“ и „Про ляхівъ“ (О бѣлоцерковскомъ мирѣ). Хотя съ первыхъ строкъ всѣ онѣ показались мнѣ близкими къ печатнымъ текстамъ, но, не довѣряя своей памяти, и надѣясь встрѣтить чтонибудь неизвѣстное, я записалъ ихъ всѣ. Велико было мое разочарованье, когда, провѣривши по сборникамъ, я убѣдился въ буквальный тождествѣ. Дѣло объяснилось очень просто. Братица перенялъ отъ Бешка три думы („Озовськи браты“, „Барабашъ и Хмельницкій“ и „Козакъ Голота“). Таковъ былъ его репертуаръ при встрѣчѣ съ г. Иващенко, записавшимъ отъ него эти думы. Впослѣдствіи, странствуя каждое лѣто въ Нѣжинъ, онъ попалъ въ передѣлку нѣкому нѣжинскому обывателю, обладателю „Записокъ О Южной Руси“ и Сборника Метлинскаго. Этотъ послѣдній взялъ на себя роль кобзарскаго *майстра* и научилъ Павла еще четыремъ думамъ о временахъ Хмельницкаго по тексту Шута и кой чему изъ брошюрки о Вересаѣ. Съ тѣхъ поръ Братица утверждаетъ, что онъ учился у Бешка и у Шута (жившаго въ Александровкѣ, въ 12 верстахъ отъ Мены). Можетъ быть это и такъ, но близость его текстовъ слишкомъ буквальна и могла быть сохранена только книжнымъ путемъ. На это обстоятельство указываетъ и то, что въ думѣ о смерти Хмельницкаго имя Выговскаго, по тексту Шута искаженное въ Луговскаго, исправлено на настоящее. Ученикъ не могъ быть болѣе свѣдущъ въ прошломъ, чѣмъ учитель.

Какъ-бы то ни было, но Братица самъ создалъ себѣ эту легенду и, какъ случается иногда, кажется самъ въ нее увѣровалъ. Въ 52-мъ году, рассказываетъ онъ, въ Мену къ Бешку приѣзжали

Кулишъ и Бѣлозерскій. Бешко зналъ пять думъ, учениковъ у него было до 30-ти. Записавши отъ Бешка, прїѣзжіе поѣхали къ Шуту. Послѣ того и молодые кобзари, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, стали учиться у Шута. За давностью онъ многое перезабылъ. Такъ теперь паны, „спасибі имъ!“—ему напомнимъ по книгамъ.

Думу о Коновченкѣ выучилъ онъ отъ Шута или отъ „Охроміевского Левка“, онъ не помнитъ. И она, за исключеніемъ двухъ-трехъ стиховъ, оказалась сходной съ текстомъ Метлинскаго. „Сокколи“ изучены съ помощью нѣжинскаго обывателя. „Це Остапова, цієї Шуть не знавъ!“ говорилъ Павло, не думая скрывать источника своихъ свѣдѣній. Остальные думы его были записаны раньше. Оставалось дѣлать розыски въ другихъ частяхъ его репертуара.

Изъ того небольшого цикла пѣсень, которое занимаетъ среднее мѣсто между историческими и „божественными“, я записалъ отъ него одну пьесу: третій рассказъ о Почаевскомъ чудѣ¹⁾. Онъ относится къ тому-же событію—чудесному избавленію монастыря отъ турецкой осады (1675 г.) и отецъ Золізоръ или Залізо, здѣсь упоминаемый, тотъ-же святой Іовъ. Написанный куплетами, съ причудливымъ сочетаніемъ рифмы, рассказъ несомнѣнно того-же происхожденія, какъ и всѣ почаевскіе псалмы, сочинявшіеся монахами-базиліанами и печатавшіеся въ почаевскомъ „Богогласникѣ“. Но отъ воздѣйствія-ли народа или отъ свойства самаго воспѣваемаго событія, онъ принялъ нѣкоторые черты величія. Въ „Каликахъ Перехожихъ“ Безсонова, рассказъ напечатанъ по списку В. И. Даля. Нашъ варіантъ очень близокъ къ этому тексту, но въ немъ рельефнѣе мѣстное обличіе, утраченное въ Далевскомъ спискѣ. Вотъ самая пьеса, выученная Павломъ отъ слѣпца изъ Синявки, не кобзаря, а просто нищаго:

Псалма Почаевской Богоматери.

Пасли пастирі
Овці на горі,
А увиділи образъ
Матірѣ Божу на скалі.

¹⁾ Два первые см. въ «Малор. Лит. Сборникѣ» 59 г и въ собраніи г. Лисенка.

На той скаті ступни знати,
Де стояла Божая Мати,
Тамъ воду беруть
И всімъ вірнимъ дають.

А пречистая Діво Марія
Де у Почаеві икона твоя?
Чудо твое надъ чудами
Издѣлалось надъ турками,—
Бо твоя сила
Ихъ побідила!

Зъ града зъ Збаража въ Почаївъ прийшли,
Много народа-христіянъ знайшли.
Начали огапятись,
Могли-бъ вони вхъ усіхъ достати,
Раду складають,
И всімъ сее змовляють.

А въ вівторокъ рано браму обняли,
Законнику изъ плічъ главу зняли.
Вінъ береть на руки,
Несеть свою главу,
Матери Божій даєть славу;
Предъ образъ впадає
И духъ свій воздає.

А въ монастирі плачуть-рыдають,
Руці подносять, крижемъ надають;
«Измилуйся, Діво-Мати,
Не дай-же намъ погибати
Въ безщастній долі,
У турківъ у неволі!»

За одинъ бо день, у турецькой землі,
Ставъ въ Почаеві чернець у неволі,—
Матірѣ Божу ублагають...
Уже хотіли ихъ розігнати
Зли бусурмяни—мухомедане,
А Матірѣ Божа всімъ сее изъявила,—
Омохворомъ вірнихъ покрыва:
«Не бойтеся, христіяне,
Не возьмуть васъ бусурмяне

У свої руки
У тяжкі муки!»

А Золізоръ передъ Марією ставъ,
На повітрі всімъ видимою,
Просить: «пані Рахиля,
Не одпушай, бо то святыня,
Яко цариця
И владычиця!»

Турки съ татарами сміло ступають,
На гору стрілы якъ дощъ пускають,
И вгоняються всіхъ мечами,
И мають ще стрілы за плечами,
То ихъ-же стрілы
Та назадъ летіли!..

Крикнувъ на військо турецький Баша:
«Усі ми погибнемъ, бо недоля наша;
Назадъ стрілы усе вертають,
И насъ самихъ забивають,
Мы того чуда вікъ не виділи!»
Шо зъ того чуда всі дивувались,
Шо того чуда вікъ не виділи:
«Звать у неба Божая сила,
Полки войска наступили,
Насъ проганяють
И убивають!»

А у християнъ турокъ питає:
«Шо то за пані у горі сєє?
И зъ нею військо все зъ мечами
Поступає услідъ за нами,
Не йдуть землею
Та все облаками?»

А християне имъ такъ сєазали:
«Шо то Мати Божа стоить изъ ангелами,
Іі образъ у монастырі
Славенъ, чуденъ Божой силі!»
Которі знають,
Усімъ сєє зъявляють.

Страхомъ великимъ усі закричали,
Матіръ Божую Божкомъ назвали:

«На повітрі стоить Божко,
 Прийшло зъ нею військо,
 Та недоля наша,
 Уже забить и Баша!»

Зли бесурмяне зъ міста рушали,
 Зъ коней падали, корка лишали,
 Изъ Почаїва утікали,
 Невольниківъ оставляли:
 Бо Марїнна сила
 Страшна їмъ была!

Мати Божая, можная царице!
 Всі-жъ мы упадемъ предъ тобою на лице,
 Пребудь изъ нами у той часъ смерти,
 Не дай-же намъ у грїхахъ померти,
 Яко царице,
 Всімъ заступнице!

Не привожу здѣсь собственно псалмъ, записанныхъ отъ Братицы. Произведенія этого рода не имѣютъ у насъ до сихъ поръ особаго сборника и я отлагаю свой запасъ именно для него. Только при значительномъ ихъ собраніи, въ родѣ собраній великорусскихъ стиховъ Варенцова и Безсонова, возможны какіе нибудь выводы о ихъ характерѣ, складѣ, внесенныхъ исторіей и народнымъ духомъ оригинальныхъ чертахъ, степени воздѣйствія и заимствованія у сосѣднихъ народовъ и т. под. Издатель монументальныхъ „Каликъ Перехожихъ“ г. Безсоновъ не любитъ малорусскихъ псалмъ и кантовъ. Ему не нравится ихъ усиліе въ немногихъ словахъ сказать многое, ни тѣ жарты, которые вносятъ въ нихъ малорусскій юморъ, ни постоянныя ихъ вторженія въ жизнь, доходящія до внесенія кантовъ въ праздничныя представленія въ дѣйствіяхъ и лицахъ, ни тѣсная связь ихъ съ народными праздничными пѣснями, въ родѣ Щедринокъ и Колядокъ¹⁾. Для насъ-же въ этой близости ихъ къ жизни, въ возможности прослѣдить связь съ жизнью старой школы, ихъ родоначальницы, интересъ и привлекательность этого рода произведеній...

¹⁾ См. предисловіе къ 4-му вып. «Каликъ-Перехожихъ».

„Онофрій“, „Лазарь“, „Двѣнадцять пятницъ“, „Варвара“, „Сынъ блудящій“, „Смотрися къ намъ смерте“, *проказаны*. А про Кирика не знаете? спрашиваю я Павла.—Хрінъ ихъ усі перезнае! — Хиба „Правду“ заспівать? Та її не всі люблять! прибавляеть онъ съ умѣшкой, играя словами. Его „Правда“ своеобразна и представляеть черниговскій варіантъ этой замѣчательной пѣсни:

Шо тепера въ світі правды не зіскати,
 А тая неправда звыкла правдовати. (2)
 Теперь святу правду підъ нозі потоптали,
 А тую неправду медомъ-виномъ наповали.
 Да теперь-же свята правда да сидить у темниці,
 А тая неправда зъ панами у світлиці.
 Стоить правда у порога да слізно рыдае,
 А тая неправда зъ панами пье-гуляе. (2)
 Стоить правда у порога да тайненько сміетця,
 А тая неправда за гроши беретця. (2)
 Хочеть правда царства, а неправда богатства! (2)
 Шо хочеть правда та судомъ стати,
 Шобъ святымъ хлібомъ-сілю панами судъ розсуждати. (2)
 А неправда та хочеть, шобъ и суду не знати,
 Абы срібломъ-злотомъ судьямъ очи засыпати.
 Шо хочъ правда маленька—такъ вона важенька!..
 Пішла правда нижче, а неправда повышче. (2)
 Шо хочъ правда маленька, а неправда велика,—
 Збавляе неправда усякого чоловіка. (2)
 Ой, людей збавляе, а панівъ насыщае!..
 Шо теперь у въ правды та не міетця силы,—
 Стережися отець-мати свого рідного сына!
 Шо вже конецъ віка, а конецъ приблизитьця,
 Хоть рідного брата да теперь стережися.
 Остаються дітки, а безъ матери спрітки:
 Немае имъ помочи а ни здесь, а ни відки. (2)
 Шо горе баті и діточкамъ а безъ матери пробути:
 Плачуть гірко рыдають, не можуть забути! (2)
 Кто будетъ на світі правду бережнати,
 Тому шлетъ Богъ зъ неба довго въ світі прожити. (2)
 А хто будетъ ва світі правду познавати,
 Тому шлетъ Богъ що въ Бога день благодати.
 Самъ Господь Богъ правда, да погубить неправду,
 Сокрушить гордыню, вознесе святыню!..

Репертуаръ „простацькихъ пісень“ у Павла великъ. Тутъ неизбѣжныя „Дворянка“, „Міщанка“, „Теща“, „Хома и Ярема“, „Чечітка“. Крімъ того онъ поетъ чумацкія и бурлацкія пѣсни, какъ „Побратався сокіль“, „Нема въ світі гіршъ нікому“, „Чайка“, „Ишовъ чумаць зъ Дону“ и т. д. Практика у него прежде была большая. „Я такъ привыкъ до бандуры, що безъ неї я наче и не чоловікъ“, говорить онъ. Эта двадцатиструнная бандура служить ему уже тридцать лѣтъ. Она сдѣлана въ Веркiевкѣ. Старосвѣтскіе столяры, умѣющіе дѣлать бандуры, попадаются до сихъ поръ. Такой столяръ есть напр. въ Макіевкѣ. Онъ сдѣлалъ недавно молодому кобзарю Прокопу Дубу (съ которымъ Братиця прежде ходилъ вмѣстѣ) новую бандуру. Дерево (вербина) Прокопа, за работу—рубль. Злополучный Дубъ недавно погорѣлъ и теперь „тиняется десь по світу“.

— А Овсій зъ Шняківки?

— Нема вже, умеръ!

— А Войцехъ, у Мені?

— То живой... Господи, всіхъ знають, усіхъ посписували!

— Якої-жъ мені вамъ ще проказать, говорилъ онъ грустно, коли вы всі знаете? Хиба оцю „нісенітницю?“ Це вже справді я на селі выучивъ, чоловікъ, Володька зъ Дивиці, співавъ.

Это шутивая пѣсенка, мотивъ которой встрѣчается въ сборникахъ Головацкаго и Метлинскаго („Вдова“). У Братицы она законченнѣе и лучше. Когда онъ „проказывалъ“ ее, лицо его дышало удивительной добротой хорошаго дѣдушки...

А не знала удівонька, якъ у світі жить,
 Да наняла ведмедика за плугомъ ходить,
 А вовчика сіренького воливъ поганять,
 А зайчика куценького передокъ водить,
 А лисицю Горпиницю обідать варить.
 Поступила ведмедикю да горщокъ меду,
 А вовчику сіренькому тому барана,
 А зайчику куценькому тому качана,
 А лисиці-Горпиниці курка печена...
 Ведмедичокъ розсердився—плужокъ поламавъ,
 А вовчикъ розсердився—волы розігнавъ,
 А зайчикъ куценький тай догадався,
 Въ зелену пшениченьку тай заховався.

А лисиця-Горпиниця собі догадалася,
 Въ зелену дїбривоньку заховалася.
 Несе вдова обідати — поспішаєтця,
 Сидить зайчикъ на могилі усміхаєтця.
 — Бідна-жъ моя головонька вдовиная,
 Що лежить моя нивонька неораная!..

Въ черниговской губерніи кобзарей особливо много въ сѣверныхъ уѣздахъ и они пользуются между собратьями особеннымъ авторитетомъ. Такъ гласить сборникъ Метлинскаго, вышедшій въ 1854 году. Съ тѣхъ поръ утекло много воды и сошло съ лица земли не мало стародавнихъ рапсодовъ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ и теперь кобзари не рѣдки. Я встрѣтилъ одного на другой-же день по прїѣздѣ въ городъ и свель съ нимъ знакомство. Худой и высокій, въ постолахъ и яломкѣ, съ лицомъ блѣднымъ и скорбнымъ, съ своимъ крошечнымъ бѣлокурымъ поводыремъ, онъ могъ служить для художника интереснымъ типомъ кобзаря-древлянина. Для меня-же интересъ его былъ не великъ и всѣ пьесы его репертуара я могъ суфлировать ему самъ. Онъ самъ стѣснялся этимъ и, настроивъ бандуру, напѣвалъ „сільску пісеньку“:

На калину вітеръ віє —
 Калина не спіє,
 Парень дівку вірно любить,
 Заняти не сміє...

На сѣверныхъ окраинахъ губерніи я не былъ, но кобзари, видѣнные мною въ окрестностяхъ Чернигова, принадлежать къ тому-же не интересному типу.

В. П. Горленко.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.¹⁾

5. МАРКОВИЧИ.

Марковичи выдвинулись въ ряды козацкой старшины вліяніемъ гетманши Настаси Марковны Скоропадской. Родоначальникъ ихъ— Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ²⁾. Здѣсь онъ женился на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка³⁾ и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій“, заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. Въ судебныхъ протоколахъ пирятинской ратуши за 1683 г. не разъ встрѣчается „панъ Маркъ Аврамовичъ обыватель прилуцкій, арандаръ ператинскій“⁴⁾. „Арен-

¹⁾ См. «Кіевская Старина» на 1882 г., кн. 1, 3 и 8.

²⁾ Архіеписковъ Филаретъ ошибается (Опис. черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1669 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, которая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

³⁾ Корнѣенко въ 1685 г. былъ прилуцкимъ войтомъ и затѣмъ сталъ писаться уже не Корнѣенкомъ, а Огроновичемъ; впоследствии онъ переписалъ сыновей изъ мѣщанъ въ козаки и старшій изъ нихъ—Михайло Огроновичъ былъ при Скоропадскомъ прилуцкимъ полковымъ обознымъ. Отъ него и пошли настоящіе дворяне Огроновичи.

⁴⁾ Книга протоколовъ пирятинскаго ратушнаго суда, за 1683—1729 гг., рукопись бібліотеки коллегіи Павла Галагана.

дарскій“ промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала иногда и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ преимущественно тѣмъ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество большею частью за людей очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотой дочь Настасья выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; только одна дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка—Андрея Кондзеровскаго. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человекомъ. Но сыновья его оставались все таки въ „посольствѣ“. Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, въ ноябрѣ 1708 г., стала гетманшей. Зять—гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г. Сохранилось интересное письмо Скоропадскаго о смерти тестя, писанное къ старшему сыну послѣдняго—Андрею, которое и приводимъ здѣсь: „Мы желали долгой жизни милому пану нашему, и надѣялись, что приключившаяся ему болѣзнь не будетъ смертельною; но неизбѣжный всѣхъ живущихъ рокъ рѣшилъ, чтобы долгъ смерти былъ заплаченъ, и да будетъ въ томъ воля Божья! Считаемъ васъ счастливымъ, что хотя при концѣ жизни застали вы пана родича, а мы очень сожалѣемъ, особенно Настуся—вѣчную жалость будетъ имѣть на сердцѣ, что не могли получить послѣдняго изъ живихъ устъ отца благословенія. И теперь она не можетъ ѣхать, чтобы отдать послѣдній свой долгъ и присутствовать при похоронахъ; а потому на васъ, съ друми вашими братьями и сестрами, возлагаемъ обязанности совершенія похороннаго обряда, не задерживая онаго, если тѣло поставлено будетъ и въ склепѣ, такъ какъ покойникъ умеръ неизболѣлый и тѣло его будетъ повреждено при перевозѣ въ монастырь (Густынскій). А послѣ похоронъ можете остаться тамъ, сколько вамъ будетъ нужно. Мы же, за нашими занятіями, прибыть на похороны не можемъ; но о вѣчномъ упокоеніи, идѣже правед-

ныхъ души, милаго родича, позаботимся, чтобы и здѣсь по церквамъ, были установлены молитвы и жертва о душѣ его¹⁾“.

Кромѣ дочерей, Маркъ Аврамовичъ оставилъ кажется пять сыновей, изъ которыхъ только старшій — Андрей имѣлъ въ это время урядъ глуховскаго сотника; младшіе же пока не имѣли никакихъ урядовъ. Сыновья поспѣшили подѣлить отцовское наследство, причемъ обдѣлили младшаго брата — Федора, который жилъ при отцѣ и на которомъ подслѣдній сосредоточивалъ особенныя свои заботы. Маркъ Аврамовичъ высваталъ Федору дочь переяславскаго полковника Томары, обѣщавъ свату — все свое имѣніе отдать младшему сыну, причемъ обѣщаніе свое свидѣтельствовалъ публично предъ прилуцкимъ полковникомъ Носомъ и протопопомъ Магеровскимъ. Такъ рассказываетъ объ этомъ Федоръ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продолжая затѣмъ, что когда умеръ отецъ, то братья и сестры не исполнили отцовскаго завѣта и все имѣніе раздѣлили поровну, а „деньги пани гетманова Скоропадская всѣ забрала на Кондзеровскую, оставивъ ему, Федору, „на господарство“ всего семь копѣ. Особенно жалуется Федоръ на старшаго брата, Андрея, который пользуясь своимъ старшинствомъ и вѣроятно, поддержкою сестры-гетманши, забралъ все, что было получше, себѣ.

Андрей Марковичъ, старшій изъ сыновей Марка Аврамовича, пользовался при Скоропадскомъ большимъ значеніемъ, пользуясь которымъ нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ половинѣ XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи. Начальное свое благосостояніе Андрей Марковичъ думалъ устроить женитьбою на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго, который пользовался особенною пріязнью Мазепы, крестившаго, между прочимъ, у Маковскаго дѣтей. Но прежде, чѣмъ Марковичъ могъ воспользоваться вліяніемъ тестя, судьба поставила его въ такое положеніе, о которомъ онъ конечно и не мечталъ: булава измѣнившаго Мазепы досталась Скоропадскому, которымъ всецѣло заправляла его жена — родная сестра Марковича. Впрочемъ нужно отдать справедливость и личной ловкости Марковича: какъ только пронеслась въ Малороссіи вѣсть о томъ, что Мазепа передался Карлу, Марковичъ,

¹⁾ Украинскій журналъ 1824 г., № 21, 130—132.

жившій въ это время при тестѣ, въ Кролевцѣ, немедленно посѣдѣшилъ къ Меншикову, шедшему для взятія Батурина. За эту „вѣрность“ награда дана была немедленно: Марковичъ пожалованъ былъ сотникомъ въ Глуховъ, тогда-же назначенный быть новою резиденціею новаго гетмана. А затѣмъ Марковича царь послалъ въ Царьградъ съ своими письмами къ тамошнему русскому послу; не смотря на трудный проѣздъ въ Турцію, порученіе это Марковичъ исполнилъ исправно. Отличіе шурина дало возможность Скоропадскому наградить его первою маетностью; въ январѣ 1709 г. Марковичу дано было сосницкое село Шабалиновъ, которое черезъ годъ утверждено было и царскою грамотою: „наше царское величество пожаловали глуховскаго сотника Андрея Марковича, велѣли ему дать... грамоту на мельницы подъ г. Кролевцомъ, прозываемыя Дулины, да на село Шабалиновъ, для того, что служить онъ многіе годы во всякой вѣрности и, во время измѣны вора и измѣнника Мазепы, ни къ какимъ его воровскимъ умысламъ не приставалъ, а былъ всегда при нашихъ войскахъ противъ непріятелей нашихъ вѣрно и радѣтельно, и во время взятія Батурина на приступѣ былъ-же; за ту его службу пожалованъ глуховскимъ сотникомъ“¹⁾. Но сотничій урядъ конечно не удовлетворялъ Марковича; гетманъ съ своей стороны готовъ былъ все сдѣлать для шурина, который былъ любимымъ братомъ его жены; но затрудненіе заключалось въ томъ, что Скоропадскій не пользовался властью своихъ предшественниковъ: полковничьи уряды перестали зависѣть отъ власти гетмана, такъ какъ Петръ Великій, послѣ измѣны Мазепы, сталъ замѣщать эти должности по своему личному усмотрѣнію. Приходилось, значить, самому гетману искать предстательства у приближенныхъ царя, которыхъ для этого Скоропадскій не упускалъ задобривать „маетностями“. Въ это время Скоропадскому уже удалось разъ выхлопотать полковничій урядъ для Черныша, который былъ женатъ на дочери его жены отъ перваго брака съ Голубомъ. Сталъ хлопотать гетманъ и за Марковича, чтобъ доставить ему лубенскій перначъ; хотя хлопоты эти были и не трудны, потому что дѣло шло о человѣкѣ, засвидѣтельствовавшемъ свою „вѣрность“ въ самое смутное время, но тѣмъ не менѣе хлопоты длились нѣсколько лѣтъ.

¹⁾ Арх. генер. канц., № 2523.

А между тѣмъ Марковичъ наживалъ себѣ богатства полученіемъ отъ гетмана болѣе, или менѣе цѣнныхъ маетностей. Пока добился онъ полковничества, Скоропадскій, кромѣ Шабалинова, далъ Марковичу: въ октябрѣ 1709 г.—греблю у с. Каменя, въ апрѣлѣ 1711 г.—с. Евдоконье въ стародубскомъ полку и въ іюнѣ 1713 г.—с. Токари и хуторъ на р. Артополоти. Наконецъ получено было и полковничество; въ универсалѣ Скоропадскаго 1714 г., читаемъ: „лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества по слабости здоровья и на мѣсто его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагеръ нашъ, при чемъ и полковая старшина, съ рядовымъ товариществомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагрѣ нашемъ; и мы, гетманъ, исполняя монаршее повелѣніе и снисходя при томъ на общее всѣмъ полчанъ тамошнихъ прошеніе, вручили ему п. Андрею Марковичу тотъ урядъ полковничества лубенскаго“¹⁾... Въ этомъ универсалѣ интересно упоминаніе, что будто и лубенская старшина просила гетмана о назначеніи Марковича полковникомъ; но если и просила, то есть полное основаніе сомнѣваться въ искренности такой просьбы: не любили козаки, когда въ полковники къ нимъ попадалъ чужой человѣкъ, не имѣвшій своего тамъ хозяйства; знали они, что станетъ онъ наживать себѣ хозяйство на ихъ счетъ. Такъ оно случилось и съ Марковичемъ, который за тринадцатилѣтнее свое управленіе лубенскимъ полкомъ, нажилъ себѣ богатая маетности; а маетности полковникъ наживалъ въ то время исключительно почти насиліемъ, которыя преслѣдовались въ исключительныхъ лишь случаяхъ; а Марковичъ этихъ преслѣдованій и совсѣмъ не боялся, имѣя защитницею свою сестру—гетманшу, которая, пользуясь безличіемъ мужа, заправляла Малороссіею, насколько оставлено было еще въ то время власти гетману. Впрочемъ лубенская старшина, потерпѣвъ четыре года, рѣшилась было въ 1718 г. заявить свой протестъ противъ насилій полковника, „но когда о томъ Марковичъ провѣдалъ и объявилъ гетману, сразу помянутую старшину, вмѣнивши за бунтовщиковъ, съ походу отъ службы, завернено и предано за крѣпкій карауль Θεодору Протасьеву, потомъ нещадно бито кіями, и уряды, такожь и мает-

¹⁾ Дневн. записки Як. Марковича, I, 449.

ности у нихъ поотбирано съ крайнимъ прочаго имѣнія разореніемъ¹⁾. И пришлось лубенцамъ терпѣть; не только пока живъ былъ Скоропадскій, но и послѣ его смерти не было надежды освободиться отъ Марковича; овдовѣвшая гетманша не потеряла значенія, пользуясь, какъ свойствомъ съ Толстыми²⁾, такъ и пріязнью Вельяминова, тогдашняго правителя Малороссіи. Но съ паденіемъ Толстыхъ, рушилось значеніе гетманши, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ считалъ Толстыхъ въ числѣ своихъ враговъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1727 г. отставленъ былъ Толстой (зять Скоропадскаго) отъ уряда нѣжинскаго полковничества, а въ іюлѣ стали въ Глуховѣ уже поговаривать, что не одобровать и Марковичу³⁾. Дѣйствительно, пріѣхавшій въ Глуховъ, осенью 1727 г., Наумовъ, привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ Марковича состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до послыки въ Глуховъ сенатора Наумова, ѣхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшины къ избранію въ гетманы Апостола⁴⁾. Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ въ то время Меншиковымъ, случайно вспомнившимъ о братѣ Скоропадской, которая за свойство съ Толстыми попала въ немилость временщика. При назначеніи Наумова министромъ Малороссіи, для него составлена была въ иностранной коллегіи инструкція, которую предварительно поднесли Меншикову на просмотръ; и—его свѣтлость, въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей, дополнить велѣлъ: „кромѣ жидовъ“; при томъ-же разсудить изволилъ, что полковникъ лубенскій, шуринъ гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его—отставить⁵⁾.

Такъ случайно, рѣшена была отставка Марковича, о „тягостяхъ“ котораго для полчанъ Меншиковъ, какъ видно, давно уже зналъ. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ

1) Русск. Арх. 1864 г., 494.

2) Сынъ Петра Андреевича Толстого, извѣстнаго сподвижника Петра Великаго, былъ женатъ на дочери Скоропадскаго, отъ втораго его брака съ Настасьей Марковной.

3) Зап. Марк. I, 231.

4) Архивъ пр. сената, Баранова, т. I, №№ 2352 и 2460.

5) Соловьевъ, XIX, 131.

хотѣлъ сдѣлать любезность будущему гетману Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была извѣстна и въ Москвѣ.

Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: „отлучить отъ полка полковника лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ“. Къ этому указу Наумовъ присоединилъ и свой—„дабы всякъ на Марковича жалобы за обиды, имъ оказанныя, заносилъ, не посягая и не закрывая“¹⁾. Жалобщиковъ явилось множество; во главѣ ихъ стояла лубенская старшина, которая не могла не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для мести противъ полковника и подала Наумову пространное описаніе своихъ обидъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ образованъ лубенскій полкъ, говорилось въ этой жалобѣ, на чинъ полковничій выбирались вольными голосами, люди достойные изъ своихъ полчанъ и никогда отъ нихъ не было народу отягощенія; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадскаго произведенъ въ чинъ лубенскаго полковничества чужой человѣкъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ не слыханныя, но и за державы лядской (польской) и за жидовскаго тогдашняго аренда-торства едва-ли творились таковыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него Марковича въ полку всему народу, который отъ того обнищалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился!“ Затѣмъ лубенская старшина переписала по пунктамъ всѣ тягости, которыя чинилъ Марковичъ своимъ полчанамъ. Наиболее характерные пункты были слѣдующіе:

Когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ устраивать себѣ хутора, мельницы и фольварки, то, не довольствуясь опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде чина того отъ Скоропадскаго полученными, маетностями, принуждалъ всего полку людей, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ, исполнять свои частныя работы, причемъ для него гатили плотины (гдѣ были водяныя мельницы), возили дерево на разныя постройки, пахали землю козачьими плугами, косили сѣно и жали хлѣбъ.

А грунты, на которыхъ Марковичъ устраивалъ мельницы, хутора и фольварки, все чужіе; нѣкоторые изъ нихъ хотя и были

¹⁾ Зап. Марк., I, 242.

куплены, но—или насильною куплею или подложными способами, а многіе и просто были отняты у хозяевъ.

Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно раздавалъ свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самихъ лучшихъ.

За малые и большіе проступки полчанъ Марковичъ обтяжалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занятъ былъ своими домашними дѣлами и разъѣздами по хуторамъ и маестностямъ.

А когда отлучался изъ полка въ походы, на свое мѣсто наказнымъ полковникомъ ставилъ сына своего Якова, а на мѣсто отлучившихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными своихъ слугъ. А тотъ сынъ и тѣ люди многія обиды чинили людямъ, отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.

Не довольствуясь маестностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими полученными прежде отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ универсалъ на Засулье, какъ на село, а не какъ на часть Ромна; а Засулье—не село, но роменскіе фольварки. А сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку селами: Мойсеевкой, Нарожьемъ и Кулажницами, безъ универсала гетманскаго и безъ грамоты монаршей.

Да и сынъ его Яковъ, кромѣ Сухоносовки, полученной отъ гетмана свойства ради, завладѣлъ и другимъ селомъ Перервинцами, которое село Андрей Марковичъ отдалъ сначала, по своей полковничьей власти, брату своему Ивану, а послѣ смерти его Перервинцами завладѣлъ Яковъ¹⁾.

Въ жалобѣ полковой старшины сообщались общія черты насилій Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Тулиголовскій попъ Петръ Вышинскій жаловался, что Марковичъ отнял у него хуторъ, мельницы и лѣса; стародубскій значковый товарищъ Улѣзко жаловался, что у него отнято было гетманомъ село Евдоканье, для того чтобъ отдать Марковичу; лубенскій обозный Па-

¹⁾ Русск. Арх. 864 г., 493—505.

вель Мартосъ жаловался, что у него Марковичъ отнял много грунтовъ и вообще чинилъ ему многіе обиды и т. д. и т. д.¹⁾

Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что новый гетманъ радъ былъ случаю выместить на немъ ту злобу, которую онъ издавна питалъ къ его сестрѣ-гетманшѣ, отнявшей лучшія маестности у зятя его Горленка, для Гамалѣевскаго монастыря²⁾.—И сталъ кланяться Марковичъ Наумову, а сынъ его Яковъ и сестра Скоропадская стали захаживать около людей, близкихъ къ Апостолу. Былъ у нихъ въ это время человекъ, который могъ оказать помощь—Михайло Скоропадскій, зять Апостола и большой другъ на словахъ Якова Марковича; но и его заступничество приходилось пріобрѣтать тѣми же подарками, на которые Марковичи потратились не мало³⁾.

Два мѣсяца, октябрь и ноябрь, хлопотали Марковичи, съ какой бы стороны подойти къ Наумову, и наконецъ, кажется, подошли. 18-го ноября въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что у министра (Наумова) состоялось опредѣленіе: „челобитныхъ на родителя изъ другихъ полковъ, кромѣ лубенскаго, не принимать въ канцеляріи министра и новоучрежденному суду (въ Глуховѣ) по онымъ не слѣдовать“. А 26-го ноября, записано, „были съ родителемъ рано у министра и простились съ нимъ. Онъ сказывалъ о секретарѣ сенатскомъ, что онъ свѣдомъ“... Фраза осталась недоговоренною, но ясно, что Наумовъ указалъ на какого то секретаря въ Москвѣ, у котораго можно было найти помощь. Марковичи рѣшили ѣхать въ Москву и тамъ хлопотать, а Наумовъ съ своей стороны обѣщаль, видно, не мѣшать. Поѣхалъ сначала сынъ—Яковъ, человекъ, уже искусившійся въ искательствахъ по Москвѣ и знавшій, къ кому и какъ подойти. Поѣхалъ онъ изъ Глухова не прямо на Москву, а сначала заѣхалъ въ харьковское село Тростянецъ, гдѣ жила семья Тимофея Надаржинскаго, бывшаго духовникомъ Петра Великаго и новаго государя Петра II. Здѣсь надо было заручиться письмомъ къ Надаржинскому, жившему въ Москвѣ. 1 января 1728 г. Яковъ Марковичъ пріѣхалъ въ Москву и остановился на

¹⁾ Арх. Генер. Канц. № 3938.

²⁾ См. Русск. Арх. 1875, I, 255.

³⁾ Зап. Марк., I, 249.

квартирѣ у Надаржинскаго. Прежде всѣхъ молодой Марковичъ поспѣшилъ *поклониться* Петру Васильевичу Курбатову, совѣтнику коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей малороссійскія дѣла¹⁾; это былъ общій ходатай всѣхъ малороссіянъ, пріѣзжавшихъ въ Москву хлопотать о царскихъ грамотахъ на тѣ маестности, которыя такъ легко добывались отъ гетмановъ, но которыя затѣмъ не легко было укрѣплять грамотами. 4-го января записано въ дневникѣ Марковича, что „былъ у Курбатова съ письмомъ отъ родителя и тетки (Скоропадской), а въ письмахъ вложено было тридцать червонныхъ...“

Послѣ Курбатова Марковичъ началъ, изо дня въ день, разносить письма и отъ родителя и отъ тетки; такъ—9-го января былъ у графа Головкина и письма отъ родителя и тетки отдалъ; 10-го былъ у Артемія Петровича Волинскаго; 11-го былъ снова у Курбатова и получилъ письмо гр. Головкина къ Наумову, „чтобъ надъ указъ трудностей родителю не чинить“. 13-го былъ у священника Ново-дѣвичьяго монастыря о. Василя, гдѣ встрѣтился съ карликомъ царицы, „съ которымъ братство завзяли и въ знакъ любви подарилъ ему пять червонныхъ“. 15-го былъ у Ѳ. М. Апраксина и письма отъ тетки и родителя отдалъ. 16-го былъ у кн. Д. М. Голицына и письма отъ тѣхъ же отдалъ. 17-го былъ у Стефанова²⁾ и письма отъ тетки и родителя отдалъ, приложивши сорокъ червонныхъ 18-го, отнесъ письма къ князю М. М. Голицыну; 6-го февраля—Остерману; 8-го—князю Александру Григорьевичу Долгорукову. 9-го пріѣхалъ въ Москву самъ Андрей Марковичъ, вмѣстѣ съ сестрою Скоропадскою. Вслѣдъ за ними, 19-го февраля, пріѣхалъ въ Москву и Апостоль съ Наумовымъ. На другой день Марковичи ѣздили поклониться гетману; „а онъ и не посмотрѣлъ“. Визитъ къ Наумову былъ удачнѣе; онъ Марковичей „изрядно подчивалъ“. Въ маѣ мѣсяцѣ началось слѣдствіе по жалобамъ на Марковича, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вызвана была въ Москву и лубенская полковая старшина для уликъ бывшаго полковника. Допросъ Марковичу производилъ ас-

¹⁾ Арх. Сената, Баранова, II, № 2351.

²⁾ Василій Петровичъ Степановъ, членъ иностранной коллегіи, тайный совѣтникъ и, какъ видно, дѣлецъ своего времени. Послѣ паденія Меншикова, ему поручено было разобрать его переписку. Опись Баранова II, № 1639. 2728 и др.

сесорь коллегіи Ивановъ, къ которому Яковъ Марковичъ не разъ заѣзжалъ на домъ. Два мѣсяца тянулись допросы Марковича, при которыхъ присутствовала и лубенская старшина, поддерживавшая обвиненіе противъ бывшаго своего полковника. 8 іюня слѣдствіе кончилось и затѣмъ нужно было ждать суда. Но задобренная иностранная коллегія судомъ не спѣшила; Андрей Марковичъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ и къ концу года сталъ уже подавать министрамъ сочиняемая сыномъ прошенія о *своихъ обидахъ и нуждахъ*.

Насталъ 1729 годъ. 3 января состоялось постановленіе Верховнаго Совѣта о назначеніи генеральной старшины, въ замѣнъ той, которую полковники намѣтили при избраніи Апостола ¹⁾. Повидимому и Андрей Марковичъ хлопоталъ попасть въ число послѣдней, такъ какъ ему предложено было мѣсто подскарбія. Должность генеральнаго подскарбія (вѣдавшаго войсковые сборы) учреждена была Брюховецкимъ, который поставилъ подскарбіемъ Романа Ракушку, принявшагося было въ 1665 г. описывать войсковыя имущества для правильнаго взиманія съ нихъ доходовъ; но Брюховецкій исчезъ, Ракушка пошелъ въ попы, и должность подскарбія оказаалась лишнею, мѣшавшею и гетману, и полковникамъ распорядиться общественною казною. Не знаемъ, кто вспомнилъ въ 1729 г. о подскарбіяхъ; быть можетъ Степанъ Лукичъ Вельяминовъ, бывшій президентъ малороссійской коллегіи, тщетно старавшійся установить какіе нибудь порядки въ сборѣ и расходованіи „войскового скарба“. Въ іюлѣ 1727 г. Вельяминовъ былъ вызванъ въ Москву со всѣми приходорасходными книгами о малороссійскихъ доходахъ, которыя въ декабрѣ того же года переданы были на разсмотрѣніе иностранной коллегіи ²⁾. Видно было, что правительство обратило вниманіе на „войсковой скарбъ“ и хотѣло продолжать начинанія Вельяминова.

Андрей Марковичъ отказывался отъ должности, которая обѣщала ему въ будущемъ не власть и значеніе, какъ другимъ генеральнымъ урядникамъ, а копотливую работу надъ цифрами и неудовольствіе со стороны гетмана и полковниковъ, которые за то и

¹⁾ Зап. Марк., I, 246.

²⁾ Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2445 и 2757.

ненавидѣли Вельяминова, что онъ началъ было учитывать войско-вой скарбъ. Но графъ Головкинъ рѣшилъ уже, что подскарбіемъ будетъ Марковичъ и спорить противъ этого рѣшенія нельзя было.

Новое назначеніе Марковича не осталось конечно безъ вліянія на благополучный исходъ дѣла его съ лубенскими полчанами. Въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что 8 марта (1729 г.) „слушано у графа (Головкина) дѣло родителя съ полчанами“, а 27 марта дѣло наконецъ было рѣшено; рѣшеніе состояло изъ восьми пунктовъ, изъ которыхъ по шести пунктамъ найдено нужнымъ собрать дополнителныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впоследствии, а по двумъ пунктамъ состоялось рѣшеніе категорическое: 1) Засулье отъ Марковича отобрать и 2) о тягостяхъ, полчанамъ чинившимся въ работахъ и поборахъ, буде оное было, то поелику по сказкамъ старшинскимъ происходило то прежде запрети-тельного указа¹⁾, *того ради сіе оставляется*²⁾. Такимъ образомъ за всѣ „тягости“, которыя лубенскіе полчане терпѣли въ продолженіи тринадцати лѣтъ, у Марковича отобрано было одно только Засулье, посполитое населеніе котораго, входя въ составъ города, должно было отбывать городскія повинности и никакъ не могло понасть въ подданство частному человѣку; по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ XVII в.; позже старшина стала безнаказанно захватывать въ свое подданство и городское населеніе.

Добившись такого счастливаго рѣшенія, Марковичъ началъ пробовать, нельзя-ли ужъ отстоять и Засулье, тѣмъ болѣе, что траты на рѣшеніе сдѣланы были, повидимому, большія. 3-го мая Марковичъ узналъ о рѣшеніи 27 марта, а на другой день онъ съ сыномъ ѣздилъ къ Головкину „просить замѣны за село Засулье, и ничего не получили“. 11-го мая о томъ-же подана просьба Остерману, а 15-го повторена просьба Головкину, на письмѣ. Въ концѣ мая Марковичи выѣхали наконецъ изъ Москвы. Полуторагодичныя хлопоты, благодаря умѣнью и средствамъ Марковичей, не пропали даромъ. Между тѣмъ, вѣсть о такомъ благополучномъ исходѣ для Марковичей ихъ дѣла, достигла уже до Малороссіи; несправедли-

¹⁾ Здѣсь разумѣется вѣроятно одинъ изъ указовъ, изданныхъ въ 1722—24 гг., предписывавшихъ старшинѣ не обижать народа.

²⁾ Записки Марковича, I, 315.

вость рѣшенія, по которому за свои насилія Марковичъ былъ не прощенъ, а просто отъ суда освобожденъ, на основаніи канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ натерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Убѣдившись въ невозможности добиться правосудія, „Мартосъ согласился съ значковыми (козаками) лубенскаго полка какимъ-либо образомъ убить Марковича, не допуская его до Глухова ¹⁾“. Объ этомъ замыслѣ прослышалъ главный экономъ Андрея Марковича—Кучарскій и послалъ въ Москву нарочнаго предупредить своего пана о грозящей бѣдѣ. Однакожь угрозы Мартоса кончились ничѣмъ и Марковичи благополучно вернулись въ Глуховъ.

Доставшійся Марковичу урядъ генеральнаго подскарбія не получилъ того значенія, которое разумѣлъ Головкинъ, возобновляя эту должность. Вновь поставленный гетманъ Апостоль былъ слишкомъ старъ, чтобы допустить въ „Войскѣ“ такой небывалый порядокъ, какъ учетъ войсковыхъ доходовъ. Правившіе Малороссіей, послѣ Апостола, русскіе генералы тоже не находили удобнымъ для себя измѣнять старый порядокъ непосредственнаго завѣдыванія „войсковымъ скарбомъ“. Поэтому должность генеральнаго подскарбія осталась безъ всякаго значенія: одинадцать лѣтъ занималъ эту должность Андрей Марковичъ, не имѣя повидимому никакого отношенія къ тому скарбу, хранителемъ котораго онъ предназначался. Пока живъ былъ Апостоль, Марковичу нечего было и думать получить какое-либо значеніе въ войсковомъ управленіи, къ которому не могла его допустить старая вражда преемника Скоропадскаго ко всѣмъ родичамъ Настасьи Марковны. Но когда Апостола замѣнили „правители“—русскіе генералы, Марковичъ допущенъ былъ къ участию въ дѣлахъ генеральной канцеляріи; впрочемъ участіе это ограничивалось только тѣмъ, что на постановленіяхъ генеральной канцеляріи, Марковичъ „прикладывалъ“, въ числѣ прочихъ, и свою руку.

Оставаясь членомъ генеральной канцеляріи, Марковичъ своею угодливостью успѣлъ сохранить съ „правителями“ самыя лучшія отношенія, при помощи которыхъ онъ выхлопоталъ себѣ въ 1735 г. возвращеніе села Засулья, которое отобрапо было у него въ

¹⁾ Марковичъ, I, 323.

1729 г., какъ неправильно отдѣленное Скоропадскимъ отъ г. Ромна. Несложныя обязанности Марковича на урядѣ генеральнаго подскарбія продолжались до 1740 г., когда за старостью онъ былъ уволенъ отъ службы, причемъ получилъ „въ отставку“ чинъ генеральнаго обознаго¹⁾. Послѣ отставки Марковичъ проживалъ большею частью въ купленной у Галецкаго слободѣ Погарщинѣ (теперь село гадяцкаго уѣзда). Здѣсь онъ написалъ свое духовное завѣщаніе „для пресѣченія обыкшихъ по кончинѣ людской между наслѣдниками за суетныя имѣнія бывать мятежей, распръ и несогласій“. Распредѣливъ имѣніе свое между наслѣдниками, Марковичъ увѣщевалъ послѣднихъ „подъ неблагословеніемъ“, чтобы они „въ своихъ партикулярныхъ ссорахъ въ суда градскіе не удавались, но самимъ обще между собою оныя ссоры успокоевали. Будежь-бы сами собою не могли успокоевати, то къ тому-жь просить пріятелей и другихъ добрыхъ людей для прекращенія; о семъ самимъ живымъ Богомъ увѣщеваю, подъ неблагословеніемъ егожь Божіимъ, ибо тѣмъ самимъ всемилосерднаго Господа Бога прогнѣваемъ и сами въ крайнее разореніе приходимъ“. Изъ шести своихъ сыновей Андрей Марковичъ пережилъ троихъ—Андрея, Семена и Луку, послѣ которыхъ остались впрочемъ дѣти. По числу всѣхъ сыновей Марковичъ раздѣлилъ свои имѣнія на шесть частей: 1) старшему сыну Якову—с. Евдоконье и земли около Кролевца; 2) внуку Ивану, сыну Андрея—сосницкое село Шабалиновъ, хуторъ около села Курени (колотопскаго уѣзда) и мельницы на р. Убеди; 3) дѣтямъ Семена села Коровай и Кулажинцы, хутора—Ангелевскій, Хоружовщину, Шенеховскій, Сухооржицкій и Глуболярскій и разныя мельницы; 4) четвертому сыну Марку—село Засулье и хуторъ Коцуцѣвскій; 5) младшему сыну Ивану—село Токари, слободу Погарщину и хутора Артополотскій и Поповщину. На шестую часть—дочери умершаго сына Луки даны были мелкіе земельные участки.

Распорядивъ свои имѣнія и доживъ до глубокой старости (родился онъ около 1674 г.), Андрей Марковичъ умеръ въ январѣ 1747 года.

¹⁾ Сколько мы знаемъ, это былъ первый примѣръ пожалованія чина «въ отставку», положившій и въ Малороссіи начало превращенія званія дѣйствительныхъ должностей въ почетныя званія.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марковича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—Яковъ, оставившій намъ свой многотомный дневникъ, изданный, подъ именемъ Записокъ, внукомъ его Ал. М. Марковичемъ¹⁾. Въ этомъ дневникѣ, обнимающемъ пятьдесятъ лѣтъ (1716—1767 г.), мы находимъ полную біографію его автора, который, по личному своему характеру, представляетъ собою довольно цѣльный типъ малороссійскаго „пана“ половины XVIII в., когда малороссійская старшина, окончательно уже отдѣлившись отъ народа, искала сближенія съ русскимъ дворянствомъ, завидуя привилегіямъ послѣдняго. Мы не будемъ излагать здѣсь біографіи Якова Марковича, по общеизвѣстности его дневника, но представимъ рассказъ только о его молодыхъ годахъ, о томъ, какъ онъ вступалъ въ жизнь и какія употреблялъ старанія—занять въ ней опредѣленное положеніе. Объ этомъ времени изъ жизни Марковича печатный дневникъ его даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, а мы восполнимъ ихъ и представимъ не лишнюю интереса страницу изъ исторіи малороссійскаго общества первой четверти XVIII в., когда Петровская реформа, коснувшись Малороссіи, произвела значительный переворотъ и въ ея бытѣ, встрѣтивъ лишь слабый отпоръ.

Яковъ Марковичъ учился въ кievской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Теофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды. Какъ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма Прокоповича, которое онъ писалъ къ бывшему своему ученику въ то время, когда послѣднему не было еще и двадцати лѣтъ. Вызванный Петромъ Великимъ въ 1716 г. въ Петербургъ, Теофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ повидаться здѣсь съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время

¹⁾ М. 1859 г. 2 части. Подлинникъ этихъ «Записокъ», состоящій изъ 8-ми кажется фоліантовъ, хранится у правнука ихъ автора, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Въ печати Записки значительно сокращены и кромѣ того здѣсь подновленъ ихъ языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для изученія исторіи Малороссіи XVIII в. дневникъ Як. Марковича навсегда останется цѣннымъ памятникомъ и потому нельзя не пожелать изданія его въ полномъ видѣ; а до того желалось-бы, чтобы рукопись дневника отдана была, для большей ея сохранности, въ какое либо общественное книгохранилище.

твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о какихъ и помышлять не могутъ украшенные митрами головы; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ“¹⁾. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы по твоему прекрасному примѣру во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ; всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и конечно я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учителя лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй“²⁾.

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать³⁾; такихъ-же лѣтъ вышелъ изъ академіи и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Мар-

¹⁾ «Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь, 141—142.

²⁾ Тамъ-же, 141—150. См. также «Интимную переписку Теофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ». «Кіевск. Стар., II, 498 и слѣд.

³⁾ Теофанъ Прокоповичъ кончилъ свое ученіе въ кіевской академіи — семнадцати лѣтъ.

ковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который-бы помогаль ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, будучи второю женою, частью отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ племянникѣ Яковѣ Марковичѣ, котораго и взяла поэтому подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кievское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить своего племянника, чтобы, ставъ семьяниномъ, онъ могъ начать устройство особаго своего „господарства“. Выборъ жены взяла гетманша на себя и при этомъ прежде всего заботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, въ которомъ можно было-бы найти подходящую невѣсту. Въ это время первымъ богачемъ въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ и у него оставалась еще не выданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Марковичъ самъ по себѣ и особенно по своему происхожденію не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племянника и бракъ былъ заключенъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тестъ впрочемъ надѣлилъ свою дочь только одними „фантами“ и „клейнодами“, а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время не успѣлъ еще нажитья, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ только въ годъ женитьбы сына. Просить маетности у гетмана Якоку Марковичу было еще рано, такъ какъ маетности давались только за „службы“, а ихъ за молодымъ академикомъ быть не могло.

Спустя четыре года послѣ женитьбы племянника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатнаго войсковаго товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ сносность и впредь къ онымъ его заохочивая“, далъ ему глуховское село Сварковъ. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаямъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ Скоропадскій назначилъ неожиданно

для всѣхъ полчанъ старшаго сына его—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ¹⁾). Назначеніе это должно было конечно возбудить неудовольствіе полковой старшины, но послѣдняя уже по опыту знала, что никакіе протесты противъ близкихъ родичей гетманши ни къ чему не поведутъ и по неволѣ должна была подчиниться такому небывалому распоряженію гетмана. Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и вѣроятно за эту службу гетманъ нашель возможнымъ дать ему въ слѣдующемъ году еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъ же году Скоропадскій и умеръ, а со смертію его тетка-гетманша теряла прежнее свое значеніе. Но судьба Марковичу видимо благоприятствовала: за смертію Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ Павелъ Полуботокъ, тестъ Марковича. Въ февралѣ 1723 г. Андрей Марковичъ снова посланъ былъ въ походъ и правленіе лубенскаго полка снова поручено было Якову Марковичу. При этомъ „наказничество“ передалъ сыну самъ отецъ—полковникъ, находя такую передачу полка вполне законною послѣ бывшаго уже примѣра. На этотъ разъ Яковъ Марковичъ получилъ исправленіе должности полковника въ самое тревожное время. Какъ разъ въ это время тестъ его Полуботокъ велъ борьбу за старые порядки съ президентомъ малороссійской коллегіи Вельяминовымъ. Отстаивая свои старшинскія привилегіи, Полуботокъ хотѣлъ опереться на полковую старшину, которую для этого не разъ приглашалъ присоединиться къ своимъ протестамъ. Но наиболѣе вліятельные полковники того времени не хотѣли идти открыто противъ нововведеній, принесенныхъ Вельяминовымъ, и на приглашенія Полуботка отзывались туго. Будучи наказнымъ полковникомъ, Яковъ Марковичъ былъ въ числѣ тѣхъ, на поддержку которыхъ рассчитывалъ Полуботокъ; ему предстояло также выбрать одно изъ двухъ: или стать сторонникомъ тестя, или уклониться отъ всякихъ протестовъ. Не смотря на молодость, Яковъ Марковичъ уже хорошо понималъ, что своими протестами тестъ вооружаетъ противъ себя правительство, борьба съ которымъ, по мнѣнію Марковича, прежде всего была невыгодна. Марковичъ видѣлъ, что въ борьбѣ тестя съ

¹⁾ Зависки I, 451.

Вельяминовымъ выгоднѣе всего было стать на сторону послѣдняго, потому что президентъ коллегіи не могъ не оцѣнить поведенія той старшины, которая безропотно принимала установленіе новыхъ налоговъ съ своихъ маетностей. Рѣшивъ поэтому отстраниться отъ протестовъ Полуботка, Марковичъ постарался пріобрѣсти пріязнь Вельяминова и другихъ „коллегіатовъ“. Поэтому, вступивъ въ управленіе полкомъ въ началѣ марта 1723 г., Марковичъ сталъ вести себя очень осторожно относительно тестя. Въ это время въ Малороссіи шли приготовленія ко второму ладожскому походу; Яковъ Марковичъ дѣятельно распоряжался по этимъ приготовленіямъ въ своемъ полку, рассылая приказы по сотнямъ о выходѣ козаковъ въ походъ въ половинѣ марта. Занятый этими распоряженіями, онъ получилъ изъ Глухова какія-то извѣстія, которыя по обыкновенію записалъ въ свой дневникъ; но извѣстія эти были какого-то щекотливаго характера, такъ какъ этотъ листъ, заключавшій въ себѣ дневникъ за послѣдніе семь дней марта, Марковичъ впоследствии вырвалъ. Наступилъ апрѣль и Марковичъ, желая распорядить весеннія хозяйскія работы въ глуховскихъ своихъ маетностяхъ, поѣхалъ туда. На дорогѣ онъ получилъ „листъ“ отъ тестя, въ которомъ предписывалось „о забароненіи зборщикамъ заказныхъ зборовъ збирать“. Распоряженіе это требуетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что Вельяминовъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1722 г. въ Малороссію, прежде всего хотѣлъ установить правильный сборъ тѣхъ налоговъ, которые существовали уже и прежде, но которые собирались безъ всякаго порядка. Для этого Вельяминовъ потребовалъ отъ Полуботка доставленія ему свѣдѣній о существовавшихъ въ Малороссіи налогахъ. Но когда Полуботокъ уклонился отъ доставленія подробныхъ свѣдѣній, тогда Вельяминовъ составилъ роспись налоговъ самъ, по свѣдѣніямъ добытымъ отъ разныхъ лицъ. По этой росписи назначено было взимать налоги съ маетностей старшины наравнѣ съ прочими владѣльцами. Полуботокъ на это распоряженіе пожаловался въ сенатъ и сенатъ осенью 1722 г. приказалъ коллегіи маетности старшинъ отъ налоговъ освободить. Но весной 1723 г. Вельяминовъ поѣхалъ въ Москву, доложилъ тамъ царю лично объ этомъ вопросѣ и царь приказалъ собирать налоги со всѣхъ маетностей, „не обходя никого“. Это распоряженіе Вельяминовъ сообщилъ изъ Москвы въ коллегію для исполненія.

но Полуботка объ этомъ не увѣдомилъ. Когда Полуботокъ узналъ, что Вельяминовскіе сборщики снова стали собирать „заказанные сборы“, то увидѣлъ въ этомъ произвольное распоряженіе коллегіи и предписалъ полковникамъ—не позволять сборщикамъ собирать тѣ сборы, которые по сенатскому указу были уже разъ отмѣнены. Вотъ это то распоряженіе тестя Марковичъ и получилъ по дорогѣ изъ Ромна въ Сварковъ. Представился трудный вопросъ—кого слушать: наказнаго гетмана или президента коллегіи? Марковичъ рѣшилъ, что послѣдній сильнѣе и затѣмъ затруднялся только предстоящимъ свиданіемъ съ тестемъ, который конечно будетъ ему говорить о послѣднемъ своемъ распоряженіи, котораго Марковичъ рѣшился не исполнить. Не желая открыто противорѣчить Полуботку, Марковичъ рѣшилъ избѣгнуть свиданія съ тестемъ. Продолжая путь въ Глуховъ и выѣхавъ 3 апрѣля рано изъ Мутина (село это находилось уже въ глуховской сотнѣ), Марковичъ заѣхалъ въ свою уздицкую пасѣку (около с. Уздицы); побывалъ затѣмъ въ калюжновскомъ хуторѣ и тамъ немного побывши, „ночью“ поѣхалъ въ Глуховъ и пріѣхавши туда, все осмотрѣлъ въ дворѣ“, а 4-го „поѣхалъ изъ Глухова *передъ свѣтомъ* въ Сварковъ“¹⁾. Только побѣдавъ въ Сварковѣ, Марковичъ поѣхалъ въ тотъ-же день въ тулиголовское свое имѣніе, а 5-го выѣхалъ въ Роменъ. Значить, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ тестемъ, Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ ночью и осмотрѣвъ свой дворъ, ночью-же и уѣхалъ оттуда. Конечно пріѣздъ зятя не могъ остаться неизвѣстнымъ для Полуботка, но послѣдній уже зналъ своего зятя и должно быть не особенно удивился ночному его пріѣзду въ Глуховъ.

Возвратившись въ Роменъ 6-го апрѣля, Марковичъ черезъ шесть дней (12-го) отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ; „указы до сотниковъ съ копіями правительскаго листа посланы, чтобы сборщики отставленныхъ зборовъ взыскивать отнюдь не смѣли“. Но потомъ оставляетъ въ дневникѣ только слова: „до сотниковъ копія правительскаго листа послана“, а остальное все старательно зачеркивается, такъ что эту замѣтку въ первоначальномъ ея видѣ намъ лишь съ трудомъ удалось разобрать. Видимо, что вернувшись въ Роменъ,

¹⁾ Мы пользовались подлинникомъ дневника Як. Марковича, который въ печати значительно сокращенъ.

Марковичъ опять боролся съ собою—что дѣлать съ приказаніемъ тестя о запрещеніи собирать „отставленные“ налоги. Съ одной стороны, это приказаніе вполнѣ совпадало съ личными интересами Марковича, какъ владѣльца маетностей, а съ другой стороны—страшно было коллегіи. Рѣшившись наконецъ написать сборщикамъ, чтобъ они отнюдь не собирали „отставленныхъ сборовъ“, Марковичъ тогда-же испугался своей смѣлости и ограничился посылкою къ сотникамъ одной только копіи правительскаго распоряженія и такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, могъ себя оправдывать тѣмъ, что съ своей стороны онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а приказаніе наказнаго гетмана не могъ не исполнить. Недѣли черезъ три Марковичу опять понадобилось посмотрѣть на свои глуховскія имѣнія. Приѣхавъ въ Тулиголовъ 29 апрѣля и осмотрѣвъ тамъ водяную свою мельницу, Марковичъ оттуда поѣхалъ въ Глуховъ. 30-го онъ „былъ у правителей“, т. е. у тестя и у генеральныхъ—судьи, писаря, есаула и бунчуковаго. 1 мая „былъ у прокурора (коллегіи) Михаила Семеновича Хрущова и долго въ ночь сидѣлъ“. На другой день Марковичъ рано заѣзжалъ къ тестю и выпивъ рюмку водки, поѣхалъ обѣдать домой, а вечеръ просидѣлъ у Кошелева (члена коллегіи). Слѣдующіе два дня Марковичъ употребилъ на посѣщеніе тетки гетманши, которая въ это время большею частью проживала въ построенномъ ею Гамалѣевскомъ монастырѣ. Вернувшись 6-го въ Глуховъ и написавъ здѣсь письма въ Ромень, Марковичъ на другой день утромъ пересматривалъ свиней въ своемъ глуховскомъ дворѣ, а вечеръ просидѣлъ у членовъ коллегіи Щепотьева и Жданова. 8-го писалъ письма въ Ромень, а на Николая, 9-го, былъ у члена коллегіи Ушакова, гдѣ и „пилъ“, а потомъ у Хрущова, гдѣ тоже „пилъ“. Затѣмъ цѣлую недѣлю Марковичъ провелъ, осматривая хозяйство въ своихъ глуховскихъ имѣніяхъ, а потомъ приѣхалъ на день въ Глуховъ, чтобы проститься съ Скоропадскою, и 18-го мая выѣхалъ въ Ромень. Изъ подробностей пребыванія Марковича на этотъ разъ въ Глуховѣ видно, что главною его цѣлью было познакомиться и, если можно, сблизиться съ членами коллегіи; въ послѣднихъ онъ видѣлъ людей, которыхъ пріязнь была полезнѣе пріязни тестевской; отъ тестя Марковичъ видимо сторонился, ни разу не посѣтивъ его вечеромъ для дружеской бесѣды. Послѣдняя велась только съ „коллегіатами“.

Такое поведеніе Марковича какъ нельзя лучше рисуеъ намъ этого человѣка: едва достигнувъ двадцати семи лѣтъ, Марковичъ, какъ видно, былъ уже практическимъ мудрецомъ, безошибочно различавшимъ тѣ пути, которыми пріотрѣтаются земныя блага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда Марковича изъ Глухова, Полуботокъ получилъ царскій приказъ ѣхать въ Петербургъ, куда 13-го іюня и уѣхалъ. Передъ своимъ выѣздомъ Полуботокъ „споряжалъ“ ту челобитную отъ имени „всего народа“, за которую собственно и пострадалъ. Желая привлечь къ соучастію въ этой челобитной наибольшее число полковой старшины, Полуботокъ приглашалъ послѣднюю въ Глуховъ. У насъ подъ руками—официальный дневникъ войсковой канцеляріи за 1723 г., изъ котораго видно, кому и когда посылались эти приглашенія. Не смотря на родственную близость Марковича, послѣдній приглашаемъ не былъ, такъ какъ Полуботокъ былъ увѣренъ, что дружба съ „коллегіатами“ не позволитъ его зятю присоединить свою подпись на челобитной къ остальнымъ. Тѣмъ не менѣе Марковичъ нашелъ нужнымъ уничтожить въ своихъ запискахъ тотъ листъ, гдѣ записаны были происшествія отъ 19 мая до 22 іюня. Какого рода были отмѣтки на этомъ листѣ, не знаемъ; но Марковичъ нашелъ, что эти свѣдѣнія могутъ его компрометировать и вырвалъ цѣлый листъ изъ „домашняго протокола,“ какъ онъ называлъ свой дневникъ. Конечно Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ прощаться съ тестемъ (нужно же было привезти жену проститься съ отцемъ) и при этомъ нужно полагать записалъ что нибудь относительно той челобитной, которую тестъ повезъ въ Петербургъ. Пріѣздъ Марковича въ Глуховъ въ іюнѣ мѣсяцѣ обнаруживается изъ того, что въ концѣ іюня онъ посылалъ изъ Ромна „овощи“ Скоропадской и „бригадиру“, т. е. Вельяминову; съ послѣднимъ онъ прежде не былъ знакомъ настолько, чтобы „обсылать“ его фруктами; знакомство это произошло вѣроятно во время проводовъ Полуботка.

Вмѣстѣ съ вызовомъ Полуботка въ Петербургъ, сдѣлано было распоряженіе о приготовленіи 12 тыс. козаковъ въ походъ подъ командою князя Михаила Голицына. Цѣль похода опредѣленно не объяснялась; говорили только, что козаки пойдутъ оберегать южныя границы отъ нападенія татаръ; но о томъ, чтобы татары готовились напасть на Малороссію, никакихъ слуховъ не было и—старшина

смущалась походомъ. Наконецъ, въ концѣ іюля Голицынъ прислалъ въ Глуховъ приказъ, чтобы полки собирались у Буцкаго Брода (около Полтавы). Генеральный есауль Жураковскій, вѣдавшій въ это время генеральную канцелярію, поспѣшилъ передать приказъ по полкамъ, которые и начали выступать въ походъ въ половинѣ августа. Получивъ это распоряженіе, Марковичъ думалъ отдѣлаться отъ этого похода, такъ какъ не было точно сказано, чтобы въ походъ шли всѣ наличные полковники. Думая, что можно вмѣсто себя послать обознаго, Марковичъ написалъ объ этомъ Жураковскому, но послѣдній поспѣшилъ отвѣчать, чтобы наказный Лубенскій выходилъ въ походъ самъ, не увиливая („не ухиляючись“) отъ службы, такъ какъ по приказу Голицына полки должны вести въ походъ сами полковники. Но Марковичъ рассчитывалъ, что „ухилиться“ можно и снова писалъ Жураковскому, что вышлетъ вмѣсто себя обознаго Мартоса, потому что де самъ долженъ заняться своими хозяйскими дѣлами. Жураковскій отвѣчалъ, что въ походъ къ Буцкому Броду долженъ идти самъ Марковичъ, „отложивши всѣ свои жалобы и отрицанія, ибо когда въ дому быть, то ему, Марковичу, правленіе наказничества не непріятно есть, а когда въ походъ идти, то и тяжело кажется“¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить къ этому подробностей изъ записокъ—чѣмъ именно отговаривался Марковичъ отъ похода: въ его „протоколѣ“ опять вырванъ листъ, заключающій въ себѣ отмѣтки за первыя три недѣли августа мѣсяца²⁾; опять, значитъ, записаны были такіе факты, съ которыми Марковичъ не хотѣлъ знакомить постороннее лицо. Не хотѣлъ идти Марковичъ въ походъ вѣроятно отчасти потому, что дома было сидѣть покойнѣе, а отчасти должно быть побаивался и своей непопулярности въ полку. Полковая старшина его не любила, а Марковичъ еще увеличивалъ эту нелюбовь, позволяя себѣ

¹⁾ Журн. генер. канц. 1723 г., рукопись.

²⁾ Не достаетъ листа отъ 27 іюля по 24 августа. Въ печатныхъ запискахъ относительно этого времени вкралась крупная ошибка вслѣдствіе того, что половина вырваннаго листа вложена была въ рукописи не на свое мѣсто. Вмѣсто напечатаннаго на стр. 24 «августъ», слѣдуетъ читать сентябрь, до 24-го числа (стр. 25), а съ послѣдняго начинается августъ мѣсяць, продолжающійся въ печатныхъ запискахъ до 27 стр. и оканчивающійся словами: «отставлятъ меня отъ команды».

подъ часъ мѣры очень крутыя относительно сотниковъ; такъ передъ выступленіемъ въ походъ Марковичъ „посадилъ на армату“ сенецкого сотника Криштопенка; это наказаніе считалось настолько суровымъ, что рѣдко примѣнялось къ старшинѣ и сотникъ считалъ себя сильно обиженнымъ, тѣмъ болѣе, что подвергнутъ былъ этому наказанію наказнымъ полковникомъ, который „наказничество“ получилъ не по личнымъ заслугамъ, а по протекціи.

Въ концѣ августа почти всѣ полки, кромѣ сѣверныхъ, были уже въ сборѣ и расположились лагеремъ около рѣчки Коломака; а 24 августа Голицынъ произвелъ козакамъ смотръ и вручилъ общую команду надъ полками—миргородскому полковнику Апостолу. Послѣ смотра, Криштопенко подалъ на Марковича Голицыну жалобу за посаженіе его на пушку; но князь, прочтя жалобу, приказалъ помириться. Тѣмъ не менѣе Марковичъ былъ не спокоенъ; прежде Голицына, Криштопенко уже жаловался на свое безчестіе старымъ полковникамъ и послѣдніе находили, что сотнику назначено было наказаніе ужъ слишкомъ строгое, да и отъ кого-же?—Отъ „новокрещеннаго еврея“, который „содержалъ“ полковое правленіе только по милости сильныхъ родичей. Въ особенности нападалъ на молодого наказного Апостола, старый врагъ Марковичей. Поэтому, когда Голицынъ, послѣ своего смотра, отъѣхалъ на свою стоянку, въ Ахтырку, Марковичъ поспѣшилъ за княземъ, чтобы окончательно уладить дѣло съ сенецкимъ сотникомъ. Догнавъ его въ Красномъ Кутѣ, гдѣ тотъ дневалъ, Марковичъ сейчасъ же побывалъ у Голицына, отличавшагося между сподвижниками Петра Великаго своею доступностью и мягкосердіемъ, и былъ приглашенъ имъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Голицынъ выѣхалъ въ Ахтырку въ сопровожденіи Марковича, который дорогою „о свой нуждѣ ему говорилъ“. Пообѣдавши еще разъ въ дорогѣ съ Марковичемъ, Голицынъ „милостиво его отпустилъ“.—Боялся Марковичъ недаромъ; его въ „Войскѣ“ сильно не долюбливали и громко называли „новокрещеннымъ евреемъ ¹⁾“. А когда

¹⁾ На другой день послѣ отъѣзда Марковича къ Голицыну, въ лагерь пріѣхала изъ Глухова генеральная старшина—Жураковскій и Лизогубъ; Апостолъ устроилъ имъ обѣдъ, на который пригласилъ Галагана, Милорадовича и сердюцкого полковника Бурляя. За обѣдомъ шла оживленная бесѣда о «небывалыхъ»,

онъ уѣхалъ вслѣдъ за Голицынымъ, Апостоль приказалъ лубенскому писарю Савицкому написать Голицыну подробную жалобу о насиліяхъ Марковича надъ полчанами и отправилъ его съ этой жалобой въ Ахтырку. Апостолу очень хотѣлось смѣстить Марковича съ „наказничества“; но наказный полковникъ былъ слишкомъ ловкій человекъ, чтобы не вывернуться изъ разставленныхъ ему Апостоломъ сѣтей. Вернувшись въ лагерь, Марковичъ узналъ, что жалоба составлена была отъ имени всего лубенскаго полка по настоянію миргородскаго полковника, который грозилъ при этомъ, что если лубенцы жалобы не напишутъ, „то онъ заженеть ихъ въ такія тарапаты, что трудно будетъ имъ и выйти“. Узнавъ объ этомъ, Марковичъ сейчасъ же донесъ Голицыну, при какой обстановкѣ написана была Савицкимъ жалоба и о томъ же увѣдомилъ двухъ Голицынскихъ адъютантовъ. Черезъ нѣсколько дней Савицкій вернулся отъ Голицына съ отвѣтомъ, что князь „не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять Марковича отъ команды“. Тамъ же, на Коломакѣ составлены были Апостоломъ и предложены къ подписи извѣстныя челобитныя, за подачу которыхъ въ Петербургѣ царю Полуботоку съ товарищами посаженъ былъ въ крѣпость. Приглашенъ былъ къ подписи и Марковичъ; практической умъ послѣдняго и здѣсь выказалъ себя: въ челобитныхъ рѣчь шла объ избраніи гетмана и объ отмѣнѣ установленныхъ коллегіей налоговъ. Не смѣя отказаться отъ подписи одной изъ этихъ челобитныхъ, потому что для этого Марковичъ приглашенъ былъ въ палатку Апостола, наказный полковникъ подписался, но, подписавшись, замѣтилъ „вмѣсто протеста“, что нѣкоторыя выраженія челобитной „кажутся досадны“. А когда другая челобитная прислана была для подписи въ палатку Марковича, то онъ отъ подписи ея совсѣмъ отказался.

Въ концѣ сентября Голицынъ распустилъ козачьи полки, оставивъ у Буцкого Брода только небольшой отрядъ. Отпущенъ

налогахъ, установленныхъ коллегіей и вообще о «трудностяхъ людскихъ»; тутъ же говорено «о какихъ-то жидакъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію и о спорахъ Якова Марковича, наказнаго лубенскаго, съ его полчанами, что нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ на арматы окованныхъ». Журн. Генер. Канцеляріи 1723 года.

былъ и Марковичъ, который, не смотря на то, что поданная на него жалоба оставлена была Голицынымъ безъ всякихъ послѣдствій, счелъ однакоже полезнымъ еще разъ побывать у „главнаго командира“, чтобы быть уже вполне обезпеченнымъ отъ всякихъ преслѣдованій и по возвращеніи домой. Приѣхавъ въ Ахтырку 26 сентября, Марковичъ встрѣтилъ тамъ и другихъ полковниковъ. Всѣ они приглашены были въ тотъ же день къ Голицыну на обѣдъ, гдѣ и „подпили знатно“. Послѣ обѣда всѣ были отпущены, кромѣ Марковича, которому сказано было остаться. Оставался Марковичъ до вечера, а потомъ пошелъ къ адъютанту Голицына—Бирюлеву. Въ этотъ же день Марковичъ отдалъ Голицыну „бандурку своего малого“, какъ отмѣчено у него въ дневникѣ. На другой день у Голицына утромъ снова сошлись полковники—откланяться князю; но Марковичъ съ Милорадовичемъ оставлены были на обѣдъ.

Вернувшись въ Ромень, Марковичъ сталъ собираться въ Глуховъ, гдѣ ему хотѣлось переговорить „о своей нуждѣ“ еще и съ „коллегіатами“. Обѣхавъ лубенскія свои имѣнія, Марковичъ въ концѣ октября былъ уже въ Глуховѣ. Здѣсь онъ получилъ прежде всего извѣстіе, что въ Малороссію приѣдетъ Румянцевъ для изслѣдованія, кто именно участвовалъ въ составленіи челобитной, поданной старшиною царю въ Петербургѣ 13 сентября. Предусмотрительный Полуботокъ, извѣщая объ томъ Жураковскаго, писалъ ему, чтобы старшина въ предупрежденіе жалобъ отъ народа успѣшила удовлетворить „обидимыхъ“, причемъ указывалъ на Марковича особо, чтобы онъ постарался поскорѣе удовлетворить обиженныхъ имъ полчанъ¹⁾. Здѣсь рѣчь шла не о тѣхъ обидахъ, которыя Марковичъ нанесъ своимъ сотникамъ сажаніемъ ихъ на пушки, а о приобрѣтеніи имъ разныхъ хуторовъ у своихъ полчанъ посредствомъ насилій, произведенныхъ во время управленія имъ полкомъ. Что сдѣлалъ Марковичъ по совѣту тестя, мы не знаемъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы отмѣчать въ своемъ дневникѣ подобные факты²⁾. Но понимая, что въ этомъ

¹⁾ См. указъ 8 февраля 1725 г. въ Полн. Собр. Законовъ.

²⁾ Впрочемъ можетъ быть, что что-нибудь по этому предмету въ дневникѣ и проскользнуло, но затѣмъ оно было уничтожено; ноябрьскій дневникъ, заключавшій въ себѣ замѣтки съ 12 по 23 ноября, Марковичемъ уничтоженъ. Это былъ впро-

отношеніи главнымъ дѣломъ было заручиться благорасположеніемъ Вельяминова, Марковичъ сталъ усердно посѣщать коллегіатовъ. Въ день пріѣзда въ Глуховъ, 26 октября, онъ былъ у Кошелева; на другой день просидѣлъ у Вельяминова до полночи. Черезъ день, 29-го, гетманша праздновала свои именины, гдѣ былъ Вельяминовъ, Хрущовъ и Кошелевъ; тутъ Марковичъ съ гостями „подпилъ гораздо“. Черезъ нѣсколько дней у Вельяминова была „вечеринка“, на которой присутствовалъ и Марковичъ; потомъ сталъ онъ посѣщать Вельяминова и для карточной игры. Нѣтъ сомнѣнія, что сближенію съ коллегіатами Марковича очень много помогала Скоропадская, водившая близкое знакомство съ женами Вельяминова, Хрущова и Кошелева. Да и мужья послѣднихъ повидимому не отказывались попить и погулять у богатой вдовы-гетманши, которая понимала, что это были самые сильные люди въ Малороссіи и потому не жалѣла для нихъ угощеній. Однако-жъ, какъ ни дружилъ Марковичъ съ Вельяминовымъ и его товарищами, а пришлось и ему поступиться однимъ дѣломъ, какъ видно очень неприятнымъ для него. Дѣло въ томъ, что когда въ 1718 г. сторѣла кіево-печерская лавра, то для возобновленія этой святыни Петръ Великій приказалъ собрать съ малороссійскихъ владѣльцевъ извѣстную сумму; сборъ денегъ порученъ былъ полковникамъ, которые собирали ихъ по частямъ, не отсылая денегъ въ Кіевъ, пока не пріѣхалъ въ Малороссію Вельяминовъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ сборѣ, распорядился черезъ Полуботка, чтобы собранныя деньги полковники отослали кіевскому войту. Большинство полковниковъ поспѣшило исполнить это распоряженіе; но отецъ Якова Марковича, собравъ на лавру въ своемъ полку 1000 рублей, жалѣлъ съ ними разстаться и медлилъ ихъ отсылкою. Когда потребовали этихъ денегъ отъ сына, то онъ отвѣчалъ ¹⁾, что онѣ взяты отцемъ въ сулацкій походъ на полковые расходы. Такимъ объясненіемъ въ Глуховѣ, повидимому, удовлетворились до времени, пока не возвратится

чемъ послѣдній листъ, уничтоженный практическимъ мудрецомъ. Затѣмъ весь дневникъ цѣль. Мы думаемъ, что уничтоженіе Марковичемъ въ его дневникѣ шести полулистовъ было имъ сдѣлано въ виду пріѣзда Румянцева, такъ какъ Полуботокъ писалъ роднымъ изъ Петербурга объ уничтоженіи разныхъ бумагъ, предвидя возможность обыска. См. Соловьевъ, XVIII.

¹⁾ Журн. генер. канцеляріи 1723 г.

Андрей Марковичъ изъ похода. Но когда пришла вѣсть о пріѣздѣ въ Малороссію Румянцева, Яковъ Марковичъ почувствовалъ, что отвѣтъ, данный имъ въ коллегіи, Румянцева пожалуй и не удовлетворитъ; поэтому онъ изъ Глухова поспѣшилъ написать матери въ Ромень, что собранные отцомъ на монастырь деньги лучше поскорѣе прислать въ Глуховъ. Совѣтъ былъ исполненъ и 23 ноября въ дневникѣ отмѣчено: „Василь Дяченко пріѣхалъ съ деньгами 1000 р., на церковь печерскую опредѣленными, которыхъ коллегія доправляетъ“. Деньги привезены были какъ разъ въ пору, потому что на другой день Румянцевъ пріѣхалъ въ Глуховъ. Въ тотъ-же день онъ приглашенъ былъ на обѣдъ Скоропадскою, гдѣ „гуляли довольно“. Тутъ-же увидѣлъ его въ первый разъ и Марковичъ и какъ племянникъ хозяйки, конечно, былъ представленъ царскому слѣдователю. На другой день, 25-го, Марковичъ поспѣшилъ побывать самъ у Румянцева, а 26-го Румянцевъ устроилъ у себя „банкетъ“, на которомъ Марковичъ не только что былъ, но и въ карты игралъ „пополамъ съ кн. Волконскимъ“. 27-го Марковичъ былъ у Румянцева „рано“; 28-го гулялъ вмѣстѣ съ нимъ на банкетѣ у Журавковскаго; 30-го такой-же банкетъ былъ у Вельяминова и Марковичъ—въ числѣ гостей; 1 декабря карточный вечеръ у Вельяминова; Марковичъ былъ, но только смотрѣлъ, какъ Румянцевъ игралъ. А черезъ два дня, 4-го декабря, Марковичъ самъ устроилъ „вечеринку“, на которой Румянцевъ съ Вельяминовымъ и прочими „долго просидѣли“. 6-го декабря Марковичъ посѣтилъ рано Вельяминова и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Румянцеву, гдѣ уже нашелъ возможность поговорить „о 1000 р. печерскихъ денегъ, доправленныхъ изъ дома родительскаго“; конечно, рѣчь шла о томъ, что деньги употреблены родителемъ на общественныя надобности и доправятъ ихъ не слѣдовало-бы. Затѣмъ 13-го Румянцевъ уѣхалъ изъ Глухова—производить по Малороссіи слѣдствіе о челобитныхъ Полуботка. Марковичъ остался въ Глуховѣ, но въ это время что-то произошло такое, что онъ 15-го декабря пошелъ къ Вельяминову на квартиру и „просилъ о увольненіи его отъ правленія полковаго“. Къ такому рѣшенію Марковичъ пришелъ вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь жалобъ на него, какъ на наказнаго лубенскаго отъ его полчанъ; однако-жъ Вельяминовъ, какъ видно, не придалъ особеннаго значенія просьбѣ Марковича и посоветовалъ ему скорѣе

ѣхать въ полкъ. На другой день Марковичъ выѣхалъ въ Роменъ. Пробывъ въ Глуховѣ въ этотъ разъ около двухъ мѣсяцевъ, Марковичъ воспользовался этимъ пребываніемъ какъ нельзя лучше; прежде всего онъ сблизился съ Вельяминовымъ, который, водя постоянную хлѣбъ-соль съ вдовою-гетманшею, конечно, не могъ отказать въ своемъ вниманіи и любимому ея племяннику. Но еще важнѣе было для Марковича знакомство съ Румянцевымъ, который пріѣхалъ въ Малороссію главнымъ образомъ, чтобы заручиться тѣми данными, на основаніи которыхъ правительство могло-бы утвердительно сказать, что въ челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ отъ имени „всего народа“, послѣдній не принималъ и не могъ принимать никакого участія, такъ какъ постоянныя насилія старшины надъ народомъ давно уже разъединили ихъ интересы. Для этого Румянцеву нужны были жалобы народа на старшину, а Марковичъ хорошо зналъ, что лубенскіе полчане не упустятъ случая пожаловаться на насилія его отца, да и самъ онъ былъ не безъ грѣховъ. Поэтому заручиться если не пріязнью, то по крайней мѣрѣ знакомствомъ Румянцева для Марковича было чрезвычайно важно. Знакомства-же Марковичъ достигъ, и даже довольно близкаго, такъ такъ карточные вечера съ Румянцевымъ были доступны не для всѣхъ.

Пріѣхавъ въ Роменъ 17-го декабря, Марковичъ сталъ было исполнять залежавшіяся не исполненными порученія коллегіи и генеральной канцеляріи; но 27 декабря его о чемъ-то такомъ извѣстили, что, записавъ въ свой дневникъ это извѣстіе въ нѣсколькихъ строкахъ, онъ потомъ вырвалъ эти строки, а 28-го декабря „родителька его рано отъѣхала въ Глуховъ“, а на другой день выѣхалъ и самъ онъ туда-же. Пріѣхавъ въ Глуховъ въ ночь противъ 31 декабря, Марковичъ 1 января отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „извѣстился, что Лукьянъ Свѣчка вчера поѣхалъ къ Семену Лизогубу въ Андреевку; а тутъ, въ Глуховѣ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ“. Едва-ли ошибемся, если скажемъ, что причиною внезапнаго пріѣзда въ Глуховъ Марковича и его матери было полученное имъ извѣстіе, что одинъ изъ державцевъ лубенскаго полка Лукьянъ Свѣчка подалъ жалобу въ коллегію на Марковича—отца за какое-то насиліе послѣдняго при пріобрѣтеніи отъ Свѣчки с. Токарей. Жалоба Свѣчки, какъ видно, очень испугала Марковича;

но въ своемъ дневникѣ о такихъ дѣлахъ онъ не любилъ распростра-
няться. Изъ дневника, кромѣ приведеннаго мѣста, видно, что 3-го
января онъ купилъ у члена коллегіи Кошелева крестьянина за 50 р.,
а 7-го выѣхалъ обратно въ Роменъ. Спѣшить въ Роменъ нужно было
и потому, что прошла вѣсть, что Румянцевъ изъ Переяслава ѣдетъ
въ лубенскій полкъ. Моментъ былъ самый критическій, такъ какъ
народъ, прослыхавъ о проѣздѣ царскаго чиновника, который доро-
гой выспрашиваетъ о злоупотребленіяхъ старшинъ, сталъ безбояз-
ненно подавать ему во множествѣ письменныя жалобы. Узнавъ,
что Румянцевъ ѣдетъ въ Миргородъ чрезъ сотенный городокъ
лубенскаго полка Лохвицу, Марковичъ отправился на встрѣчу къ
нему и встрѣтилъ его 9-го января, ночью, угостилъ заранѣе при-
готовленнымъ ужиномъ въ селѣ Ивахникахъ, гдѣ Румянцевъ и но-
чевалъ. А на другой день проводивъ Румянцева за Лохвицу, Мар-
ковичъ объѣхалъ нѣкоторыя отцовскія маетности и вернулся въ
Роменъ. Черезъ нѣсколько дней получено было распоряженіе Ру-
мянцева, „чтобы старшина полковая вся была въ Роменъ собрана;
такоежъ и козаковъ со всякой сотни по 50 человекъ и дожидались-
бы его въ Ромнѣ“. Рѣшительная минута приближалась: Марковичъ
былъ увѣренъ, что жалобы отъ полчанъ будутъ. Вспомнилъ въ
эту минуту Марковичъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, который по
своей добротѣ можетъ помочь своимъ вліяніемъ, если пріѣздъ Ру-
мянцева не обойдется благополучно, и вотъ въ дневникѣ находимъ
замѣтку, что 28 января „посланъ конюшій Алексѣецъ въ село То-
кори взять тамъ четверню воронопѣгихъ („воронострокатыхъ“) ло-
шадей и отвести въ Ахтырку къ князю Голицыну“¹. Черезъ три
дня, 1-го февраля, Марковичъ поѣхалъ на встрѣчу Румянцеву и
встрѣтивъ его верстъ за тридцать отъ Ромна, предложилъ пере-
сѣсть въ свою карету, на что тотъ и согласился. При въѣздѣ въ
Роменъ предупредительный наказный „поздравилъ“ Румянцева
семью пушечными выстрѣлами и затѣмъ пригласилъ его къ себѣ
на ужинъ. На другой день Румянцевъ, произведя опросъ собран-
нымъ полчанамъ о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ, обѣдалъ
у Марковича и затѣмъ просидѣлъ у него за картами весь вечеръ;
3-го Румянцевъ устроилъ обѣдъ на своей квартирѣ, на который
пригласилъ и старшину; поигравъ послѣ обѣда въ карты, Румян-

¹) Рукопись дневника Якова Марковича.

цовъ на ужинъ отправился къ Марковичу. 4-го Румянцевъ „самъ обѣдалъ на своей квартирѣ“¹⁾. Въ этотъ день, должно быть, онъ и принималъ тѣ жалобы, которыхъ боялся Марковичъ; а жалобы поданы были, потому что въ дневникѣ, 5 февраля, отмѣчено: „бригадиръ рано далъ указъ и челобитныя для изслѣдованія“²⁾. Хотя Марковичъ и не поясняетъ, кому данъ былъ указъ, но изъ архивныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что, не имѣя возможности разобраться въ массѣ жалобъ, поданныхъ ему при объѣздѣ Малороссіи, Румянцевъ разслѣдованіе этихъ жалобъ поручалъ въ каждомъ полку особому офицеру, въ помощь которому назначался одинъ изъ бунчуковыхъ или значковыхъ товарищей. Для разбора жалобъ, поданныхъ въ лубенскомъ полку, былъ назначенъ прапорщикъ Волжинъ. Ему-то и былъ данъ тотъ указъ, о которомъ говоритъ Марковичъ. Такимъ образомъ самъ Румянцевъ въ Ромнѣ ничего не сдѣлалъ по поданнымъ ему жалобамъ; но въ нѣкоторыхъ полкахъ, на основаніи этихъ жалобъ, Румянцевъ смѣнялъ полковую старшину и назначалъ новую по своему выбору; такъ были имъ смѣнены наказные полковники въ Переяславѣ и въ Полтавѣ, на мѣсто которыхъ онъ поставилъ другихъ. Въ Ромнѣ ничего этого не было, хотя жалобы и были; предупредительность лубенскаго наказнаго видимо имѣла свое вліяніе, такъ какъ къ Марковичу Румянцевъ былъ благосклоненъ. Передавъ поданныя жалобы Волжину, Румянцевъ отправился обѣдать къ Марковичу, а вечеромъ въ тотъ-же день и выѣхалъ изъ Ромна. Безъ проводъ, разумѣется, не обошлось: провожали за нѣсколько верстъ отъ города „и тамъ долго пивши, разлучились“. Румянцевъ поѣхалъ въ Глуховъ, „а я повернулся“, пишетъ Марковичъ въ дневникѣ, „и долго блудилъ по дорогѣ, пока попалъ въ Роменъ“³⁾. Значитъ, проводы были очень „шумны“.

Такъ благополучно сбылъ съ рукъ Марковичъ страшнаго царскаго слѣдователя и затѣмъ могъ уже вполне успокоиться, тѣмъ болѣе, что и главный врагъ Марковича и въ то же время популярный въ Малороссіи полковникъ—Апостоль попалъ уже подъ арестъ за челобитныя Полуботка. Съ этого времени Яковъ Марковичъ занялъ опредѣленное мѣсто среди тогдашней старшины, которая увидѣла въ немъ такого мудреца, котораго лучше было не трогать. Былъ еще трудный моментъ въ жизни Якова Марковича, когда

¹⁾ Т. Ж. ²⁾ Т. Ж. ³⁾ Т. Ж.

неожиданно для всѣхъ гетманомъ сталъ Апостоль. Но мы видѣли уже, что и здѣсь Марковичъ-отецъ, благодаря опять таки ловкости того же сына, выпутался изъ бѣды благополучно.

Дальнѣйшую жизнь Якова Марковича можно прослѣдить по его дневнику, изъ котораго можно увидѣть между прочимъ, что не смотря на всю житейскую мудрость его автора, послѣднему, при всѣхъ его стараніяхъ, не удалось выбиться изъ круга средней старшины. Было что-то такое въ этомъ человѣкѣ, что не давало ему возможности, не смотря на все его умѣнье сближаться съ сильными міра, достигнуть завѣтныхъ высшихъ старшинскихъ урядовъ, которыхъ Яковъ Марковичъ тщетно искалъ всю свою жизнь, пока не состарѣлся.

Заканчивая настоящій очеркъ, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о внукѣ Якова Марковича, и издателѣ его дневника—Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ, который во второй четверти настоящаго вѣка былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей „новой“ Малороссіи¹⁾. Получивъ солидное образованіе, Александръ Михайловичъ Марковичъ въ то же время обладалъ прекраснымъ свойствомъ души—твердыми убѣжденіями, которыми не поступался, можно сказать, никогда. Особенную твердость своихъ убѣжденій выказалъ Александръ Михайловичъ, будучи черниговскимъ губернскимъ предводителемъ. Будущій его біографъ расскажетъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ эпизодовъ, какъ умѣлъ Александръ Михайловичъ оберегать свое человѣческое достоинство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ тогдашней общественной жизни. Какъ помѣщикъ, онъ также выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ необычно гуманными отношеніями къ своимъ крестьянамъ. Мы лично видѣли этого замѣчательнаго человѣча уже въ глубокой его старости, но и ранѣе онъ оставался тѣмъ-же привлекавшимъ общія къ себѣ симпатіи человѣкомъ. Помнимъ мы, какъ въ это время (1862 г.) онъ, не хвалясь, указывалъ на значеніе крестьянской школы въ живомъ примѣрѣ—въ его Сварковской школѣ, которая издавна была имъ устроена въ этомъ селѣ и обученіе въ которой велось съ тою добросовѣстностью, которой можно позавидовать и теперь. Нельзя не пожелать появленія біографіи этого человѣка, замѣчательнаго по уму, добротѣ и кротости. Такая біографія могла бы быть поученіемъ и для нашего времени¹⁾.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ Родился 1790, † 1865 г.

²⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ Древней и Новой Россіи, 1879 г., т. 1, стр. 53—55.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)¹⁾

Широко раскинулось по полному берегу Роси село Ольшаница. Среди села, по долину, разлился обширный прудъ. По обѣ стороны пруда на далекое разстояніе тянулись роскошные огороды и сады, а по берегамъ зеленѣли густыя вербы. Подлѣ самой плотины, вблизи мельницы, на небольшомъ пригоркѣ стояла дубовая, пятиглавая, крытая гонтомъ церковь. Мимо церкви шла дорога, а противъ церкви, чрезъ дорогу, расположенъ былъ домъ священника. За домомъ зеленѣлъ садъ: вишни и черешни разрослись до самаго берега пруда. Село раскинулось разноцвѣтнымъ ковромъ на широкой равнинѣ. Среди зеленѣющихъ садовъ и кой-гдѣ пожелтѣвшихъ огородовъ вырисовывались своей бѣлизной чисто вымазанныя хаты то съ потемнѣвшими отъ времени, то не тронутыми стихіей жолтыми крышами, а за огородами и садами разстилались обширныя левады и сѣнокосы, съ прихотливо разбросанными по нимъ группами ольхъ, лозъ и вербъ. На полдень виднѣлся высокій, гористый берегъ Роси, покрытый лѣсами, а промежъ ихъ бѣлѣли хаты другихъ сель, блестѣли бѣлоглавья церкви. То тамъ, то здѣсь лѣса будто перебѣгали Рось и темной лавой заливали равнину, то вырѣзываясь по окраинамъ ея зубцами, то выступая полукругами и острыми клиньями далеко, далеко на полночь.

Дѣло было въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Была лѣтняя пора. Солнце высоко стояло въ небѣ и обливало Ольшаницу яркимъ, блестящимъ свѣтомъ. Зашли жнива, былъ будній день, а на дворѣ и за дворомъ священника толпилась большая масса народа. Въ Ольшаницѣ только что похоронили старика-свя-

¹⁾ Печатается въ переложеніи на обще-русскій языкъ, съ сохраненіемъ малорусскаго подлинника однихъ лишь діалоговъ.—Ред.

щенника, Петра Моссаковского. Вся *громада* собралась къ его дому на поминальный обѣдъ. Широкий дворъ священниковой усадьбы весь заставленъ былъ импровизированными столами, устроенными изъ длинныхъ досокъ, утвержденныхъ на деревянныхъ обрубкахъ. Вдоль этихъ столовъ сидѣли длинными рядами „парафіане“ умершаго батюшки. На всемъ протяженіи двора, выглядывая изъ-за плетней, толпились массы подростковъ и дѣтей обоюга пола. Въ огородѣ пылали три костра, а около нихъ сновали молодицы. Въ легкомъ дыму костровъ видны были десятки огромныхъ горшковъ съ различными, приготовленными для обѣда кушаньями. Скоро молодицы стали разливать въ огромныя миски кушанье и разставлять по столамъ, другія въ большихъ „ряднахъ“ носили изъ дому и раскладывали по столамъ заранѣе разрѣзанный на куски хлѣбъ и „книши“. У самаго порога сѣней длинными рядами расположились къ обѣду „старци“ всѣхъ возрастовъ и половъ, Тутъ живо шла работа; одни ряды смѣнялись другими. На всѣхъ другихъ столахъ шла тоже смѣна: одни вставали, окончивъ обѣдъ, другіе занимали ихъ мѣста, послѣ мужчинъ располагались женщины и т. д. Тутъ обѣдало все село, обѣдали прохожіе, проѣзжіе, нищіе со всей околицы собрались...

Четыре сына покойнаго о. Петра,—два священника, одинъ діаконъ и одинъ дьячекъ—съ огромными флясками въ рукахъ ходили промежъ столовъ и потчивали всѣхъ водкой. Съ особой привѣтливостію угощали они прихожанъ своего отца, зная, что громада въ слѣдъ за симъ приступитъ къ выборамъ на мѣсто покойника, а всѣмъ имъ одинаково хотѣлось поступить на мѣсто отца въ родное, многолюдное и богатое село.

За угломъ дома, въ тѣни высокихъ черешень, накрыты были столы для духовенства и почетнѣйшихъ прихожанъ. Невѣстка покойника распорядилась здѣсь угощеніемъ.

Солнце свернуло за полдень. Священство и міряне встали изъ-за стсла, за ними въ слѣдъ поднимались изъ-за столовъ на всемъ пространствѣ двора. Говоръ затихъ. Настала такая тишина, будто во всемъ дворѣ не было живой души. Слышно было щебетанье птичекъ въ саду. Старикъ священникъ, повернувшись къ церкви, громкимъ басомъ началъ „парастасъ“. Его голосъ раздавался по всему подворью. Старый батюшка громче прежняго воз-

гласилъ „вѣчную память“ покойнику-собрату и все собравшееся здѣсь духовенство запѣло: „вѣчная память“, а въ это время староста, сѣдой, совсѣмъ бѣлый, съ длинными черными усами, трижды, крестообразно, выше головы своей поднималъ большой *куфелъ* расиченнаго меду, придерживая лежавшій сверху хлѣбъ. Всѣ стоявшіе во дворѣ и за дворомъ начали креститься и кланяться по направленію къ церкви: сотни рукъ замахали, сотни головъ то наклонялись, то подымались, сотни устъ тихо шептали: „вѣчная память! вѣчная память!“ Будто пронесся нежданно по двору вѣтеръ и шевельнулъ листь на деревѣ и чуть замѣтно затихалъ, пока совсѣмъ не затихъ...

Сыновья покойника со всѣмъ священствомъ пошли въ „покои“. Снимали доски со столовъ и уносили подъ навѣсъ, оттаскивали въ сторону подставки. Масса мужчинъ разсыпалась по двору; женщины пустились со двора. Начинались выборы новаго священника.

Послышалось тихое гудѣнье громады, точно жужжанье пчель въ пасѣкѣ въ поздній вечеръ: по всему двору собирались люди въ кружки, тихо говорили. Чуть, чуть слышалось: „а кто буде у насъ священникомъ? кого станемъ выбирать?“ Одни говорили, что всего лучше выбрать на *парафію* одного изъ старшихъ сыновей покойника, что были уже священниками въ сосѣднихъ селахъ, другіе подавали голосъ за третьяго сына—діакона; но еще тише ходилъ говоръ по кружкамъ, что старшіе сыновья не хорошо живутъ съ своими прихожанами, а діаконъ пьянствуетъ въ корчмѣ и дерется не только съ людьми, но даже съ жидами.

— Панове, громадо! спокойно, но твердо проговорилъ старикъ староста, вокругъ котораго толпились такіе-же старики: выберимъ самого меншого покойниковаго сына, Харитона. Вінъ вирісъ на нашихъ очахъ, мы ёго добре знаемъ. Вінъ чоловікъ не гордый; выше зъ нами чарку горілки, але не пьянствуе; вінъ до людей привітний, гортань має добру. Зъ ёго добрый буде священникъ. Напишимъ прошеніе до владыки, даймо ёму підводу, грошей на дорогу, та й нехай рушае. Чи такъ, панове-громадо?

— Такъ, такъ! ты, старосто, добре радишь! заготовали вокругъ старосты и это рѣшеніе стрѣлой пролетѣло по всему двору.

Староста вышелъ изъ круга, прошелъ вдоль и въпоперекъ по двору, спрашивая всѣхъ и cadaго, пристають-ли на предло-

женнаго имъ кандидата. Предъ нимъ почтительно разступались, обнаженные головы всюду колыхались и отъ края до края всюду слышалось одно: такъ, такъ! нехай Харитонъ буде у насъ священникомъ!

Староста прошелъ въ домъ и оповѣстилъ священство и самаго Харитона о послѣдовавшемъ избраніи. Старшіе сыновья покойника видимо были сконфужены. Харитонъ покорно склонилъ голову; о его желаніи занять отцевское мѣсто не могло быть и вопроса.

— Выйдите-же, пане диче, до громады,—сказалъ староста, слегка кланаясь Харитону.

Харитонъ вышелъ на крыльце. За нимъ нѣсколько священниковъ, кромѣ однако братьевъ. Гоготавшая громада мгновенно затихла. Староста со ступенекъ громко вопрошалъ: чи згожуетесь, панове-громадо, на сѣго пана Харитона—мати ёго собі за священника на нашій парафіи?

— Згода, згода! загудѣла громада; нехай вінъ буде у насъ священникомъ!—Харитонъ низко поклонился и поблагодарилъ громаду.

— Волимо Харитона! Харитинъ нехай буде за попа! доносилось со всѣхъ сторонъ.

Харитонъ снова поклонился и хотѣлъ что-то говорить; но и первыхъ словъ его нельзя было уже слышать. Поднялся шумъ, какой заканчиваетъ всѣ такія собранія; громада гудѣла, точно вѣтеръ въ лѣсу. Задніе ряды заколыхались и хлынули со двора. Точно лава воды, ринувшаяся изъ прорванной плотины, понесли они предъ собой кучи дѣтей и всякой молодежи, нависшія у воротъ. Заколыхалась и вся масса людей во дворѣ и широкой волной полила изъ воротъ на улицу. Въ дворѣ становилось пусто и тихо. На крыльцѣ все еще стоялъ счастливый Харитонъ,—высокій, тонкій, стройный, бѣлолицый, съ густыми русыми кудрями, едва доходившими до плечей. Онъ пристально глядѣлъ на удаляющуюся отъ него волну черныхъ шапокъ и свитокъ, пока и послѣдній челоуѣкъ не вышелъ со двора. На его нѣжномъ лицѣ горѣлъ яркій румянецъ, когда, проводивъ всѣхъ до послѣдка, онъ возвращался въ свѣтлицу, окруженный видимо сочувствовавшими ему сосѣдями-священниками.

— Поздоровляемо васъ, Харитоне Петровичу! первые заговорили проворныя матушки; теперь-же шукайте десь хорошу пани-матку, та й на парафію сідайте.

Харитоновъ братъ-діаконъ сердито взглянувъ на матушекъ, проговорилъ:

— У батька ще й ноги не захололи, а вы вже й за весілля...

— А що-жъ, брате? Живий живе гада!—отозвался найстаршій братъ. Уже батька не вернешь зъ гробу, а отъ выйдуть сороковины, то й счастья Боже Харитонову и одружитись!

— Добре слово! Мудра річь! Або нема зъ кимъ?—затараторили матушки. Они совсѣмъ забыли о похоронахъ и начали перебирать всѣхъ извѣстныхъ въ околоткѣ невѣсть. Одна изъ матушекъ въ числѣ невѣсть назвала Онисю Прокоповичевну. При этомъ имени Харитонъ поднялъ вверхъ стыдливые глаза свои и снова опустилъ ихъ внизъ. Предъ нимъ будто молнія изъ тучъ блеснула образъ Ониси. Онъ вспомнилъ ее и—забылъ даже про смерть отца и только что окончившіеся похороны. Разъ онъ видѣлъ ее въ Богу-славѣ на ярмаркѣ и съ тѣхъ поръ не могъ забыть объ ней.

Подъ вечеръ разѣхались одинъ за другимъ всѣ сосѣди и знакомые покойнаго Моссаковского, пріѣзжавшіе отдать ему послѣдній долгъ; сыновья, безъ шума и спору, подѣлились „батькивскимъ“ добромъ; старшіе братья, взявъ кое-что изъ вещей покойника на память и предоставивъ Харитону всю недвижимость и хозяйство, да пригласивъ одного безмѣстнаго старичка-священника „наблюдать парафію“, пока „высвятится“ Харитонъ, въ свою очередь поспѣшили „до господы“. Къ ночи домъ опустѣлъ. Остался одинъ Харитонъ съ своими мечтами о священствѣ и Онисѣ.

Медленно тянулись для него „сороковины“, а тѣмъ временемъ Онисю навѣщали женихи, а чаще другихъ Марко Павловичъ Балабуха, *философъ*, только что оставившій преобразованную предъ тѣмъ кіевскую академію, чтобы поступить въ село на приходъ.

Онися Степановна была единственная дочь стараго уже священника села Чаёкъ. Чайки находились верстахъ въ 20-ти отъ Ольшаницы и расположены были на гористомъ правомъ берегу Роси. Отлогій по краямъ села и крутой въ самой серединѣ онаго берегъ то изрытъ былъ узкими ущельями, то загроможденъ скалистыми террасами; живописные уступы, роскошныя удоля красовались очаровательною зеленью; здѣсь и тамъ, отъ

берега до вершины горы, бѣлѣли чистенькія хатки, то прячась отъ солнца и бури подъ защиту скаль, то утопая въ зелени садовъ. Съ обоихъ концовъ села, какъ двѣ зеленыя стѣны, стоялъ густой дубовый лѣсъ. На срединѣ горы, на одномъ изъ ея уступовъ красовалась стройно сложенная изъ дубовыхъ брусевъ церковь, бѣлые верхи которой ярко блестѣли при свѣтѣ солнца и видны были на далекое пространство. У церкви ютился домикъ священника Прокоповича; отъ него по крутой горѣ до самаго берега шелъ роскошный старый садъ, а внизу по-надъ Росью зеленѣли густыя вербы. Передъ домомъ, по-за Росью, на десятки верстъ раскиданы были села по широкой равнинѣ, разрисованной, какъ картина, и испещренной то пожелтѣвшими нивами, то зелеными лугами и левадами, то синѣвшими на солнцѣ ставками, отражавшими въ себѣ верхи вербъ, церковей и горъ.

I.

Быль день воскресный. Семья Прокоповичей окончила обѣдъ. Старый „панъ-отецъ“ отправился въ пасѣку и залегъ въ „катрагъ“ спать. Въ комнатѣ сидѣли мать съ дочерью и грызли сѣмячки. Бесѣда у нихъ шла о молодыхъ паничахъ, наѣзжавшихъ къ Онисѣ Степановнѣ.

— А що, дочко, будемо діяти? Чи швидко підемо заміжъ, чи ще довго будемо перебендювати? спросила мать у дочери.

— Про мене, мамо, ідить заміжъ хочъ и сѣгодня, сказала дочь, усмѣхаясь.

— Цуръ дурной-нависной! Хиба я про себе говорю? замѣтила мать.

— А то-жъ про кого? сказала дочь.

— Та про кого-жъ, якъ не про тебе.

— Про мене?... Якъ про мене, то не знаю, сказала дочь, загнувъ въ знакъ недоумѣнія или неудовольствія нижнюю губу.

— А хто-жъ буде знати, якъ не ты? Це-жъ твое діло, а не мое. Мині съ твоими женихами не жити. Чи мало вже ихъ до насъ навідувалось?

— Та мене, хвалити Бога, нихто не обѣхавъ рябымъ конемъ, сказала дочка, але, сказати щирю правду, моихъ женихівъ хочъ по сімъ за цыбулю продавай.

— Ну, не всіхъ продаси по сімь за цыбулю. Одного академиста Балабуху не продати й за сімь цыбуль.

— Я-бъ мамо, ёго й дурно оддала, абы вінъ тильки не іздивъ до насъ.

— Але й вередлива-жъ ты, нічого сказати. Балабуха чоловікъ вчений, займе добру парахвію, буде благочиннымъ, а може й протіереемъ.

— Про мене нехай буде й архіереемъ, коли-жъ у его таки губы, неначе вінъ зъ людей кривиться.

— Отъ и выгадала. Якіжъ у ёго губы? Такі, якъ и у всіхъ людей.

— Коли-жъ, мамо, якъ вінъ засміється, то такъ зувсімъ, якъ отъ часомъ одна коняка до другои зубы шкирить. А що вже гордый та гоноровитый! правда, що вчений.

Не успѣла Онися окончить разговоръ, какъ за дворомъ слышался стукъ колесъ. Залаяли собаки и бросились за дворъ. Мать и дочь выбѣжали изъ „кімнаты“ въ „свѣтлицу“ и бросились къ окнамъ. Въ ворота вѣзжалъ старосвѣтскій богуславскій возокъ, котораго кузовъ обшитъ былъ широкимъ цѣльнымъ лубомъ и наминалъ собою большую корзину, расширенную по краямъ и съ поднятымъ вверхъ передомъ. Изъ-за тощихъ двухъ клячъ въ плетеныхъ пеньковыхъ шлеяхъ выглядывала большая фигура академиста Балабухи. Онъ грузно сидѣлъ, какъ добрая копна сѣна, въ „легкодушномъ“ возку. На немъ была шинель синяго сукна съ такимъ длиннымъ воротникомъ, что, спускаясь позади возка, онъ закрывалъ до половины колеса. Возокъ остановился близъ „коморы“, стоявшей наискось отъ дома. Поднимаясь съ глубоко опустившагося сидѣнья, Балабуха взялся обѣими руками за края возка и такъ сильно ихъ нажалъ, выдвигая свою грузную фигуру, что возокъ затрещалъ и раздвинулся въ обѣ стороны.

— Ой, панычу, помалу, бо воза поломаете! сказалъ, съ испугомъ озираясь, погоничъ; зновъ насъ будутъ батюшка лаяти, якъ лаяли за того воза, що вы разтрошили торікъ.

— Роскажи своему батькови! сказалъ Балабуха и закинувъ ноги черезъ край трещавшаго возка, рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ и грузно опустился на землю. Послышался гулъ, точно упалъ съ высоты большущій мѣшокъ съ зерномъ.

— Отъ тобі на! сказала Онися, глядя изъ окна; за вовка промовка, а вовкъ у хату.

— Йди, дочко, причепурись! сказала мать: надінь товсте намисто, та квітки на голову.

— Намисто надіну и квітки надіну, а Балабусі таки дамъ гарбуза, сказала Онися, смѣясь и убѣгая въ „кімнату“.

— Годі, моя дитино, гарбузувати! Треба колись покохати та й заміжъ ити, тихо проговорила мать въ слѣдъ убѣгавшей дочери.

Балабуха стоялъ около возка, а ему подъ ноги бросились, точно бѣшенныя, три презлющія собаки. Наймичка выбѣгла съ палкою и прогнала собакъ. Балабуха, медленно и озираясь, побрелъ къ дому.

Въ сѣняхъ онъ снялъ съ себя шинель и картузь и бросилъ на стоявшій тутъ сундукъ, вынулъ изъ кармана красный бумажный платокъ, высморкался, откашлялся и тяжелою поступью вошелъ въ „свѣтлицу“. Тамъ не было ни духа. Балабуха снова досталъ платокъ, вытеръ носъ, кашлянулъ трижды и сталъ потихоньку переступать съ ноги на ногу, поглядывая то на дверь въ „кімнату“, то на свои широкіе на „подборахъ“ и въ „рантъ“ шитые сапоги.

„Свѣтлица“ была просторна, но съ малыми окнами, по четыре стекла въ каждомъ. Вся передняя стѣна съ прилегающими углами до половины сплошь увѣшана была образами и представляли изъ себя подобіе иконостаса. По угламъ висѣли наибольшіе и наиболѣе чтимые образа,—въ одномъ образъ печерской Богородицы, въ другомъ почаевской, а передъ образами висѣли меньшія лампадки, купленныя свѣжо у заѣзжаго торговца. Сверху и съ боковъ образа прикрыты были большими, разшитыми въ цвѣта и мелкимъ узоромъ полотенцами. Образа висѣли двумя рядами,—одни достигали самаго потолка, другіе доходили до стоявшаго у стѣны, по самой срединѣ оной, прикрытаго чистой скатертью стола. Боковая наружная стѣна была занята портретами какихъ-то архіереевъ, а около нихъ и подъ ними въ простыхъ некрашеныхъ рамкахъ, за стекломъ и безъ стекла, ютились такъ называемые куншты,—бумажныя изображенія нѣсколькихъ сраженій изъ отечественной войны и войны за независимость грековъ. На внутренней дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей „свѣтлицу“ отъ „кімнаты“, развѣшенъ былъ огромныхъ размѣровъ „килимъ“, т. е. коверъ, оригинальный рисунокъ котораго давалъ нѣсколько рядовъ большихъ цвѣтовъ, съ

сочетаніемъ самыхъ яркихъ красокъ, какое можно видѣть и теперь на пасхальныхъ „писанкахъ“. Подъ этой-же стѣной стояла такъ называемая „канапка“, родъ дощатаго некрашеннаго и самой простой работы и конструкціи дивана. Канапка прикрыта была мѣстной работы ковромъ. Отъ нея шли вокругъ по стѣнамъ то узкія со спинками скамейки, то также простые и не крашеные стулья, самой разнородной формы, коллекція которыхъ составила не вдругъ, а съ большою постепенностію, болѣе по случаю, а не по заказу. Въ заднемъ углу, близъ порога, стоялъ окрашенный въ синюю краску и расписанный разными цвѣтами небольшой шкафъ въ два яруса, хранившій болѣе разныя подручныя яства и питія и мелкій хозяйственный скарбъ, чѣмъ какую либо посуду. На боковой двери изображено было принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, а на главной—козакъ Мамай съ фляшкой въ одной и рюмкой въ другой рукѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по „свѣтлицѣ“, Балабуха остановился предъ Мамаемъ, будто видѣлъ его въ первый разъ, и въ десятый разъ читалъ классическую подъ нимъ подпись:

Козакъ, душа правдива,
Сорочки не мае;
Коли не пье, то в... бье,
Таки не гуляе.

Балабуха какъ-бы призадумался. Какіе-то неясные образы вновь появились въ его головѣ при чтеніи давно знакомой подписи, но лице его не выражало никакого движенія мысли или чувства... Коротко обстриженная голова его точно отдыхала на роскошныхъ широкихъ плечахъ. Густыя, черныя брови будто повисли надъ темными, чистыми и необычайно спокойными глазами. Продолговатое лице его пріятно закруглялось книзу и оканчивалось мягкимъ широкимъ подбородкомъ. Балабуха былъ совсѣмъ не дурень собой, только толстый и длинный носъ, да широкія мясистыя губы портили немного общую гармонію лица... Въ серединѣ верхней губы видна была глубокая, нѣсколько продолговатая впадина, точно кто притянулъ ее тонкой ниткой и сдѣлалъ изъ одной большой губы двѣ малыхъ, нижняя-жъ, напротивъ, красовалась во всей своей полнотѣ и такъ выдалась къверху, что кожа на ней вытянулась

и лоснилась, какъ-бы смазанная яичнымъ бѣлкомъ. Общее выраженіе у Балабухи получалось такое, будто въ самомъ дѣлѣ онъ кривлялся, или передразнивалъ когонибудь. Костюмъ его былъ „зѣ достатку“, чистый и новый, но въ то-же время очень оригинальный и совсѣмъ не похожій на народный костюмъ академистовъ прежняго времени: длинный синяго сукна сюртукъ съ широкимъ воротникомъ, безъ разрѣза назади, и бѣлыми, немного выпуклыми металлическими пуговицами, бланжовый жилетъ и такіе-же пантолоны, сильно сѣживавшіеся книзу и изламывавшіеся по формѣ скрывавшихся подъ ними большихъ „шкаповыхъ“ голенищъ. Черный, толсто-намотанный вокругъ шеи, полуселковый платокъ и высокіе стоячіе воротнички довершали костюмъ Балабухи... Послѣдніе имѣли столь острые концы, что тогдашнія панночки говорили, что они „нибы хмары рѣжутъ“, а иной батюшка взглянетъ было на нихъ, улыбнется, плюнетъ и добродушно замѣтитъ: „эге! то-бѣ то леміши зѣ ихъ добри були“. Одинъ дьячекъ, въ компаніи съ Балабухой, глядя на его голову, покоившуюся въ воротничкахъ и толсто намотанномъ вокругъ шеи платкѣ, сказалъ на ухо сосѣду: „ось дивиця: въ ёго голова зувсімъ, якъ квочка въ обычайці; ище й дві дощечки зѣ боку встромяени“. Вообще новомодный костюмъ Балабухи, за оставленіемъ академіи мало ему принадлежавшій, вызывалъ не мало добродушныхъ остротъ и замѣчаній, также какъ и его гладко выбритое, но отдававшее синевою и какъ-бы вымазанное сажей лице, свидѣтельствовавшее о сильной растительности черныхъ какъ смоль волосъ, отъ которыхъ онъ оставлялъ лишь длинные висячіе усы. Одна панночка даже спрашивала у своей матери: „що то, мамо, у того академиста лице также сине, якъ бузъ?“ а другая говорила: „вінь зѣ тихъ білихъ комірівъ виглядае, якъ гречана галушка зѣ молока“.

Балабухѣ было далеко за 20-ть лѣтъ. Наука ему опостыла и онъ оставилъ академію при самомъ ея преобразованіи, захвативъ изъ нея лишь новый студенческой костюмъ, много напоминавшій офиціантовъ польскихъ пановъ. Когда Балабуха, бросивъ академію неожиданно для своего отца и прибывъ изъ Кіева домой, сталъ выражать предъ отцемъ свои сѣтованія на новые порядки и трудность науки, отецъ ласково улыбнулся и сказалъ: „це вже, сынку, здається, запаскою тобі запахло... Такъ що-жъ? Кинь її, ту акаде-

мію, та одружись, та й сідай на парафію“. И сынъ точно внялъ совѣту отца и сталъ искать себѣ невѣсты и прихода. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ къ Прокоповичамъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ самолично обьясниться предъ Онисею относительно истинной цѣли его частыхъ посѣщеній.

Тихо растворились боковыя двери; Авраамъ съ Исаакомъ скрылись во внутрь комнаты, а вмѣсто ихъ показалась на порогѣ *матушка*. Она была уже не молода. Костюмъ ея былъ такой, какой рѣдко встрѣтите теперь даже въ крестьянской средѣ глухаго украинскаго захолустья. На головѣ у ней стародавняя парчевая шапочка, давно переименованная въ „очипокъ“, прикрытый теперь тонкою тканью домашней работы, на манеръ кисеи,—такъ называемою *наміткою*. Намітка искусно повязана была на головѣ, съ большимъ бантомъ позади и спускавшимися двумя длинными концами, на подобіе траурной вуали. Дальнѣйшій нарядъ матушки состоялъ изъ шелковаго лифа съ рукавами, или такъ называемою *южки*, сшитой изъ темно коричневой матеріи съ мелкими серебряными листочками, и изъ темной плахты и такой-же запаски, т. е. двухъ кусковъ шерстяной матеріи, изъ которыхъ одинъ обхватывалъ нижнюю половину тѣла спереди, а другой сзади и оба укрѣплялись въ талии шерстянымъ широкимъ поясомъ. Изъ подъ плахты и запаски виднѣлся на вершокъ прошитый заполочью подоль рубахи, закрывавшій на половину черныя голенища жолтыхъ, сафьянныхъ сапогъ, на одной подошвѣ, съ невысокими каблуками и плоскими подковами. На шеѣ висѣлъ „червінець“, величиною съ добрый пятакъ, а изъ подъ рукавовъ южки выглядывали отороченныя также заполочью и оканчивавшіеся узкой сборкой рукава добротной, домашняго холста, рубахи.

Балабуха низко поклонился хозяйкѣ дома и поцѣловалъ ее въ руку, а она поцѣловалась съ нимъ троекратно въ губы.

— Выбачайте, паниматко! може вы одпочивали по обіді, а я васъ розбудивъ, проговорилъ Балабуха густымъ басомъ, но тихо и сдержанно, будто боясь кого нибудь разбудить.

— Ні, Марку Павловичу, сказала матушка: я не одпочивала, а мій старій пішовъ десь на спочивокъ до пасіки.

— А Онисія Степанівна дома? спросилъ Балабуха.

— Дома. Онисю! кликнула матушка свою дочь; выйди, сердце, та вынеси намъ по чарці.—Чи горілочки, чи наливочки? спросила она академиста.

Академистъ, подумавъ какъ-бы, отвѣчалъ: та воно після дороги лучче-бъ теи *aquae vitae*, тобъ-то горілочки чарку.

— Вынеси, доню, намъ горілочки, та набери въ тарілку пирожківъ! опять сказала матушка черезъ порогъ.

Онися не замедлила выйти и вскорѣ показалась въ дверяхъ, высокая, тонкая, стройная, какъ тополь. Склонивъ немного на бокъ голову, чтобы не задѣть за перекладину, она вступила въ свѣтлицу, неся на подносѣ водку и пироги. Взглянувъ на нее, Балабуха чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія.

На Онисѣ была *плахта*, вытканная изъ шерсти по поламъ съ шелкомъ, небольшими квадратиками. Квадратики были затканы „жовтогорячимъ“ шолкомъ съ бѣлыми, какъ серебро, тонкими ободками; внизу качались круглые, величиною въ волоскій орѣхъ кисточки, похожія на колокольчики. Красная, съ синими и зелеными цвѣтами, *запаска* свѣтилась, какъ горящіе уголья. Вышитый красными и синими цвѣтами подоль сорочки опускался на красивые сафьянные полусапожки. Яркосиній шелковый *корсетъ* затканъ былъ золотыми цвѣтами. На головѣ сіялъ цѣлый вѣнокъ цвѣтовъ. Разноцвѣтныя ленты покрывали плечи ея до пояса, будто дождь цвѣтовъ лился съ головы по плечамъ. На шеѣ красовалось роскошное въ нѣсколько снурковъ намисто съ золотыми *дукачами*.

Лице Ониси не блистало красотой, но поражало особою своею привлекательностію. Оно имѣло оригинальное очертаніе, вверху шире, книзу уже, и оканчивалось нѣсколько острымъ подбородкомъ. Двѣ тонкія линіи черныхъ бровей были какъ-бы вырисованы на широкомъ и высокомъ ея челѣ, и своими острыми концами уходили подъ нависшіе надъ выпуклыми висками цвѣты. Изъ-подъ густыхъ, стыдливо поднимавшихся рѣсницъ свѣтились черные, какъ уголь, острые и блестящіе глаза. Тонкій, съ легкимъ возвышеніемъ носикъ какъ-бы свѣтился насквозь, а маленькія темнокрасныя губы выступали впередъ и слегка опускались внизъ; цвѣтъ лица былъ нѣсколько желтоватъ, но его освѣжалъ легкій, едва примѣтный, широкій румянецъ.

Онися вошла и будто принесла съ собою еще больше свѣта въ свѣтлицу, залитую горячимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Балабуха стоялъ и глядѣлъ. Онъ даже забылъ поклониться ей.

Онися по старосвѣтски поздоровалась съ гостемъ, кивнувъ на ходу головой, и поставила подносъ на столъ. Когда она наклонилась надъ столомъ, ленты закачались на ея плечахъ, точно отъ вѣтру, и открыли ея тонкій, ровный, какъ стрѣла, еще дѣтскій станъ. Балабуха опомнился, подбѣжалъ къ Онисѣ, поклонился и молча поцѣловалъ у нея руку. Онися улыбнулась, подмигнула матери и подумала: ей-же Богу, кривиться зъ мене!

— И коли-жъ оце моя Онися встигла убратись въ нову плахту, въ нову запаску, ще й почиляти стрічокъ та квітокъ на голову? думала матушка, поглядывая искоса на свою дочку.

Онися сѣла на канацкѣ; Балабуха расположился на стулѣ подъ окномъ и робко посматривалъ на нее.

— Чого це я такъ злякався цієї панни? думалъ Балабуха: я-жъ таки академистъ, філософъ, а вона, и въ граматиці не була и не вміє навить просклоняти *mensa*; я-жъ знаю Горація та Овидія на-память одъ дошки до дошки.

Балабуха гордо поднялъ голову, откинулъ ее назадъ, закинулъ ногу на ногу, оперся локтемъ объ столъ и молча сидѣлъ въ такой позѣ. Онисѣ эта поза не понравилась; она была горда, разумна, энергична и не любила гордыхъ и характерныхъ людей. Она, сама любила верховодничать, а не покоряться.

Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе; слышалось только, какъ мухи бились объ окна, залитыя горячимъ свѣтомъ.

— Чого-жъ оце мы сидимо? заговорила наконецъ матушка. Ось выпиймо лишъ по чарці, то й повеселішаємо та й розговоримось.

И она подошла къ столу, взяла фляшку въ правую руку, рюмку въ лѣвую и повернувшись лицемъ къ гостю, принялась наливать водку.

— И то розумне слово, отозвался Балабуха на такое приглашеніе. *In vino veritas*, казали древни мудреці,—добавилъ онъ съ нѣкоторою важностію, растягивая латинскую фразу.

— Будьмо-жъ здорови, какъ-бы въ отвѣтъ на это произнесла протяжно матушка, выпила съ полрюмки и наливъ вновь, поднесла Балабухѣ. Балабуха выпилъ чарку до дна, отломалъ половину пирога и цѣликомъ послалъ въ широкій свой ротъ.

— А ты, доню, не покуштуешь оціей поганой та гіркою? спросила мать у дочери.

— Спасибі, мамо! Я-жъ не пью, сказала Онися быстро и громко, какъ-бы опасаясь повторенія предложенія.

— Та хочъ за здоровья гостя помочи губы, сказала матушка, подавая дочери рюмку съ водкой.

И мать и дочь хорошо знали стародавній, неизмѣнный обычай прикушать къ гостю и только для виду переговаривались: Онися сдѣлала видъ, будто ей неловко отказаться прикушать за здоровье гостя, а за тѣмъ, нехотя какъ-бы, встала, взяла рюмку, обмакнула губы и поставила на тарелку, утираясь платочкомъ.

Послѣ рюмки разговоръ пошелъ живѣе. Матушка рассказывала про свое хозяйство, про урожай, про пасѣку. Балабуха то тамъ, то здѣсь вставляетъ словцо и все посматриваетъ на Онисю, а Онися то подниметъ, то опуститъ свои длинныя рѣсницы, то пристально глядитъ на какой-нибудь *кунитъ*, точно видитъ его въ первый разъ.

Матушка заговорила о смерти и похоронахъ ольшанскаго священника.

— А вы были на похороні? спросилъ Балабуха Онисю.

— Ні, я боюсь мерцівъ. Я-бъ три noci не спала після похорона, сказала Онися и опять начала разсматривать то крашенныя притолки у дверей, то Авраама на дверяхъ, который поднялъ большіе испуганные глаза къ небу, будто видитъ тамъ въ свою очередь мертвеца.

— Який у васъ гарный садокъ, та ще надъ водою, сказалъ Балабуха, обращаясь прямо къ Онисѣ.

— Садокъ гарный, але цѣго року не вродили *хруста*, сказала Онися, желая вставить непростое слово.

— Може *фрукты*, сказалъ Балабуха, до це слово латыньске, четвертой деклінаціи... и воно рода мужеського, тимъ то треба казати *фрукты*, а не *фрукта*.

— Ой поганый, та ще вчить мене, подумала Онися и покраснѣла; потривай же, я тобі підсуну хруста.

Матушка сообразила, что третье лице тамъ лишнее, гдѣ сходятся „хлопець“ и „дівчина“, встала и проговорила будто про себя: піду жъ я въ пасіку, та розбуджу свого старого; а доки вінъ спатиме!

Матушка вышла. „Хлопец“ и „дівчина“ молчали. Въ свѣтлицѣ стало такъ тихо, что слышно было тяжелое дыханіе Балабухи, котораго широкая грудь то поднималась, то опускалась, изобличая его внутреннее волненіе.

— Звідкіль почати? що сказати? О музи! О боги! допоможіть міні приступити до цієї червоної записки, какъ-бы въ слухъ взмолился Балабуха, обращаясь къ древнимъ богинямъ и богамъ.

А они молчали, не помогали. У Балабухи выступилъ потъ на лбу. Онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, потомъ опять лѣвую на правую, а приготовленные слова совсѣмъ ушли изъ его памяти.

— О, Афина-Паллада! о, божествена Діана! О, Венера! бросился опять Балабуха за помощью на Олимпъ, глядя на Онисю. Богини класическаго міра, мимо воли его, сновали въ его головѣ одна за другой, пробѣгали рядками, гонялись одна за другой, будто въ „хрещика“ играли, и все красивыя, роскошныя, одна краше другой. А слова все таки ня шли на языкъ. Балабуха вытянулъ платокъ, опять оперся локтемъ объ столъ и переложилъ вновь ногу на ногу.

— Чи не покликати на помічъ Горація? а може Арыстотеля? думалъ Балабуха, перебирая въ умѣ своемъ латинскія вирши. Но онъ чувствовалъ, что и Горацій куда-то удралъ, а Арыстотеля и конемъ не догонишь. Передъ нимъ вертѣлись лишь нимфы въ какомъ-то сказочномъ лѣсу, въ полумрачной пещерѣ, надъ тихой, прозрачной водой. На нихъ, какъ на Онисѣ, были красивыя плахты, а зеленая осока и цвѣты покрывали ихъ головы, падали по плечамъ.

— Вы, Онисія Степановно, якъ лісова Діана! вдругъ проговорилъ Балабуха и самъ покраснѣлъ и замолкъ.

Онися взглянула на него удивленными глазами и подумала: „чи вінъ сміється зъ мене, чи говорить вже дуже по вченому“, но ничего въ отвѣтъ не сказала. Балабуха и самъ спохватился и смекнулъ, что выразился очень высокопарно и темно, и что не слѣдуетъ говорить такимъ академическимъ, какъ онъ думалъ, языкомъ.

— Вы, Онисія Степановно,... я все... вновь началъ Балабуха, рѣшившись упростить свою рѣчь; якъ побачивъ я васъ, то міні ставъ світъ немилий!

— Хиба я така страшна, що вже й світь вамъ ставъ не милый! смѣло отрѣзала Онися.

— Вы жартуете. Де вже вы страшни! Чи може жъ бути така краса страшною? Краса страшна, то правда, але такъ, якъ були страшни для людей давні боги, якъ страшный Богъ,—началь философовать Балабуха: ваши чорни брови, якъ гострі стрілы Купидона; того вразять, той вже на віки вашъ.

— У кого-жъ то були таки стрілы? Вы мабуть говорите про своихъ учителівъ? отозвалась Онися.

— Sancta simplicitas! якъ ты часомъ гарна буваєшь своею таки простотою? проговорилъ будто самъ къ себѣ Балабуха.

— Чи вінъ сміється зъ мене, чи глузуе, що вінъ ученый, а я проста? подумала Онися и стала сердиться.

— Вы такъ говорите по пісьменному, що я ничего не розберу, сказала Онися.

— Чи вже жъ вы не розберете, що я васъ люблю? А коли вы мене любите, то я готовый хочъ и сѣгодня до васъ старостивъ слати,—сказалъ Балабуха и самъ удивился, что сказалъ такъ просто и ясно.

— Такъ бы вы й давно казали, то я бъ знала, про що пѣється, сказала Онися и разсмѣялась, ни мало не сконфузившись,—она слышала такія рѣчи уже не въ первый разъ.

Балабуха и самъ усмѣхнулся. При этомъ ротъ его широко растянулся, а по обѣ стороны его образовались по двѣ линіи, какъ-бы по двѣ ижицы. Въ академіи студенты шутили надъ Балабухою и говорили, что когда онъ засмѣется, то у него по одну сторону рта появляются *супины*, а по другую *герундіи*.

Онисѣ показалось, что Балабуха гордо смотритъ на нее и смѣется надъ нею.

— Потривай-же ты, академисте! я тобі накладу въ візь таки правдивіхъ гарбузивъ, подумала Онися, и у нея въ самомъ дѣлѣ явилась мысль продѣлать эту обычную шутку съ гордымъ академистомъ. Она сама даже разсмѣялась отъ этой неожиданной мысли.

— Чого вы смієтеся? Чи того, що щасливі? спросилъ Балабуха, въ свою очередь усмѣхаясь.

Скрипнули двери въ сѣняхъ. Въ хату вошла матушка. Увидѣла она, что молодые люди обое смѣются и подумала, что все у нихъ окончилось ладомъ.

— Оце я будила, будила свого старого, та й не добудилась, весело проговорила матушка. Коли ваша ласка, обратилась она къ гостю, выпьемъ по чарці, та ходимо до пасіки въ садокъ. Може гуртомъ розбудимо старого.

Матушка налила „по чарці“, выпила сама и поднесла Балабухѣ. Балабуха „стукнулъ“ до дна и со внусомъ заѣлъ пирогомъ, какъ-бы послѣ очень тяжелой, но успѣшно оконченной работы.

— Може ще по другій? спросила матушка.

— Ні, спасибі вамъ, пани-матко, весело сказалъ Балабуха; *est modus in rebus*, якъ казавъ Горацій.

— Вы все по вченому говорите, а мы люде прости, просто й горілочку пьемъ, сказала матушка.

Матушка взяла фляшку и тарелку съ пирогами и пригласила Балабуху въ садокъ. Онися выскочила въ „кімнату“, затворила за собою двери, обернулась и передразнила Балабуху передъ дверями, вывернувъ изо всей силы нижнюю губу, какъ у него.

Большой садъ Прокоповичей былъ раскинутъ на всемъ пространствѣ ихъ обширной гористой усадьбы; лишь незначительная часть его занята была цвѣтникомъ, огородомъ и пасѣкой. Главная часть сада расположена была на верхней террасѣ близъ дома и тутъ-то во всей красѣ росли лучшія широколѣтвистыя яблони и груши, въ перемежку по мѣстамъ съ вишнями и сливами. Отсюда садъ спускался по крутой скалистой горѣ большими и малыми группами старыхъ и молодыхъ деревьевъ, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ и пересѣкаемыми то узкими ущельями, то громадными камнями, то легкими уступами и отдѣльно стоявшими гигантскими деревьями. Садъ заканчивался у самага берега Роси густо поросшими рядами вербъ и при боковомъ солнечномъ освѣщеніи съ вершины террасы давалъ такую восхитительную картину, что Балабуха, взглянувъ съ горы на раскрывавшуюся предъ нимъ зелено-золотистую бездну, невольно выкликнулъ:

— Та й рай же у васъ, пани-матко! Це якъ бы Адамъ зъ того свѣта вставъ, то згадавъ бы свій рай, що такъ марно стративъ.

Пасѣка была на краю верхняго сада, въ маленькой впадинѣ,

въ зеленомъ „вишнякѣ“. Она обнесена была низкой огорожей, оставленной снопками. Изъ-за нея выглядывали верхи ульевъ, прикрытыхъ свѣтло-желтыми мисками—яндолами, какъ бы широкими шляпами. Въ сторонѣ отъ нихъ виднѣлась *катрага*,—низкій соломенный шалашъ надъ земляной ямой, въ которой складывались ульи пчель на зиму. Тутъ лѣтнею порою опочивалъ о. Степанъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ, или же выхмѣлялся на свободѣ.

Матушка отворила маленькія дверцы въ соломенной оградѣ. За ними на грядкахъ желтѣли крупныя головки повняковъ и гвоздиковъ, блестѣли чернобрывцы, разстилались по травѣ гирлянды настурцівъ. Одинъ подсолнечникъ раскинулъ роскошныя листья надъ огорожею и свѣсилъ черезъ нее свою тяжелую голову.

Пчелы кружили роемъ надъ пасѣкою, летая вдоль и впоперекъ. Отъ пасѣки несло теплымъ смѣшаннымъ запахомъ воску и гвоздиковъ.

Балабуха вошелъ въ пасѣку. Вдругъ пчела съ разлету ударились въ его лице, какъ будто кто бросилъ ею въ него изо всей силы. Привычный къ такимъ сюрпризамъ, Балабуха не мигнулъ даже бровью и тѣмъ предохранилъ себя отъ дальнѣйшаго нападенія пчель. Отецъ Степанъ спалъ въ катрагѣ, притворивъ двери. Матушка открыла ихъ и вошла въ катрагу; за нею вошелъ Балабуха.

— А вставай, паноча! Богъ гостя принісь, крикнула она.

Отецъ Степанъ отозвался сквозь сонъ, поднялся и сѣлъ на постели, глядя сонными очами на Балабуху.

— Що? га? де? спрашивалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ось-ось! сказала матушка, тыкая ему въ руки фляшку съ горѣлкою.

— Отче Степане! архіерей прихавъ, сказалъ подшучивая Балабуха.

— Не вже! крикнулъ какъ ужаленный отецъ Степанъ и вскочилъ съ постели, вытаращивъ глаза на Балабуху. Съ просонковъ ему и въ самомъ дѣлѣ показалось, что передъ нимъ стоитъ архіерей.

Отецъ Степанъ протеръ глаза, присмотрѣлся ближе къ Балабухѣ и узналъ его.

— Та це академистъ прихавъ до насъ! крикнулъ онъ хриплымъ отъ сна голосомъ и бросился обнимать и цѣловать Балабуху, что

было для него нѣсколько трудно, такъ какъ отецъ Степанъ былъ ростомъ значительно ниже Балабухи. Балабуха поднялъ его своими мощными руками и они трижды облобызались.

— *Rax vobis, serenissime pater!* воскликнулъ при этомъ Балабуха и добавилъ вольный перифразъ: миръ дому сѣму и живущимъ въ ёму, оиуская отца Степана, какъ малое дитя.

— А чомъ ты, стара, мене оце не збудила? проговорилъ отецъ Степанъ, обращаясь къ женѣ.

— Хиба жъ не будила! Штовхала тебе та торсала, а ты тільки ногами дригавъ, та махавъ руками. Мій панотець, Марко Павловичу, мае поганый звичай: бьється спросоння, хочъ такий зъ себе непоказный. Ось якъ ударивъ мене спросоння по руці, то я трохи не впала.

— Сідайте жъ, академисте, въ мой господі, сказалъ отецъ Степанъ, придвигая къ столу скамейку: сідайте та выпьемо по чарці: може я сонъ прожену.

При этомъ отецъ Степанъ зѣвнулъ во всю мочь, крестя въ тоже время ротъ.

— Ой затуляй рота, бо бжолы влетять: подумаютъ що улікъ, сказала матушка.

— Отъ и улікъ! може подумаютъ, що вічко, сказалъ батюшка.

— Эге! добре вічко. Якъ выйде рій, то ще, боронь Боже, весь влетитъ тобі въ ротъ: не треба буде й збирати, сказала матушка, весело смѣясь.

Отець Степанъ налилъ рюмку, сказалъ обычное: будьмо здорови! и выпилъ, а потомъ вновь налилъ и поднесъ Балабухѣ.

— Мы вже, поздоровъ Боже паніматку, выпили зъ ними по чарці; такъ и не знаю, чи пити, чи не пити, сказалъ Балабуха.

— Та пийте! тільки недобрі люде не пьютъ, сказалъ батюшка.

Балабуха выпилъ и закусилъ пирогомъ. За первой чаркой пошла другая, за ней третья. Скорый, проворный, говорливый нанъ-отець развязалъ языкъ, выпивая чарку за чаркой, а Балабуха все посматривалъ чрезъ пасѣку, не покажется ли Онися. Ониси однако не было.

— Отъ вы вчитесь тамъ въ академіи все по латынському, все пишете вірши, а чи вчать васъ тамъ співати на гласы: *на Господи воззвахъ, на Богъ Господь...* спросилъ отецъ Степанъ.

— А чомъ же? Вчять, сказалъ Балабуха съ нѣкоторою гордостію.

— А чи вміетежъ на третій гласъ? а заспівайте? неожиданно спросилъ батюшка.

— Та годі тобі, старый! Отъ выдумуе ни се, ни те. Де вже, щобъ въ академіи цѣго не вчили, сказала матушка, примѣтивъ желаніе своего *старого* проэкзаменовать того, кого она въ мысляхъ своихъ считала своимъ зятемъ.

— Тсъ! остановилъ ее батюшка и затѣмъ, обращаясь къ Балабухѣ, продолжалъ: отъ и не вміете, хочъ и вчились въ академіи: а нуте на *Богъ Господь* гласъ восьмой.

Балабуха засмѣялся, однако затянулъ гласъ восьмой. Онъ зналъ, что старыя батюшки любятъ экзаменовать по части пѣнія.

— Такъ, да не зовсімъ, сказалъ отецъ Степанъ, въ насъ на селахъ ось якъ співають! И онъ зарипѣлъ низкимъ басомъ: *Богъ Господь...* гласъ восьмой.

— А нуте заспівайте на четвертый гласъ, вновь сказалъ батюшка, наливая чарку.

Балабуха затянулъ на четвертый. Отецъ Степанъ подтягивалъ, чтобъ выказать и свой голосъ. Въ пасѣкѣ поднялся такой гулъ, что заглушилъ жужжанье пчелъ.

— Добру гортань маєте! Отъ за це люблю! И горілку добре пѣете! И за це люблю! сказалъ отецъ Степанъ, цѣлуя въ губы Балабуху.—Колибъ вы знали, Марку Павловичу, якъ я опорядивъ свою церкву! Яки я образы поставивъ въ церкви! Такихъ мабуть и въ Кієві не знайдете. Отъ ходімъ, голубчику, я вамъ покажу!

Отецъ Степанъ поднялся проворно съ мѣста, схватилъ за руку Балабуху и увлекъ его изъ „катраги“. Матушка пошла за ними въ слѣдъ. Въ пасѣкѣ кругомъ ихъ сновали пчелы; не мало ихъ набилось въ бороду батюшки, одна даже ужалила его въ щеку, но онъ не поморщился, а равнодушно бросилъ ее на землю, да все не выпускалъ руки студента, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ не улизнулъ. То и дѣло наклоняясь подъ густо нависшими вѣтвями, пробрались они къ церкви по протоптанной отцемъ Степаномъ узенькой тропинкѣ. Церковь была отворена; сторожъ подметалъ и прибиралъ въ ней послѣ воскресной службы.

Только переступивъ порогъ церкви, отецъ Степанъ выпустилъ руку Балабухи и перекрестился, какъ бы благодаря Бога за то,

что обезпечилъ за собою слушателя, или точнѣе зрителя его дѣль на пользу церкви.

Церковь была маленькая, сложенная изъ широкихъ дубовыхъ брусевъ. Все въ ней было просто и бѣдно; небольшіе купола и узкія окна высоко отъ пола. Не смотря на ясный лѣтній день, въ ней было довольно темно, и только яркій пламень перевалившаго за полдень солнца, прорвавшись сквозь узкое окно, протянулся поперекъ церкви и упалъ на старинный иконостасъ, не гармонировавшій тонкой рѣзбой и искусно писанными ликами святыхъ съ общимъ убожествомъ церкви. Всѣ стѣны увѣшаны были образами, какъ и свѣтлица отца Степана,—недавней впрочемъ и топорной работы; даже въ куполахъ, на голыхъ стѣнахъ виднѣлись изображенія евангелистовъ и другихъ святыхъ.

Отецъ Степанъ ходилъ отъ образа къ образу и показывалъ пальцемъ. Въ „бабинцѣ“ висѣлъ во всю стѣну образъ страшнаго суда; нижняя часть картины представляла горящее вѣчнымъ огнемъ *некло*. Середину этой части картины занимала голова какого-то чудовища съ огромными зубами, смахивавшая однако на конскую голову, а межъ зубовъ, въ самой пасти, сидѣлъ на престолѣ сатана, съ рогами, весь черный, но съ бѣлыми зубами. На рукахъ у него сидѣлъ Иуда—столь малыхъ размѣровъ, какъ бы это было маленькое дитя. Голова чудовища будто хотѣла проглотить сатану, но подавилась и сатана застрялъ въ самомъ горлѣ, зацѣпился своимъ высокимъ треномъ и не могъ пойти дальше. У пасти чудовища пылало пламя и сюда рядами паправлялись обнаженные грѣшники: ткачи съ клубками въ рукахъ, портные съ ножницами, сапожники съ копыльями, мельники съ перевѣшенными черезъ плечи жерновами, шли вѣдьмы и другія грѣшницы съ растрепанными волосами, писаря съ перьями и большими чернильницами въ рукахъ, за ними „осаулы“ и „сіпаки“ съ разинутыми ртами, панъ-экономъ въ наточанкѣ и куча жидовъ съ пейсами, а позади всѣхъ рогатые и хвостатые черти, погоняя грѣшниковъ нагайками.

Дивиться! только и могъ сказать отецъ Степанъ, вполне увѣренный, что противъ достоинства картины и ея детальности не можетъ быть возраженій.

— Ой Господи! Господи! восклицала матушка, глядя на картину и тяжело вздыхая.

— А теперъ идіть сюди! сказаль отецъ Степанъ, взявъ Балабуху за руку; я вамъ покажу такій образъ, що у васъ и въ Кіеві такого нема.

И онъ провель гостя въ правый притворъ. Тамъ на стѣнѣ висѣль большихъ размѣровъ образъ Покрова Божіей Матери. Отецъ Степанъ сталъ предъ образомъ и сложилъ руки, предоставляя гостю оцѣнить по достоинству то, что, по его мнѣнію, составляло особую красу его церкви. По срединѣ образа нарисованъ былъ амвонъ; казалось, что то двѣ опрокинутыя сковороды, положенныя одна на другую. На амвонѣ стоялъ молоденькій діаконъ зъ распущеными волосами, точно маленькая панна въ широкомъ парчевомъ капотѣ. Величиной онъ былъ какъ разъ подъ руки прочимъ фігурамъ. На самой головѣ его облака, а въ облакахъ Богородица, вдвое больше его, съ пеленой въ рукахъ, ниспадавшей такими острыми концами, будто они вырѣзаны были изъ листового желѣза. По одну сторону діакона стоялъ Андрей юродивый, спустившій съ одного плеча красную свою хламиду. Голая грудь его была непомѣрно полна, а круглый животъ торчалъ какъ-то отдѣльно, точно онъ привязанъ или прибитъ былъ къ фігурѣ Андрея. Лице святого было очень сердито, рука его сжата была въ кулакъ, поднятый къ верху, а отдѣльно торчавшій палець походилъ больше на деревянный зубъ отъ бороны. По другую сторону святого стоялъ съ ярко рыжей бородой и краснымъ лицомъ греческій императоръ, въ зубчатой коронѣ, смахивавшей на опрокинутый вверхъ треножникъ. Онъ гордо смотрѣль на стоявшаго рядомъ съ нимъ патріарха, заложивши руки за спину, а патріархъ тоже будто знать его не хочетъ и держать въ рукахъ крестъ, который пригодился-бы бѣдному человѣку на могилу. За патріархомъ стоялъ рядъ монаховъ съ удивительно бѣлыми лицами и одинаково чорными бровями, а тамъ далѣе группы не то „дѣвчатъ“, не то „парубковъ“, съ такими уродливыми фізіогноміями, которыя неизбѣжно должны были вызывать въ зрителѣ одинъ развѣ смѣхъ: у одного такое было раздутое и скривившееся лице, что будь это живой человѣкъ, можно было-бы подумать, что онъ набралъ въ ротъ „кислицъ“; у другого будто рожа разнесла одну щеку; у третьяго точно чирей подъ бороною, а глаза такой величины и формы, какъ и самый ротъ. Внизу на рамѣ большими славянскими буквами было написано: *сей образъ соорудили рабы божі Чайкивські сестрыци. Року Божого 1817.*

Давъ гостю насмотрѣться на образъ, отецъ Степанъ сталъ вызывать его на отзывъ.

— Кто ёго зна... отвѣчалъ Балабуха. Діаконъ дуже малый, до того ще неначе дівчина, а святой Андрей чогось дуже лютой, неначе хоче бити того діда, неначе каже: „ой, стережись старый, бо якъ дамъ, то й зубы выбираешь“, а той неначе просиця: „и дядечку, голубчику, я-жъ ни въ чимъ не винный“...

— Отъ ка-зна що выдумуете! отрѣзалъ о. Степанъ; тимъ вченимъ скрізь недогода. И потомъ, поправляясь, сказаль: выбачайте; коли той не подобався, то отъ подивиться на цей образъ!

Туть Илія уѣзжалъ на небо на страшно быстрыхъ коняхъ съ огненными гривами. Искры сыпались у нихъ изо ртовъ, а изъ ноздрей и ушей клубьями валилъ дымъ. Красная одежда падала на землю прямо на Елисея, а онъ лежалъ опрокинутый на спину, поднявъ вверхъ руки и ноги.

— Щось туть багато вже огню, неначе въ казкахъ розказують про якихсь-то коней, замѣтилъ Балабуха.

— Э, Марку Павловичу! я бо думавъ, що вы насъ хвалитимете, а вы ни се, ни те говорите, сказаль отецъ Степанъ, съ досадою махнулъ рукою и направилъ изъ церкви. За нимъ пошли матушка и Балабуха.

— Хотівъ вамъ показати „неопалиму купину“ въ олтарі, продолжалъ о. Степанъ на ходу, та вже не покажу; вы насъ обсьміете. Ходимъ лучше до дому, та высьемо хиба по трудахъ по чарці.

Въ то время, какъ старый Прокоповичъ хвалился предъ академистомъ своими образами, надѣясь, быть можетъ, расположить его къ дому, Онися надумалась и въ самомъ дѣлѣ надѣлать Балабуху „гарбузомъ“. Она позвала „погонича“ въ кухню покушать, а между тѣмъ послала своихъ дѣвчатъ на огородъ вырвать и принести дра „гарбуза“. Дѣвчата, всегда готовыя на такія штуки, мигомъ сбѣгали на огородъ и принесли два большущихъ „гарбуза“ и еще нѣсколько маленькихъ.

Підить-же, дівчатка, сказала имъ Онися, та вкиньте оціому паничеви въ візъ оці гарбузы, та добре замостить въ сіно, въ задокъ, на самісіньке дно.

— Мы, Онисю, говорили дѣвчатка, вкинемо въ візъ одного гарбуза, то буде паничеви, а другого—для погонича привяжемо підъ возомъ, підъ передкомъ.

— Про мене, привяжуйте, та тільки добре, щобъ до дому довели, сказала Онися, смѣясь.

Дѣвчата достали бичевку, „оперезали“ кругомъ бѣднаго гарбуза и понесли къ возу. Возъ стоялъ въ огородѣ подъ навѣсомъ, за плетнемъ, и потому дѣвчата могли выполнить затѣю Ониси незамѣтно и самымъ тщательнымъ образомъ. Такъ они и сдѣлали, а возвращаясь съ хохотомъ къ дому, принесли еще пару маленькихъ, какъ яблочки, „гарбузовъ“. Онися положила ихъ въ широкіе карманы жениховой шинели, лежавшей въ сѣняхъ.

Устроивъ такую продѣлку, Онися поспѣшно накрыла въ свѣтлицѣ столъ и поставила полдникъ. Вскорѣ скрипнули въ сѣняхъ двери со стороны сада и въ сѣни вошли Прокоповичи съ гостемъ. Противъ нихъ въ свѣтлицѣ стояла Онися, раскраснѣвшаяся какъ маковка, съ весело блестящими насмѣшливыми глазами.

— А я, мамо, говорила она, вже полудень зготувала.

— Добре зробила, моя доню! вже часъ полуднувати, сказала Прокоповичка.

— О, зъ васъ добра господиня буде, замѣтилъ съ нѣкоторою важностью Балабуха, посматривая на Онисю, какъ на свою будущую жену-хозяйку: мабуть, вы черезъ господарство не выйшли до насъ у пасіку.

— Коли я бджілъ боюсь, сказала Онися, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Васъ и бджолы не кусали-бъ: подумали-бъ, що то квітка, любезно закончилъ Балабуха.

Усѣлись полдничать; пошла опять круговая. Двѣ жареныя курицы, полумисокъ варениковъ съ сметаной и миска простокваши составили нѣкоторое подкрѣпленіе по трудахъ. Когда все было съѣдено, Онися вынесла на тарелкахъ рожковъ, орѣховъ и собственнаго приготвленія „маковниковъ“, а въ добавокъ ко всему и фляшку сливянки. Прокоповичи угощали гостя съ большимъ радушіемъ и просили навѣщать ихъ почаще. Пока выпивалась, рюмка за рюмкой, вкусная наливочка, матушка не безъ цѣли развела пространный рассказъ о своемъ господарствѣ, пересчитала воловъ, коровъ, овецъ, не забыла и свиней, и сколько „пней“ въ пасѣкѣ, проболтнулась, будто невзначай, и о сотнѣ карбонцевъ, спрятанныхъ въ „скрынѣ“. Балабуха слушалъ, расправляя то усы, то высокіе воротнички и искоса слѣдя глазами за легкимъ станомъ Ониси, которая бѣгала изъ комнаты въ свѣтлицу, и обратно.

Передъ вечеромъ Балабуха сталъ прощаться. Прокоповичи вышли за нимъ на крыльцо. Присѣли здѣсь и выпили, попрощались и еще разъ выпили, а за тѣмъ уже Балабуха окончательно распрощался, и полѣзъ въ возокъ, который вновь закачался и затрепалъ подъ его ногами. Лошадки тронули еѣ мѣста. Прокоповичи посылаля съ крыльца всякія благожеланія, Балабуха оборачивался и кланялся, а выѣхавъ за дворъ, еще разъ снялъ картузь и низко, низко поклонился по направленію къ Онисѣ. Ониса закрыла губы рукавомъ и едва сдерживала смѣхъ, а дѣвчата, выглядывая изъ оковъ кухни, хохотали до того, что слезы у нихъ выступили на глаза.

На дворѣ было тихо. Дневной жаръ ослабѣлъ. Отъ садовъ, отъ вербъ легли тѣни; вѣяло прохладой. Балабуха ѣхалъ длинной улицей подъ прикрытіемъ тѣнистыхъ деревьевъ, стоявшихъ вдоль плетней. Прелестъ наступавшаго вечера и только что кончившееся свиданіе съ Онисей настраивали его на тонъ мечтаній.

— Музо моя, богине моя! думалъ Балабуха, припоминая Онисю: яка-жъ ты гарна! Чи е де въ свѣті краща одъ тебе? Мабуть Юнона, и та не зрівнялась-бы съ тобою.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ нимъ лежитъ что-то твердое и беспокоитъ его.

— Але якъ-же ты погано вимостивъ! Я чогось усе зызджаю на одинъ бікъ, сказаль Балабуха, обращаясь къ погоничу и пересовываясь на другую сторону возка.

— Діана! щира Діана! висока, рівна, станъ тоненькій, ніжки маленьки, пальци кляссычни, тонки та довги... Ой, муляе-жъ, бий ёго сила Божа!

И Балабуха опять поднялся выше и началъ высиживать себѣ мѣсто, какъ насѣдка въ гнѣздѣ.

— А що, паничу! міні здається, що мы тутъ не оженимось, сказаль понуро погоничъ.

— Чого-жъ такъ? Певно ты не оженися, але я оженюсь.

— Ба й вы не оженитесь! мрачно произнесъ погоничъ.

— Та чого-жъ такъ? спросиль Балабуха, усмѣхнувшись.

— Бо мене, чортъ-зна якъ нагодували; и чарки горілки не дали. Я зовсімъ голодный.

— Ну, це ще не велика біда. За те мене нагодували й напоили, ажъ у голові шумить.

На концѣ села стояла корчма. Возокъ катился прямо къ ней.

— Паничу! купишь оселедця та чарку горілки, бо, ей Богу, істи хочу, сказаль погоничъ.

— Добре! спиняй кони! Я й самъ радъ выпити чарку, сказаль Балабуха.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха крикнулъ стоявшей у корчмы жидовкѣ, чтобы вынесла водки и закуски.

Между тѣмъ бродившія тутъ свиньи собрались около воза и все лѣзли подъ колеса. Погоничъ стегаль ихъ кнутомъ, а они все свое.

— Якого це дідька вони лізуть підъ візь? крикнулъ Балабуха.

Ни онъ, ни погоничъ не догадывались, что влечетъ свиней къ возу. Выпили, закусили и поѣхали. А свиньи за возомъ.

— Що це за напасть! сказаль Балабуха, оглядываясь назадъ.

— Чи то свині, чи собаки? спросилъ онъ у погонича, какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ.

— А вже-жъ свині; а що-жъ більше, якъ не свині, отвѣчалъ погоничъ и махнулъ кнутомъ по лошадямъ.

— Що воно такъ муляе въ нечистого? скоро опять заговорилъ Балабуха. Чи не вкравъ ты часомъ чого, та сховавъ підъ мене? А стань.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха поднялся, сталъ разгребать сѣно и увидѣлъ что-то кругле и большое.

— А бачъ, укравъ та не вмівъ сховати, сказаль укорительно Балабуха.

— Хто? я! крикнулъ погоничъ и соскочилъ зъ козелка: та нехай мене хрестъ святой побѣе, коли я що вкравъ.

Погоничъ влѣзъ на возъ, засунулъ руки въ сѣно и вытянулъ „гарбузъ“. И паничъ и погоничъ раскрыли отъ удивленія рты и только смотрѣли друдъ на друга.

— Отъ вамъ и гостинець! Казавъ-же я, що намъ білше не іздити до цеи панны, крикнулъ погоничъ и такъ хлопнулъ „гарбузомъ“ объ землю, что изъ него вся внутренность вывалилась.

Свиньи бросились къ гарбузу; отъ корчмы слышался хохотъ.

— Сідай швидче та поганяй! крикнулъ Балабуха на погонича. Погоничъ повинувался, Балабуха усѣлся, какъ попало; но не поѣхали и сотни шаговъ, какъ онъ опять вскричалъ:

Ой, муляе-жъ, муляе, гаспидське, прокляте!

Остановились, порылись въ сѣнѣ и нашли еще нѣсколько малыхъ гостинцевъ...

Погоничъ выбралъ ихъ изъ сѣна и побросалъ на дорогу. У Балабухи будто замерла душа: онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и опять поблѣднѣлъ. Погоничъ сѣлъ и погналъ лошадей.

— Ой вы Евы, вы скусительки! Це не Діана, це Фурія, аспидъ, василискъ! Чомъ-же ты мині просто не сказала, що не підешъ за мене?

Гордый студентъ разъобидѣлся на смерть. Вся любовь его исчезла, весь пылъ простылъ, всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ.

— Отъ тобі на! поіли свині нашу коляду! проговорилъ самъ къ себѣ погоничъ: а я думаю, чого то наймички регочуться, ажъ на комінъ спинаються, та все на мене скоса поглядають. Та й прокляти-жъ тутъ въ Чайкахъ дівчата!

— Що прокляти, то правда! глухо отозвался Балабуха.

Уже солнце садилось, когда Балабуха подъѣзжалъ къ своему селу—Хилькамъ. Сельцо это будто кто нибудь вбросилъ въ глубокой оврагъ. Кругомъ его стояли горы и въѣхать въ него невозможно было иначе, какъ спускаясь съ недлинной, но очень крутой горы

Только что возъ сталъ спускаться, какъ привязанный подвозомъ „гарбузъ“ оборвался и покатился внизъ по горѣ, рядомъ съ возомъ, слясь какъ-бы опередить его.

— Паничу! зновъ гарбузъ гониться за нами! крикнулъ удивленный парубокъ, показывая на „гарбузъ“ кнутовищемъ.

Балабуха глянулъ и не вѣрилъ-бы своимъ очамъ, если-бы на „гарбузъ“ не показывалъ погоничъ. Лошади съ разбѣгу попали прямо въ ворота, что у въѣзда въ село, а „гарбузъ“ за возомъ покатился также черезъ ворота.

— Паничу! загубили гарбуза! крикнулъ недогадливый „царинникъ“ и бросился ловить „гарбузъ“, чтобъ угодить паничу своего батюшки.

— О ехидна! о Мегера! о породіння сатаны! Це не Венера, це самъ сатана въ плахті! Побий тебе громовержець зъ Олимпа стрілами съ твоіми чорными бровами. Ой відьма! певна відьма! Умудрилась причепити підъ возомъ гарбуза!

Балабуха пріѣхалъ домой, какъ убитый. Мать вышла на крыльцо встрѣчать своего академиста. Балабуха остановился въ

крыльцѣ и началъ вытрусивать свою длинную шинель. Изъ кармановъ выпали два маленькіе „гарбуза“.

— Що то сыну? Яблука повыпадали, чи що? спросила мать, наклонилась и подняла съ земли „гарбузця“; та це гарбузець... гм... гм...

Що це таке? Чи не дала тобі Онися гарбуза?

Сынъ только рукой махнулъ и пошолъ въ садъ. Мать тяжело вздохнула.

— Отъ тобі Онися! Отъ тобі пять корівъ! сто карбованцівъ! сказала она, ударивъ объ полы руками.

Сынъ долго ходилъ по дорожкамъ въ саду, пока совсѣмъ не настала ночь. Онъ перебравъ въ своей памяти всѣ подробности дня, все передумалъ, все перечувствовалъ вновь: и какъ встрѣтилъ Онисю, и какъ говорилъ съ нею, и какъ прощался; онъ и теперь какъ будто видѣлъ ея чорныя, тонкія и густыя брови съ острыми концами, видѣлъ ея прелестную улыбку и немного приподнятую верхнюю губку, изъ-подъ которой и теперь въ темнотѣ блестѣли предъ нимъ бѣлые верхніе зубки, крохотные, тоненькіе. Любовь зашевелилась въ его душѣ бурливо и шумливо, играла какъ крѣпкое пиво; но онъ вспомнилъ „гарбузы“... и его гордость заколыхалась со дна сердца, и, какъ бурливое море, выбросила вонъ хранившееся въ немъ сокровище.

„Гарбузъ“ видѣли люди въ Чайкахъ, видѣлъ „царинникъ“ въ Хилькахъ, видѣлъ погоничъ. Объ немъ стануть говорить вездѣ въ околицѣ, его осмѣютъ...

— Потривай-же ты, червона запаско! Хиба вмру, щобъ тобі не віддавъ за свое! Я знайду таку красуню, що тобі й не снилось и не привиджувалось. Хиба-жъ я не філософъ, не академистъ?

Мать звала сына ужинать, но онъ не пошелъ и уже, поздно, весь измученный, вошелъ въ комнату, и тяжело опустился на постель.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИШЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ.

Рукопись подъ этимъ заглавіемъ представляетъ собою черновой набросокъ историческаго, топографическаго и хозяйственнаго содержанія. Она состоитъ изъ небольшой тетради въ листъ и нѣсколькихъ не сшитыхъ листковъ, не достаточно связанныхъ между собою и по изложенію. „Примѣчанія на новороссійскій край“ обязательно сообщены мнѣ внукомъ ихъ автора, живущимъ въ родовомъ имѣніи Пищевичей, селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи.

Родъ Пищевичей выселился въ Россію изъ Австро-Венгріи, въ прошломъ столѣтіи, въ лицѣ Семена Степановича Пищевича, прадѣда теперешняго владѣльца, и отца автора „Примѣчаній“. Послѣдній оставилъ по себѣ довольное число дневниковъ, замѣтокъ и т. п., былъ человѣкомъ любознательнымъ и начитаннымъ; выйдя въ отставку изъ военной службы въ началѣ нынѣшняго столѣтія или въ самомъ концѣ прошлаго, онъ остатокъ жизни провелъ въ своемъ отцовскомъ имѣніи, селѣ Скалевомъ; съ 1811-го по 1814 г. былъ предводителемъ александрійскаго дворянства; по дѣламъ этой должности и по своимъ частнымъ дѣламъ въ разное время ѣздилъ въ Херсонъ, Николаевъ, Елисаветградъ, Александрію и Кременчугъ, имѣлъ много родственниковъ и знакомыхъ ¹⁾. Александръ Семеновичъ обладалъ наклонностями къ гуманитарнымъ познаніямъ: онъ занимался политикой, исторіей, воспитаніемъ, но, по видимому,

¹⁾ Между прочимъ, Пищевичи находились въ родствѣ и съ Хорватами, а именно: мать Александра Семеновича Пищевича, Екатерина Дмитриевна, была племянницей Ивана Самойловича Хорвата. — В. Я.

не особенно успѣшно велъ свое хозяйство и не много понималъ въ немъ, а потому и замѣчанія его о новороссійскомъ краѣ касательно этого предмета отличаются большимъ диллетантизмомъ и во многомъ расходятся съ дѣйствительностью. Бѣглый историческій очеркъ Новороссіи въ началѣ его „Примѣчаній“ имѣетъ болѣе интереса, представляя собою, вѣроятно, передачу свѣдѣній, полученныхъ главнымъ образомъ отъ отца; здѣсь приводятся также нѣкоторыя преданія, слухи и т. п. мелочи, которыя могутъ имѣть этнографическій интересъ, хотя вообще рассказываются вкратцѣ. Сербское происхожденіе автора „Примѣчаній“ наложило очень явственную печать на отзывы и мнѣнія его, касающіяся его соотечественниковъ и Запорожья, но сужденія его могутъ остаться за нимъ. „Примѣчанія“ относятся къ 1806 году, какъ видно изъ одного мѣста ихъ.

В. Ястребовъ.

Изъ записокъ, какія читаемъ о воинскихъ подвигахъ Россіи, видимъ, какимъ трудностямъ подвергались войска, проходя дикую степь, отъ береговъ Днѣпра прилежащую къ Малороссіи, всякій разъ, когда вознамѣривалось правительство наказать хищность крымскихъ татаръ, нападающихъ на Малороссію. О семъ пространно пишетъ генераль Манштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи. Кому не извѣстно, что сіи же татары нѣкогда симъ-же путемъ проходили до Москвы и тяготили русскихъ среди ихъ столицы данью, чиня при томъ неслыханныя наглости, поруганія Божіимъ храмамъ, обезчещивая семейства и безчестивъ ихъ дочерей и супруговъ. Наименованія среди Москвы Арбата и Крымскаго Брода навсегда останутся памятниками сего ига.

Императрица Елисавета I, достойная дочь Великаго Петра, найдя между предположеніями, оставленными ея родителемъ и назначенными къ событію, что онъ, зная всю цѣну достоинствамъ сербскаго народа, положилъ оный вызывать въ Россію, воспользовалась тѣми притѣсненіями, каковыя сей народъ претерпѣвалъ во владѣніяхъ римской императрицы Маріи Терезіи, и будучи въ дружбѣ съ сего монархиней, испросила сербамъ позволеніе водвориться въ Россіи. Сіе переселеніе сдѣлалось подъ руководствомъ генераль-маіоровъ Хорвата и Шевича. Притѣсненія, побудившія сербовъ оставить свое прежнее отечество, были

слѣдующія: „до капитанскаго чина сербинъ по службѣ могъ достигнуть, а далѣе никакъ, какія-бы онъ услуги ни оказалъ, не перемѣнивъ религіи греческой на католическую“. Что могло быть обиднѣе для сего мужественнаго народа, который есть и въ религіи своей непоколебимъ! Онъ тѣмъ охотнѣе шелъ въ Россію, что исповѣданіе вѣры въ оной одно съ сербами, и заглянувъ въ древность, находимъ, что сербы и русскіе суть двѣ вѣтви отъ одного славянскаго корня. Но сербы при самомъ входѣ въ Россію уже почувствовали обиду: Елисавета I, водворяя сербовъ въ Россію, была окружающими ее настроена, что опасно много иностранцевъ въ одномъ мѣстѣ селить. Изъ сего родилось, что съ Хорватомъ вышедшіе поселены около Днѣпра и сія земля названа Новосербією, а около Бахмута выведенные Шевичемъ составили селенія, и та часть наименована Славяносербіей. Зломыслящіе представили иностранцами сербовъ, которые искали покоя подъ сѣнію православной церкви! Могутъ-ли когда-либо сербы называться въ Россіи иностранцами ¹⁾.

Какъ-бы то ни было, но Елисавета, поселивъ сербовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ татарамъ въ Россію предлежало, показала тѣмъ, сколь много она надѣялась на сей воинственный народъ. Оправдали-ли сербы сіе ея довѣріе, время показало: они не токмо край имъ ввѣренный защищали отъ набѣговъ татаръ, поляковъ и запорожцевъ, но населивъ все пространство между Бугомъ и Днѣпромъ, доставили въ три послѣдующія войны (1769, 1787 и 18...) ²⁾ съ Портою всѣ выгоды для арміи, въ которыхъ сами и дѣти ихъ участвуя, оказали престолу примѣрную преданность.

Генераль-маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ, занявъ подъ выводимый имъ народъ Новую Сербію, избралъ для себя главнымъ мѣстомъ пребыванія на р. Большой Выси небольшую слободку, такъ называемую *Трисягу*, заселенную малороссіянами, едва изъ 20 избъ состоящую, которую онъ назвалъ *Мироградомъ*. Впослѣдствіи *Миро-*

¹⁾ Поселеніе корпусовъ Хорвата и Шевича въ разныхъ мѣстахъ естественнѣе объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ Хорвату и нежеланіемъ находиться у него подъ командой. См. Арх. Гаврііла, Очеркъ пов. новор. кр., стр. 35 и 36. — В. Я.

²⁾ Недописка въ подлинникѣ. Вѣроятно, авторъ говоритъ о войнахъ, современной составленію настоящихъ «Примѣчаній». — В. Я.

градъ назвали *Миргородомъ* и, дабы отличить отъ Миргорода, въ Малороссіи лежащаго, то къ сербскому Миргороду прибавили „Ново“, и потому вышелъ уже сей *Новомиргородъ*. Это мѣсто ему понравилось по своему хорошему положенію, а при томъ и есть у самой границы польской.

Тогда сдѣланъ былъ штатъ на два полка имъ выводимаго народа: *гусарскій хорватовъ и пандурскій пѣхотный*; каждый изъ этихъ полковъ состоялъ изъ 20 ротъ, а рота изъ 100 человекъ. Сіи два полка составлялись изъ сербовъ, грековъ, молдованъ, валаховъ, выводимыхъ Хорватомъ, или послѣ приходившихъ съ семействами, которыхъ семейства извѣстны были подъ именемъ *фамиліатовъ*. Два другіе полка гусарскіе, не принадлежащіе къ сему новому населенію, находились въ Малороссіи, подъ именами: *булгарскаго и македонскаго*. Въ сіи два полка отсылались всѣ тѣ выходцы изъ заграницы, которые являлись въ Россію безъ семействъ, какъ-то венгры, нѣмцы, поляки. Булгарскимъ полкомъ командовалъ премьеръ—маіоръ *Пишчевичъ*, отецъ сочинителя сихъ „Примѣчаній“, а македонскимъ полковникъ *Костюринъ*.

Вся Новая Сербія иначе не дѣлилась, какъ на полки; уѣздовъ или округъ тогда не было. Новая Сербія имѣла укрѣпленные мѣста: крѣпость св. Елисаветы ¹⁾, шанцы: Глинскъ, Крыловъ, Крюковъ; впрочемъ шанцами назывались всѣ сіи вновь заводимыя селенія, хотя-бы они и безъ укрѣпленія были. Многія селенія названы были по именамъ селеній, оставленныхъ вышедшими сербами въ австрійскомъ владѣніи. Пандурскому полку принадлежали селенія: Бечи, Вараждинъ, Глоговаць, Сомборъ, Вершаць, Шолмошъ, Чонградъ, Глинскъ (штабъ—квартира пандурскаго полка), Крыловъ, Крюковъ, Павлышъ, Сланкамень ²⁾.

¹⁾ Крѣпость св. Елисаветы заложена генераломъ Глѣбовымъ, которая тогда охранялась гарнизономъ регулярнаго войска. Должно полагать, что она была устроена сколько для защиты новой Сербіи отъ татарскаго набѣга, столько и для удержанія въ должномъ повиновеніи новыхъ переселенцевъ, ежели они умножатся въ семъ краю.—А в т.

²⁾ Здѣсь перечислены всѣ шанцы пандурскаго полка. Шанцы Глинскъ, Сомборъ и Вершаць отнесены Скальковскимъ и арх. Гавріиломъ не къ пандурскому, а къ гусарскому полку. См. Скальковскій, Хронологич. обзор. т. I, стр. 41—42; арх. Гавріиль, Очеркъ повѣств. и проч., стр. 11.—В. Я.

Во всякомъ селеніи ротный начальникъ былъ и начальникомъ селенія и семействъ ему ввѣренной роты.

Не долго продолжалось начальствованіе генераль-майора Хорвата въ Новой Сербіи. Онъ былъ обвиненъ передъ престоломъ и его не токмо смѣнили, но и сослали въ Вологду въ политическое заточеніе, изъ котораго выѣздъ ему былъ вовсе запрещенъ. Въ владѣніяхъ австрійскихъ не замедлилъ о семъ распространиться слухъ и потому сербы перестали выѣзжать, а притомъ Марія Терезія, видя, сколь охотно они переселяются въ Россію, оный возбранила.

Изслѣдовать дѣла генераль-майора Хорвата были опредѣлены генераль-поручикъ Мельгуновъ и генераль-майоръ Исаковъ, которые и открыли для сего слѣдственную комиссію въ крѣпости св. Елисаветы. Первое, что сія комиссія сдѣлала, было описать имѣніе Хорвата. Между прочимъ, въ вину причтено ему было и то, что онъ изъ Австріи и Венгріи выписалъ всю гусарскую и пандурскую аммуницію и тѣмъ изъ Россіи вышла знатная сумма денегъ въ чужое государство. Хорвату вооружить и снабдить составляемое имъ войско иначе нельзя было всѣмъ потребнымъ, ибо въ Россіи о пандурахъ никакого, а о гусарахъ весьма мало понятія тогда имѣли. Прочтя Хорвату сентенцію военнаго суда, отпущенъ онъ былъ на его квартиру, куда посланъ былъ послѣ полковникъ, долженствовавшій его заковать въ желѣзо. Сей полковникъ порученное ему дѣло производилъ съ нѣкоторою робостью. Хорватъ, замѣтя сіе, сказалъ ему: „дѣлай, что тебѣ велѣно, меня ничто не удивитъ отъ москалей“...

По удаленіи Хорвата изъ Новой Сербіи, генераль-поручикъ Мельгуновъ поставленъ начальникомъ оной. Мельгуновъ сдѣлалъ новое положеніе сему краю, которое стало извѣстнымъ быть подъ названіемъ „мельгуновскаго штата“. По оному Новая Сербія названа новороссійскою губерніею и Кременчугъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а крѣпость св. Елисаветы—провинціальнымъ городомъ. Изъ полковъ гусарскаго Хорватова и пандурскаго устроены два гусарскіе полка, въ 16 эскадроновъ каждый, подъ названіемъ желтаго и чернаго, и часть селеніевъ отдѣлена для составленія елисаветградскаго пикинернаго полка. Въ это-же время и Славяносербія сопричислена къ азовской губерніи и

полкъ тамъ гусарскій названъ бахмутскимъ гусарскимъ. Во время начальствованія Мельгунова начали переходить изъ Малороссіи и Польши малороссіяне и селиться въ селеніяхъ, сербами заведенныхъ, и сіи уже состояли подъ управленіемъ земскаго начальства. Чтобы сіи переселенія умножить, начали давать чины по числу выводимыхъ изъ заграницы семействъ, которыя водворялись въ гусарскихъ селеніяхъ. Отъ ротныхъ земель начали отдѣлять части и раздавать подъ населенія штабъ и оберъ-офицерамъ. Бравшіе таковыя земли шесть лѣтъ избавлялись отъ платежа поземельныхъ денегъ, а по прошествіи оныхъ взималось со всякой десятины по $2\frac{1}{2}$ к, и кто-бы могъ подумать, что столь малая плата заставляла всякаго убѣгать отъ пріобрѣтенія себѣ земли. Населять позволялось тогда выведенными изъ-за границы людьми, но никто, или очень мало разбирали земли, опасаясь, что ежели не залить оной, то чтобы ве заплатить пени.

Въ 1769 году, при началѣ войны россіянь съ турками, молдаване, притѣсняемые турками, начали спасаться бѣгствомъ съ своими семействами въ новороссійскую губернію. Въ это время поручено было Василию Стенановичу Звѣреву поселить ихъ отъ Буга до Елисаветграда и изъ оныхъ составить молдаванскій гусарскій полкъ, котораго онъ, Звѣревъ, и былъ полковникомъ ¹⁾.

Въ 1775 году войска, возвращаясь изъ Турціи, часть оныхъ была отряжена подъ начальствомъ генераль-поручика Текели къ жилищамъ запорожскихъ козаковъ, которыхъ разбойничье скопище было уничтожено и вся ихъ земля присоединена къ новороссійской и азовской губерніямъ. При семъ случаѣ вторичная послѣдовала въ семъ краѣ раздача земель къ заселенію и дана льгота къ неплатежу поземельныхъ денегъ на 10 лѣтъ. Въ сіе-же время начали строить городъ Херсонъ, а потому и сія запорожская степь стала больше извѣстна быть подъ именемъ херсонской степи. По уничтоженіи сихъ козаковъ,

¹⁾ Маіоръ Звѣревъ (Лупуль) поселилъ молдаванъ въ новороссійскомъ краѣ значительно раньше начала турецкой войны. См. Скальковскаго Хронологич. обзор., т. I, стр. 26. Ср. также «Опыт. статистич. опис.», его-же, т. I, стр. 253—254. Изъ выведенныхъ Звѣревымъ и Штеричемъ молдаванъ образованъ новокозачій полкъ, первымъ начальникомъ коего былъ полк. Адабашъ. Въ указ. сочиненіе смотри опредѣленіе границъ его поселенія. — В. Я.

Текели испросилъ у императрицы прощеніе сосланному въ Вологду генераль-майору Хорвату, которому возвращено имѣніе и позволено жить въ своихъ деревняхъ.

Торжествующая Екатерина II, окончивъ славно въ 1774 г. войну съ Портою оттоманскою, наградила нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ сербской націи, со славою служившихъ на ратномъ полѣ, знатными помѣстьями въ Бѣлоруссіи. Въ сіе время новороссійская губернія ввѣрена была князю Григорію Александровичу Потемкину. Сей рѣдкаго ума вельможа сначала очень полюбилъ сербскую націю, любилъ изъ среды ея видѣть около себя, даже сопричислилъ къ тѣлохранителямъ великой Екатерины гусарскій эскадронъ, который весь составленъ былъ изъ сербовъ.

Полки желтый, черный, бахмутскій и молдавскій, которые прежде состояли каждый изъ 16 эскадроновъ, Потемкинъ раздѣлилъ на 6-ти-эскадронные и умножилъ число полковъ гусарскихъ, которые наименованы по провинціямъ, сербскимъ народомъ населеннымъ. Родились имена полковъ: сербскаго, славянскаго, иллирическаго, далматскаго, болгарскаго и пр., а сверхъ сихъ: волошскій, молдавскій, македонскій. Все сіе подавало мыслить, что вельможа сей мечталъ возстановить сербское царство.

Но посреди сего увидѣлъ онъ ссорящихся начальниковъ между собой (ссоры, происшедшія отъ зависти, — порокъ, которому по несчастію сербы подвержены); одному въ Бѣлоруссіи дали больше душъ, другому меньше, третьему ничего. Ни одинъ не хотѣлъ обдумать и порадоваться тому, что начали давать и что всѣмъ вдругъ пожаловать не возможно. Изъ зависти началась ссора, а отъ сей до ненависти шагъ, а потомъ родились доносы одного на другого. Князю Потемкину, до котораго все сіе доходило, наконецъ наскучило и онъ отъ сей толико несогласной націи отсталъ. Ко всему этому надобно было случиться, что генераль-майоръ Сем. Гавр. Зоричъ взошелъ у императрицы на ту счастливую степень, какой только можетъ смертный въ семъ мірѣ достигнуть, и сей Зоричъ не хотѣлъ себя ставить въ ровнѣ ни съ кѣмъ, не хотѣлъ помыслить, что ежели монархиня его съ удовольствіемъ видитъ его при себѣ, то не меньше ей и таланты кн. Потемкина нужны по государ-

ственнымъ дѣламъ, которыхъ въ Зоричѣ не видѣлось. Зоричъ не токмо все хотѣлъ равнымъ быть Потемкину, но показывалъ своимъ обращеніемъ, что онъ выше его, гордости былъ непомѣрной съ кн. Потемкинымъ, а ласки чрезмѣрной со всѣми россіянами, что составляло совершенную противоположность тому обращенію, которое князь имѣлъ съ русскими: онъ былъ противъ ихъ гордости непомѣрной, былъ неприступенъ. Натурально судя, что изъ сихъ двухъ особъ Зоричъ имѣлъ сердца всѣхъ на своей сторонѣ, а князю это все не нравилось. Екатерина, положа на вѣсы ихъ обоихъ, увидѣла, что для великости ея дѣлъ князя ей при себѣ надобно удержать, а посему Зоричъ отъ двора удаленъ. Послѣ сего имя сербовъ въ Россіи пало, хотя впрочемъ Зоричъ и не былъ великъ протекторъ своей націи.

Въ 1784 г. новороссійскую и азовскую губерніи, соединивъ во едино, назвали екатеринославскимъ намѣстничествомъ. Въ сіе время и селенія, до того носившія сербскія наименованія, переименованы большею частію по рѣчкамъ или урочищамъ, на которыхъ они поселены, или именами тѣхъ козаковъ, которыхъ хутора на тѣхъ мѣстахъ находились до прихода въ сей край сербовъ ¹⁾. Напр. *Бечи* названа *Усовкою*, потому что тутъ былъ хуторъ козака *Усика*, *Сомборъ*—*Диковкою*, ибо козакъ *Дикъ* имѣлъ прежде на томъ мѣстѣ хуторъ. До прихода сербовъ въ сей край около Днѣпра начали было изъ Малороссіи и Запорожья становиться хуторами козаки, изъ которыхъ хуторовъ вышли: *Глинскъ*, *Крыловъ*, *Табурище*, *Крюковъ*. Итакъ лучше захотѣли сохранить память простыхъ козаковъ, можетъ быть разбойниковъ ²⁾, нежели оставить наименованія въ память народу, заселившему дикій

¹⁾ Здѣсь предложу имена сихъ селеніевъ: Бечи (Усовка), Вараждинъ (Протопоповка), Глговаць (Косовка), Сомборъ (Диковка), Вершаць (Нестеровка), Шолмошъ (Стецовка), Чонградъ (Андрусовка), Павлышъ остался при своемъ имени, Сланкамень уничтоженъ совсѣмъ и земля роздана помѣщикамъ, Глинскъ, Крыловъ и Крюковъ остались при своихъ именахъ. Глинскъ былъ штабъ-квартирой пандурскаго полку.

²⁾ Что здѣсь предлагается, не есть наобумъ вырвавшееся заключеніе: тому служить доказательствомъ то, что Цвѣтинова балка, лежащая надъ столбовой дорогой между Крюковымъ и Александріей, носитъ имя запорожца, прошившаго свою одежду. — Авт.

край и тѣмъ сдѣлавшему важную отечеству услугу, не говоря уже о томъ, что сами служили со славою Россіи и дѣти ихъ служатъ съ рѣдкою приверженностью и мужествомъ ¹⁾. Въ сіе-же время и полки гусарскіе въ русской арміи совершенно уничтожены, которыхъ мѣста заступили легкоконные подъ совсѣмъ другими именами. Отъ сего дворянство сербское, служившее всегда въ гусарскихъ полкахъ, разошлось по всей арміи. Впослѣдствіи дѣти сербскихъ господъ, живущихъ около Бахмута, имѣвшія случай служить при лицѣ государя Александра I, выпросили у него наименованіе ими заселяемаго мѣста славяносербскимъ уѣздомъ и устроеніе города Славяносербска. Дворянству Новой Сербіи остается переименовать Новомиргородъ Новосербскомъ, устроивъ въ ономъ уѣздѣ, составить новосербскій гусарскій полкъ, въ который-бы кромѣ изъ сего уѣзда рекрутъ другихъ не давать, а дворяне сами войдутъ въ оный. Сверхъ сего всѣмъ селеніямъ возобновить бывшія сербскія имена, полки гусарскіе елисаветградскій и александрійскій также велѣтъ составлять изъ оныхъ уѣздовъ, изъ которыхъ они и прежде составлялись.

Когда Новая Сербія начала селиться, тогда здѣсь были большіе лѣса. Хорватъ строго воспрещалъ оныя истреблять. Новые поселенцы не иначе могли строить, какъ плетенныя избы. Дальновидный Хорватъ часто говаривалъ: „лѣса должно беречь, они сгодятся для постройки кораблей“. Многіе сему смѣялись, и не мудрено: тогда плаваніе на Черномъ морѣ почиталось собственностью турокъ; никакая нація другая не смѣла лодочки въ сіе море показать. О Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ никто и помыслить не могъ. Но Хорватъ съ гусарскими усами и ментіей на опашку проникалъ тайны кабинетовъ. По удаленіи изъ Новой Сербіи Хорвата и когда начали сей край посѣщать полки, тогда примѣтнымъ образомъ начали истребляться сіи лѣса, ибо сверхъ

¹⁾ Авторъ нашъ, повидимому, совершенно упускаетъ изъ виду необыкновенную живучесть туземныхъ народныхъ названій урочищъ. Что касается услугъ сербскихъ колонистовъ, то онѣ непомерно раздуты, такъ какъ не одни-же сербы заселили Новороссію; полки ихъ, вопреки ожиданіямъ, были некомплектны, а оплачивались русскимъ правительствомъ весьма не дешево. См. Скальковскаго, Хрон. обзор., т. I, стр. 64.—В. Я.

того, что рубили оныя для лагерей безо всякой пощады, но заводимыя въ лѣса команды полковъ, гдѣ проживая, строили обозы, выдѣлывая ложа ружейныя и другія полковыя потребности, а всего хуже было то, что нѣкоторыя команды дѣлали непозволительную продажу лѣса въ постороннія руки.

Главные въ Новой Сербіи лѣса суть: такъ называемая Чута, Великій Лѣсъ и Черный Лѣсъ. Въ сихъ лѣсахъ водились медвѣди, дикія свиньи, олени и козы ¹⁾. Теперь сихъ уже не стало, но волки, лисицы и зайцы остались. Въ Чутѣ былъ стекляной заводъ, который послѣ уничтоженъ. Черный Лѣсъ былъ подаренъ князю Потемкину, которымъ онъ проданъ въ другія руки. Теперь Чута и Великій Лѣсъ подъ вѣденіемъ форшмейстера Лебедева, которому позволено продавать валежникъ и очищать лѣса. Справедливо то, что г. Лебедевъ слова „очищать лѣса“ приводитъ во всей силѣ въ исполненіе и продаетъ безъ пощады не валежникъ, а столѣтніе дубы и другое всякое дерево. Соблюдая нѣкоторый порядокъ, онъ доставляетъ казнѣ ничего не значущій доходъ въ сравненіи съ тѣми великими тысячами, которыя себѣ откладываетъ. Лебедевъ происходитъ изъ поповичей и имѣя родню у двора, у какой-то фрейлины комнатною дѣвкой, сего предстательства довольно было, чтобы его въ пять лѣтъ вывести въ коллежскіе ассесоры за исправный при- смотръ казенныхъ лѣсовъ и соблюденіе государственнаго интереса.

Мое мнѣніе: при сихъ лѣсахъ завести суконныя фабрики, и лѣсъ, продаваемый для пользы г. Лебедева, могъ-бы употребленъ быть для фабрикъ. Шерсть для суконъ могла-бы почти у воротъ фабрикъ покупаема быть, заведя для того ярмарки при оныхъ. Все сіе гораздо-бы больше принесло казнѣ прибыли, нежели продажа лѣсу. Напротивъ того, теперь вывозятъ шерсть изъ здѣшняго края на фабрики въ Великороссію и первый разъ платятъ за провозъ оной тѣ фабрики, потомъ другой разъ платятъ, доставляя оную въ сукнѣ для войскъ, въ семь краѣ расположенныхъ; а учредя фабрики. по моему мнѣнію, около сихъ лѣсовъ, комиссаріаты могли-бы прямо изъ оныхъ получать на обмундированіе войскъ.

¹⁾ Въ Черномъ лѣсу и въ настоящее время довольно водится козъ, какъ намъ не разъ передавали; изрѣдка попадаются, говорятъ, даже олени.—В. Я.

Теперь, обращаясь къ описанію херсонской степи, на которой жили прежде запорожскіе козаки хуторами, имѣя конные заводы и малую часть рогатаго скота, не принесли никакой пользы государству, ибо главная цѣль была Россіи взять ихъ подъ свое покровительство, чтобы они защищали предѣлы имперіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Ожиданіе сіе не свершилось: запорожцы границы совсѣмъ не обороняли, а еще способствовали татарамъ проходить въ предѣлы Россіи, грабили Польшу и тѣмъ подавали поводъ къ частымъ непріятностямъ съ соседственными державами. Сіи тунеядцы любили себя больше всего, грабежемъ обогащались и полагали совершеннымъ себѣ счастьемъ то, что могли въ пьянствѣ и разныхъ буйствахъ безпрестанно обращаться. Сіе скопище разбойниковъ, какъ выше сказано, было въ 1775 г. отдѣльнымъ корпусомъ войскъ уничтожено, главный ихъ городъ Сѣчь былъ обложенъ; взявъ Кошевого сего буйнаго общества и истребивъ разогнаніемъ онаго даже имя запорожскихъ козаковъ, земли, имъ принадлежавшія, розданы подъ заселеніе всѣмъ тѣмъ, кто пожелалъ оныя брать, и тѣмъ содѣялась пространныя область полезнаю государству¹⁾. Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, подарена бывшему тогда генераль-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому при 200,000 десятинъ земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 десятинъ земли заселены 3,000 душами и наслѣдниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ ассесоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ на откупъ соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ Штиглицъ содѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто-бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ современемъ принадлежать жиду!..

Грунтъ земли на всей херсонской степи каменистъ, отчего хлѣбъ родить худо, а садовъ въ очень немногихъ мѣстахъ развести можно. Око нигдѣ не остановится здѣсь не токмо на какомъ либо лѣсу, но ни на одномъ деревцѣ. Огородовъ совсѣмъ нѣтъ и зелени никакой,

¹⁾ Данное сужденіе о значеніи Запорожья и раздачи земель, ему принадлежавшихъ, тѣмъ, «кто пожелалъ оныя брать», сужденіе, очевидно тенденціозное, интересно для характеристики отношеній сербовъ и запорожцевъ.— В. Я.

что, однакожь, приписываю я не землѣ, а лѣности жителей, ибо земля во многихъ мѣстахъ мною найдена удобною для огородовъ. Кажется, что здѣсь могъ-бы быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводимъ виноградъ, ежели-бы къ тому приложено было стараніе. Нѣсколько помѣщиковъ сдѣлали было опытъ и довольно удачный; у генераль-поручика барона Бефвица въ садахъ виноградныхъ дѣлали уже и вино, но двѣ жестокия зимы истребили всю лозу, и хозяева, потерявъ охоту, перестали заниматься онымъ. Въ такомъ случаѣ потребно было-бы поощреніе правительства и не пренебрегать такую отрасль прибытку ¹⁾, который со временемъ замѣнилъ-бы привозимое изъ Молдавіи вино, на что выходитъ изъ государства знатная сумма денегъ, а можетъ быть, выискались-бы и такія мѣста, которыя-бы дали подобное шампанскому, токайскому и другимъ рѣдкимъ винамъ. Примѣръ тому мы видимъ на Дону, гдѣ есть довольно хорошаго вина, но почва цымлянской станицы даетъ вино, которое не уступаетъ бургонскому лучшему вину.

Дикій камень, вынимаемый изъ земли на херсонской степи, служитъ для разныхъ построекъ и потому здѣсь всѣ живутъ въ каменныхъ домахъ, въ которыхъ лѣтомъ прохладно, а зимою чрезмѣрно холодно, и тѣмъ болѣе оный чувствуемъ, что когда хлѣбу неурожай, то и соломы для человѣка нѣтъ, и вырѣзываютъ отъ скота навозъ, который здѣсь называютъ кирпичемъ; лѣтомъ оный высушиваютъ на солнцѣ; на семь кирпичѣ даже кушанье варятъ. Ограды домовъ также каменные. Но все сіе строеніе имѣетъ видъ снаружи развалины, бѣдность обѣщающей, когда оное не обмазано. Между симъ камнемъ есть такого рода, который къ строенію очень удобенъ: онъ мягокъ и рѣжется даже ножомъ, можетъ выглаженъ быть наилучшимъ образомъ для строенія, но лѣность народа не позволяетъ употребить трудъ для сей обдѣлки, онъ находитъ болѣе удобства его класть кучею и промежутки залѣпить глиною.

¹⁾ Указомъ 30 апр. 1764 г. предоставлялось право беспошлинной торговли на 10 лѣтъ всякому, кто заведетъ въ Новороссіи виноградный садъ. Въ Елисаветградѣ и Крюковѣ заведены были даже казенные виноградники. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, Шмидта, херс. губ., т. II, стр. 143. — В. Я.

Кажется, правительство очень заботится о населении херсонской степи и ежели сіе сбудется, то скотоводство тогда уменьшится. Теперь отсюда идетъ много скота за границу, слѣдовательно тѣмъ дѣлается доходъ государству, а тогда оный или уменьшится, или вовсе прекратится. По моему мнѣнію, сію степь оставить при томъ населеніи, въ какомъ она теперь (1806 г.) состоитъ, котораго хотя и не въ большомъ количествѣ, судя по пространству земли, но однако-же довольно деревень разбросано. Ежели полагаютъ, что казна терпитъ отъ малости людей подушный сборъ, то можно наложить подать на землю и владѣлецъ оной можетъ оную заплатить, ибо земля ему даетъ прибыль скотоводствомъ, а поселенцы не будутъ въ силахъ выплачивать, ибо имъ нельзя будетъ тогда столько скота держать, а хлѣбъ рѣдко когда удастся. Лѣта здѣсь, можно сказать, видятъ только май мѣсяцъ, а потомъ начинаются нестерпимые жары, которые, безъ помощи сильныхъ дождей, выжигаютъ все. Вотъ причина, отъ чего степь сію населяющіе жители не могутъ засѣваемымъ ими хлѣбомъ прокормиться, а довольствуются покупнымъ, изъ чего видно, что большое число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ. Зимы бываютъ здѣсь рѣдко жестоки, а обыкновенно слабы, за исключеніемъ однако-же зимы съ 1804 на 1805 г., въ которую погибло скота, особливо овецъ, великое множество, и то не лютости зимы приписать должно, а только тремъ днямъ марта мѣсяца, въ которые случились вьюги сильныя съ снѣгомъ, и въ которые погибло столько овецъ, что многихъ хозяевъ въ конецъ разорило, и сію потерю вообще не тысячами, а милліонами ставить должно. По окончаніи зимы, скотъ откармливается легко въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, потомъ, въ жары, начинаетъ худѣть, а съ половины сентября до декабря пользуется умѣренной теплотою и освѣженной травой. Впрочемъ, скотъ рѣдкую зиму бываетъ на сухомъ корму, а обыкновенно довольствуется подножнымъ кормомъ. Изъ всего мною сказаннаго видно, что сія земля вовсе неудобна для жительства людей, а для разведенія скота способна; но чтобы его лучше сберечь, надобно неминуемо имѣть загоны. Степь сія имѣетъ много волковъ, лисицъ и зайцевъ, а птицы всякаго рода въ великомъ множествѣ; нѣкоторыя изъ этихъ птицъ при началѣ зимы улетаютъ въ теплѣйшія мѣста и весною опять возвращаются. Въ преж-

нія времена водились здѣсь цѣлыя табуны дикихъ лошадей, но теперь осталось ихъ мало. Степь херсонская вмѣщаетъ на себѣ многочисленные стада (сіи стада называются здѣсь *отарами*) волошскихъ, бльшею частію, бѣлыхъ овецъ. Чудной сими овцами и почти не понятный ведутъ хозяева счетъ. Ежели отара тысячи двѣ или три, то является къ оной болгарь ¹⁾ въ пастухи, или *чабаны*, не соглашаясь никакъ служить за деньги, а вводитъ въ отару часть и своихъ овецъ, напри- мѣръ, въ тысячную отару ставитъ своихъ 500 овецъ, и тогда онъ съ хозяиномъ состоитъ въ половинѣ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ у чабана столько-же овецъ, сколько и у хозяина. Во все это время чабанъ держитъ на общемъ иждивеніи еще нѣсколько болгарь для присмотру за овцами, держитъ пару или двѣ воловъ, которые везутъ для нихъ сѣтвые принасы, держитъ 10 ²⁾...

Рѣки, сію степь протекающія, выключая Днѣпра и Буга, суть двѣ главнѣйшія: Ингуль и Ингулецъ. Впрочемъ, всѣ другія рѣчки суть то текущи при сильныхъ дождяхъ и весною отъ талого снѣга, то ничего (не) значущіе ручейки, на которыхъ заняты пруды и на оныхъ построены мельницы. Всѣ сіи рѣчки изобилуютъ разною мелкою рыбою.

По всей херсонской степи видны во множествѣ разсѣянные курганы, могилами здѣсь называемые; они суть насыпи, по обыкновенію древнихъ, надъ убитыми во время сраженія воинами. Ежели сіи курганы имѣютъ отъ того свое начало, то сильныя побоища должны были быть въ сихъ мѣстахъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ кургановъ поставлены каменные статуи, изображающія мужчинъ или женщинъ, грубой обработки. Не извѣстна причина, для чего сіи изображенія были выставлены: былъ ли это монументъ убитому, лежащему въ курганѣ, или народы, обитавшіе сію степь, поклонялись сему истукану. Сіи курганы служили запорожцамъ маяками для польскихъ предѣловъ, ибо тогда не было на сей дикой степи дорогъ, а они добирались отъ кургана до кургана до желаемого мѣста. Кажется, что всякій полякъ,

¹⁾ Сіи болгары заходятъ сюда изъ-за Дуная не для какого другого промыслу, какъ быть чабанами. — Авт.

²⁾ Окончаніе фразы затеряно. — В. Я.

проѣзжая таковой курганъ, долженъ содрогнуться, видя предъ собой путеводителя, который нѣкогда доводилъ разбойниковъ до его отчины, гдѣ сими неистовыми людьми предавалось все грабежу, насилію и мечу.

На степи херсонской во время сильныхъ снѣжныхъ зимъ бываетъ опасно при вьюгахъ проѣзжать оную и, потерявъ дорогу, неминуемая гибель должна послѣдовать. Кажется, сему можно бы помочь; по обѣ стороны прорѣзать рвы, которые бы были путеводителемъ до Херсона, Николаева и Одессы отъ стороны Крюкова. Обсадить сіи рвы деревьями жожно-бы, и это бы было, кромѣ украшенія, и польза, но сіи деревья не уцѣлѣютъ, ибо мы видимъ, что проѣзжіе чумаки, для сваренія своихъ кашъ, рубятъ и версты, и за сіе остаются не наказанными. По моему мнѣнію, сію дорогу обсадить кустами бузины, — дерево, для топлива не способное, но цѣль, для которой посажена, была бы выполнена, и на такомъ пространствѣ разведя, сколько бы цвѣту можно было бы собрать для аптекъ!

Бдучи по сей степи, видимъ во время сильныхъ вѣтровъ, осенью отрывааемый бурьянъ, такъ называемый *перекати поле*, который съ чрезмѣрною скоростью перекачиваясь по необозримой равнинѣ, уподобляется вдали какому (sic) бѣгущему звѣрю, а иногда, поднимаясь вѣтромъ вверхъ, представляетъ большую летящую птицу. Сей травы суть два рода: одинъ называется *катранъ*, который весною простолюдины ѣдятъ въ великомъ числѣ и почитается кровочистительнымъ, а другой, *курай*, составляетъ, когда созрѣетъ, круглый кустъ колючей травы, которую верблюды ѣдятъ преимущественно всѣмъ травамъ. Оба же рода сей травы извѣстны здѣсь подъ именемъ *перекати-поле*. Сія трава нерѣдко сама себя приготовляетъ для топлива, заносима будучи въ какую ни есть глубокую лощину или водомоину, откуда уже вѣтромъ не будучи поднята, накопляется большою кучею; тогда живущіе по близости такого мѣста набираютъ оную для топлива въ домахъ.

Здѣсь кончается тетрадь; ниже слѣдующее воспроизводится по отдѣльнымъ листамъ, уцѣлѣвшимъ повидимому, не вполне.

Здравый разумъ не позволяетъ отыскивать въ архивѣ запорожскаго скопища какихъ либо записокъ о началѣ ихъ скопища, но нѣкоторые рассказы, отъ стариковъ мною слышанные и перешедшіе къ

нимъ по преданію старѣйшихъ изъ нихъ, здѣсь предложу. Натурально судя, нельзя за всѣ сіи бредни ручаться.

Начальное ихъ скопище произошло отъ небольшого числа людей, приплывшихъ отъ Азова на плавкахъ (лодки они называли плавками) и основали свое жилище на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ теперешняго Херсона, назвавъ оное Алешками (Алешки теперь уѣздный городъ таврической губ.), по имени Алексѣя, ими надъ собою поставленнаго начальника. Сіи Алешскіе жители, впоследствии времени, раздѣлились на два именованія, хотя и составляли одно общество: живущіе въ Олешкахъ назывались *плавниками* и упражнялись въ рыбной ловлѣ, а живущіе по днѣпровскимъ плавнямъ и островамъ, лѣсомъ покрытымъ, именовались *пластунами*. Сіи пластуны занимались стрѣльбою звѣрей, тогда въ плавняхъ въ великомъ множествѣ бывшихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Херсонъ, владычествовала какая то дѣвица, по имени *Харсія*, надъ какимъ-то народомъ и имѣвшая войну съ какимъ-то царемъ, который ее покоривъ, истребилъ и полонилъ ея народъ, послѣ чего владѣнія Харсії исчезли. Всего этого мы не находимъ ни въ какой исторіи и потому надобно считать за басню, ими выдуманную, или быть, разказами изуродованную. Впоследствии турки, или крымскіе татары, начавъ притѣснять олешскихъ жителей, то они оставили сіе мѣсто и перешли на правый берегъ Днѣпра, основавъ свое жилище ниже пороговъ и потому называли себя *порожанами*, а впоследствии *запорожцами*, главное же свое мѣсто наименовали *Сѣчю*. Здѣсь ихъ скопище начало умножаться изъ разныхъ мѣстъ приходящими, въ томъ числѣ наиболѣе такими, которые содѣяли какое либо преступленіе.

Сѣчь раздѣлилась на четыре части, *пиріями* названныя. Каждая *пирія* состояла изъ 10 куреней, а каждый курень вмѣщалъ въ себѣ тысячу человѣкъ¹⁾. Курень былъ пространное строеніе. Весь городъ обнесенъ былъ валомъ; у *брамы*, или воротъ стража впускала только извѣстныхъ людей. Во всякомъ куренѣ оставалось до 200 че-

¹⁾ Число козаковъ, жившихъ въ куренѣ, разумѣется, сильно преувеличено. Что касается общаго числа куреней, то Скальковскій насчитываетъ ихъ 38. См. Ист. Н. Сѣчи. Ч. I. стр. 74.—В. Я.

ловѣкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *сиромахъ*, не имѣвшихъ ни какой собственности; они получали жалованье и провіантъ и должны были быть готовы, по первому востребованію, на службу, и потому сіи сиромахи назывались (?) регулярными воинами. Прочіе жили хуторами, зимовниками называемыми, гдѣ плодили скотъ и лошадей, и имѣли, смотря по достатку, другихъ бродягъ человѣкъ по нѣскольку для присмотру за скотомъ. Сихъ прислужниковъ не рѣдко хозяинъ зимовника вооружалъ, сажалъ на кони и отправлялъ грабить Польшу, дѣлясь добычею съ ними. О такихъ побочныхъ походахъ Кошевой и войско часто ничего не знали. Во время уже сего распорядка живущіе на островахъ всѣ остались при прежнемъ своемъ наименованіи *пластуновъ* и сверхъ звѣриной ловли завели многочисленныя стада свиней, которыя откармливались и до того одичали, что когда пріѣзжали купцы оныхъ покупать, то иначе не могли ихъ взять, какъ застрѣливъ. Нѣсколько изъ сихъ пластуновъ завели большіе заводы кошекъ, вмѣщаемыхъ въ выстроенныхъ сараяхъ и не токмо доставляли хозяину прибыль отъ продаваемыхъ ихъ кожъ, но еще и тѣмъ, что на нѣкоторой окрестности не смѣли появляться ни хори, ни (*пропускъ въ подлинникъ*); онѣ все это давили и приносили для корму своимъ дѣтямъ. Хозяинъ, снимая сіи кожи, продавалъ, а мясо бросалъ кошкамъ.

Запорожцы не забывали ограбленнымъ серебромъ, золотомъ и другими камнями украшать церковь въ Сѣчи и таковое окровавленное приношеніе полагали богоугоднымъ. Сія церковь соединяла въ себѣ неоцѣненныя богатства. Однихъ евангеліевъ, серебромъ украшенныхъ, считалось 30, въ томъ числѣ до 10 непомѣрной величины, изъ которыхъ, во время крестнаго хода, каждое едва поднималось было 4 человѣками; паникадилъ было 12 огромныхъ, серебряной оправы. Въ срединѣ города выстроены были дома кошевого, судьи и войскового писаря. Сверхъ сего, войсковая скарбница, въ которой хранилась войсковая казна и пушкарня, гдѣ были пушки. Всякая *пирія* имѣла свою скарбницу, гдѣ содержалась особая казна, принадлежавшая той пиріи.

Всѣ вообще запорожцы не имѣли женъ ни въ Сѣчи, ни въ зимовникахъ. Нѣкоторые, однакожь, женились въ сосѣднихъ городахъ или деревняхъ и оставляли тамъ своихъ женъ. Были таковы, что женились въ раз-

ныхъ мѣстахъ по два и по три раза. Но сіе казалось прекращеннымъ по слѣдующему случаю. Одинъ козакъ, захавъ въ мѣстечко Кропивное ¹⁾, женился на племянницѣ своего кошевого, Григорія Калныша, и оставивъ жену у ея матери, уѣхалъ въ Запорожье, обѣщавъ скоро возвратиться. Мать долго ожидала, но не видя возвращенія, взяла дочь и отправилась къ своему брату въ Сѣчь. Сей случай заставилъ кошевого сдѣлать постановленіе, что всѣ тѣ козаки, которые пожелаютъ жениться, должны оставить свои хутора и поселиться деревнями, на рубежѣ полковъ Новой Сербіи. Таковыхъ деревень составилось пять, подъ названіями: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая и Желтая. Сіе постановленіе имѣло свое начало за 8 лѣтъ до истребленія Сѣчи, т. е. начали было умомъ жить, но поздно. Правда, что сіи заселенія умножались такими людьми, которые изъ пикинерныхъ поселеній пожелаютъ, тогда запорожцы приходили вооруженною командою и брали ихъ съ семействами, называя своими родственниками и препровождая во вновь заводимыя свои деревни. Средство умножить такимъ образомъ число жителей было только извѣстно однимъ буянамъ-запорожцамъ.

На сей степи было довольно сайгаковъ или дикихъ овецъ. Старики помнятъ ихъ стада, покрывавшія сію степь. Разсказываютъ, что когда приходило время имъ ягниться, тогда стада приходили къ хутору и вблизи онаго останавливались до тѣхъ поръ, пока всѣ не токмо оягнятся, но и ихъ ягненки придуть въ силу. Повидимому, они сближались къ людямъ для того, чтобы обезопасить себя отъ хищнаго звѣря, но въ мнимыхъ своихъ защитникахъ обрѣтали то, чего убѣтали: запорожцы оставляли ихъ въ покоѣ только до того времени, пока ихъ дѣти придуть въ силу, и тогда начинали убивать старыхъ и малыхъ и тѣмъ отгоняли отъ себя такую скотину, которая, можетъ быть, современемъ содѣялась-бы домашнею. По замѣчанію старыхъ запорожцевъ, сайгаки удалились, невѣдомо куда, за годъ до истребленія Сѣчи и во весь сей годъ, подходя табунами къ зимовникамъ, производили нѣкій странный крикъ. Такъ заставляють запорожцы оплакивать паденіе ихъ войска даже и звѣрей.

¹⁾ М. Крапивное въ « » верстахъ отъ гор. Переяславля.—Авт.

Начало весны здѣсь прекрасно: вся равнина покрыта хорошей, изобильной травой, между которой разбросаны разнородные цвѣты; но сія пріятность едва до исхода іюня мѣсяца продолжается; тогда начинаются жары и теплые вѣтры, пожигающіе всю зелень. Трава изсыхаетъ, стада скота, съ весны на жирныхъ пастбищахъ утученныя, начинаютъ худѣть и ежели осень отъ дождей и возвращеніе теплой погоды не исправитъ кормъ, то скотъ, входя въ зиму худымъ, нерѣдко производитъ падежъ. Таковой климатъ мы находимъ, по описаніямъ, въ дикой Аравіи, за то она и осталась необитаемою; но Россія, привыкшая превозмогать самое невозможное, приказала заселить сію степь. Народъ живетъ и бѣдствуетъ: новое доказательство, что сіи степи надобно-бы оставить для скотоводства, а не заставлятъ на оныхъ мучиться людей.

Всѣ жилища, и тѣ самыя, которыя уже по 20 лѣтъ заселены, кажутся по своей скудности какъ будто вчера на то мѣсто перенесенными. Многіе скажутъ: какъ-же заселили часть сей степи отъ Кременчуга до Елисаветграда? Да, заселили, но тамъ есть отчасти черноземъ, а большею частію песокъ, на которомъ кое-какъ хлѣбъ родится, а въ дождливое время и довольно хорошъ, а на Херсонской степи земли нѣтъ и на два вершка, а по (подъ) ней камень или известь, на которой, извѣстно, нельзя ни хлѣбу, ни садамъ быть ¹⁾).

Сія-же степь опредѣлена судьбою была видѣть первыя заселенія жидовъ. Разсѣянные по всему міру, херсонская степь ихъ пріемлетъ въ видѣ хлѣбопашцевъ. Подъ ихъ деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пахутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не

¹⁾ Въ дѣйствительности глубина чернозема въ херсонской степи измѣняется отъ 4 вершковъ до 1¹/₂ аршина. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами ген. шт. А. Шмидтъ, херсонск. губ., I, стр. 112. Не будемъ оспаривать мнѣнія автора о малопродуктивности степи, считая вопросъ о томъ исчерпаннымъ вполне. — В. Я.

вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжести, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними кляузами займутъ всю честную бесѣду разговоромъ. Волось въ это время никому и въ голову не придетъ выпрячь, и такъ день прейдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопашцами не будутъ никогда.

Этимъ исчерпывается все содержаніе „Примѣчаній на новороссійскій край“ А. С. Пищевича. Изъ дневниковъ его за разные годы начала нашего столѣтія приводимъ ниже замѣтки, касающіяся состоянія новороссійскаго края и колонизаціи его.

„Дневная Записка на 1806 годъ“. 27-е іюня. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ черногорскій сердарь Никшичь-Требашиничъ съ своею женою, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Онъ чело-вѣкъ лѣтъ уже 60-ти, но здоровый, а женился на молодой россіянкѣ, бойкой и умной, и живутъ очень хорошо. Сердарь есть важный чинъ въ Черной горѣ, здѣсь едо переводятъ на полковничій, но что до того, а скажемъ, зачѣмъ зашелъ г. Никшичь въ Россію. Извѣстно, что турки притѣсняють черногорцевъ въ ихъ землѣ, которымъ сіе притѣсненіе не дешево стоитъ, но не меньше непріятно въ такомъ сосѣдствѣ жить, вѣчно быть, такъ сказать, на караулѣ и въ готовности или убить, или самому быть убиту. Вотъ что побудило господина Никшича оставить свою отчизну, которому многіе его родные послѣдовали, числомъ до 100 душъ, и они вышли въ послѣдній годъ царствованія великой Екатерины; 12,000 десятинь земли имъ отведено подъ поселеніе недалеко отъ Одессы ¹⁾. Черногорцы съ древнихъ временъ были всегда приверженными Россіи и въ прошломъ году они всѣ при-

¹⁾ Разсказанное переселеніе черногорцевъ и герцеговинцевъ состоялось въ 1804 году; колонія ихъ названа славяносербскою. См. Опытъ статист. опис. новор.

снятнуги въ вѣрности оной (?). Г. Никшичъ жилъ покойно на отведенной имъ землѣ, которую колонію умножить располагали многіе черногорскіе жители, но опредѣленіе въ начальники въ здѣшній край, и съ немалою довѣренностію, дюка-де-Ришелье все испровергло. Онъ не любилъ черногорцевъ, началъ ихъ притѣснять и изъ 12,000 десятинъ земли оставилъ имъ только 500, потомъ хотѣлъ ихъ обратить въ колонистовъ, тогда когда они суть всѣ дворяне. Сіи, натурально судя, писали въ свою отчизну о всѣхъ неудовольствіяхъ, какія съ ними повстрѣчались въ Россіи, и тѣмъ прекратился выходъ дальнѣйшей черногорцевъ. Изслѣдуемъ, какую отъ сего выгоду получаетъ дюкъ-де-Ришелье? Онъ, служа тайно Бонапартію на гибель Россіи, остуживаетъ ревность черногорскаго народа и всѣхъ единоплеменныхъ славянъ, живущихъ въ европейской Турціи, къ престолу русскому и тѣмъ помогаетъ вошедшимъ уже въ Далмацію французамъ къ одержанію поверхности надъ политикою русскою въ тамошнемъ краю.

25 октября. Теперь Кременчугъ наполняется жидами, которые, въ силу указа, должны оставлять шинкарство, и вздорожали всѣ съѣстные припасы до чрезмѣрности въ городѣ, и пока выдумаютъ, чѣмъ жить, принялись торговать деньгами; вся мѣдь и мелкія ассигнаціи въ ихъ рукахъ, и берутъ промѣнъ, какой хотятъ: теперь по 7 коп. съ рубля имъ платятъ. Ежели покупать въ лавкѣ, и купецъ, продавши рублей на десять, видитъ сторублевую или пятидесяти-рублевую ассигнацію, говоритъ, что нечѣмъ сдать, за неимѣніемъ сдачи, теряетъ свою прибыль, и товаръ лежитъ.

„Записки Ал. Пишчевича на 1813 г., состоящія въ разныхъ письмахъ“. 13 мая. Кривой Рогъ. Въ Кривомъ Рогѣ вынимается аспидный камень плитами, изъ котораго выдѣлываются доски. Здѣсь-же въ землѣ выкапываютъ глину разныхъ цвѣтовъ. Можетъ быть современемъ будутъ дѣлать здѣсь фарфоръ, о которомъ таковая-же молва пронесется, какъ о саксонскомъ и др. Ровно прошло 30

кр, I, ст. 225. Сравни хронологич. обзор. ист. новор. кр. того-же автора, II, 164—165. Въ послѣднемъ сочиненіи число отведенной черногорцамъ земли показано то-же, что и у нашего автора, въ первомъ-же—всего 3800 десятинъ. Вѣроятно, цифра Пишчевича точнѣе.—В. Я.

лѣтъ, какъ я на семь мѣстѣ былъ, тогда пустомъ и едва изъ нѣсколькихъ двориковъ состоявшемъ.

3 іюня. Обѣдать я остановился въ новопоселяющейся деревнѣ *Усвятъ*, при рѣчкѣ Громоклеѣ. Сія деревня составлена изъ трехъ націй: великороссіянъ, приведенныхъ изъ курской губ., малороссіянъ изъ полтавской и черниговской губ. и молдаванъ, изъ разныхъ мѣстъ сошедшихся. На ночлегъ пріѣхалъ я въ такъ называемую *Дворянскую* деревню, начало свое возымѣвшую отъ того, что нѣсколько простыхъ, недостаточныхъ валаховъ, отправясь въ Валахію, у тамошняго дивана купили себѣ дворянское достоинство и, явясь опять въ Россію, начали жить, пользуясь новымъ своимъ титуломъ, совершенно вольными людьми, не платя податей, не отбывая рекрутской повинности, и словомъ, ничего по земству, живучи на правѣ дворянъ. Такимъ образомъ вся Молдавія и Валахія перешли-бы сюда, содѣлавшись дворянами, ибо диванамъ сихъ княжествъ что до того, что простые мужики, заплативъ имъ щедро, становятся на ряду съ русскимъ дворянствомъ, лишь-бы они не были наравнѣ съ гордыми ихъ боярами. Такимъ образомъ 18 семей сихъ покупныхъ дворянъ, соединясь въ одно общество, купили эту землю, на которой я ночую, у помѣщика Сѣднева, въ числѣ 6,000 десятинъ, заплатя по тогдашнему дешевому времени по 95 коп. за десятину ¹⁾. Земля сія удобна для хлѣбопашества, имѣетъ много сѣнокоса, дикаго камня для строенія, воду хорошую и довольно рыбы въ рѣчкѣ. Обстроивъ себѣ дома, завели довольно скота и мнили быть маленькими удѣльными князечками; люди были довольны своимъ состояніемъ, но чортъ стоялъ на бивакѣ и улыбался ихъ мнимому счастью. Началось тѣмъ, что правительство русское хватилось умножающемуся валахскому дворянству въ Россіи и потому потребовало вѣрныхъ документовъ на сіе титуло, и всѣхъ тѣхъ, которые таковыхъ не

¹⁾ Не знаемъ, къ какому времени относится эта купля-продажа; судя по стариннымъ купчимъ, которыя приходилось намъ видѣть, въ сѣверной части херсонской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія можно было купить 1500 дес. (не заселенныхъ) за 500 р., хотя, случалось, платили и по 3 р. за десятину; такая цѣна держалась и въ первые годы нашего столѣтія, но уже въ 20-хъ годахъ десятинна стоила 10 р.—*В. Я.*

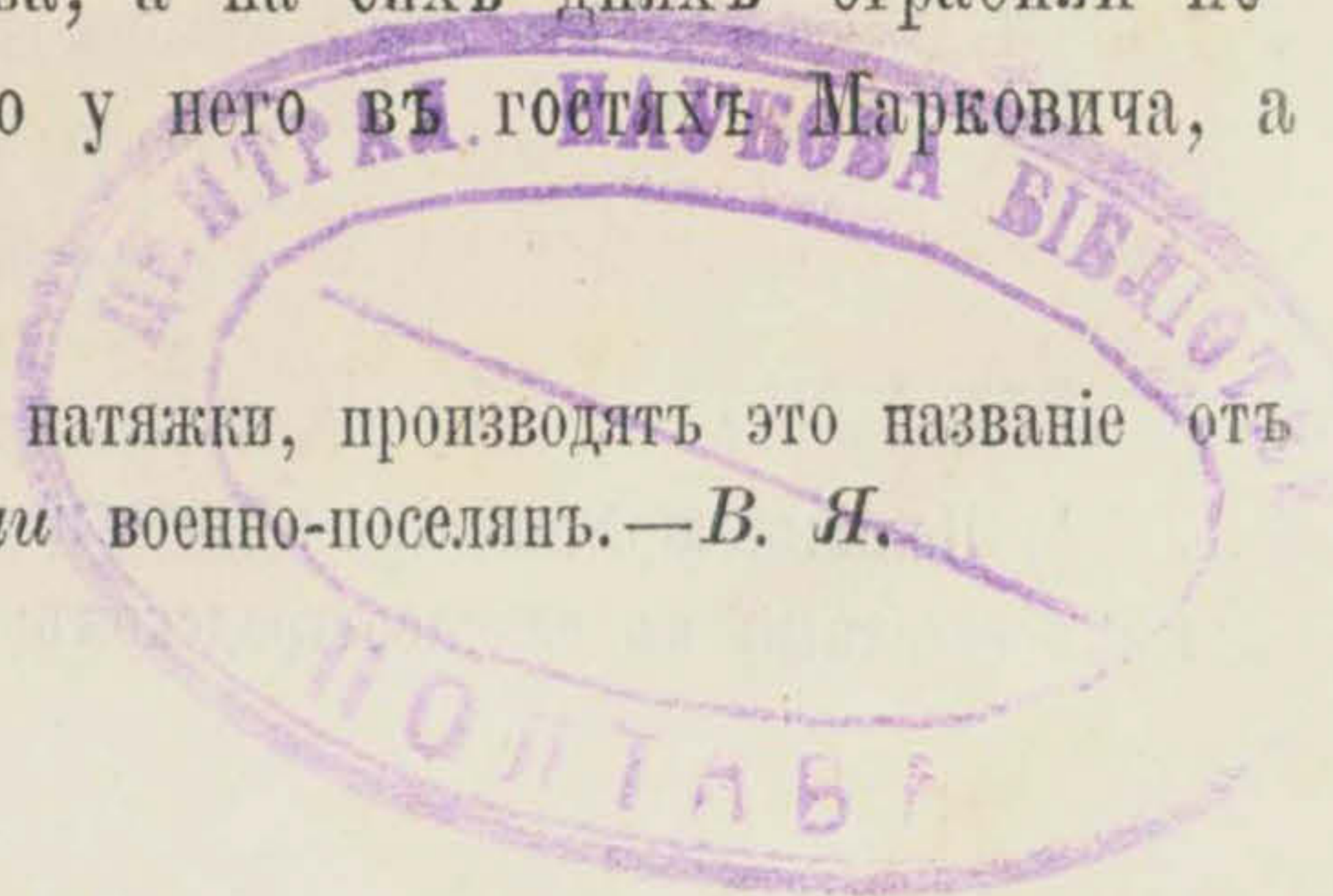
представятъ, вельно обратитъ въ крестьянство. Натурально судя, они никакихъ доводовъ къ тому не имѣли и потому поступили въ тотъ классъ, изъ котораго выбратся стоило имъ и труда, и денегъ. Затѣмъ одинъ молдаванинъ продалъ свой участокъ въ 500 десятинъ по 1 рублю подполковнику Воропанову, который послѣ отнялъ у нихъ лучшіе покосы и выгоднѣйшія поля для посѣвовъ, отнялъ шинокъ и запрещалъ даже брать вино въ другомъ мѣстѣ.

4-го іюня. Кормить лошадей остановился я на станціи *Вшивой*, въ 20 верстахъ отъ Елисаветграда. Таковое неопрятное названіе получила она потому, что говорятъ, въ водѣ здѣшняго мѣста заводятся иногда насѣкомыя, похожія на вшей. Однакожъ, между сими животными заводитъ деревеньку секретарь Зеленый, служащій въ магистратѣ¹⁾.

„Записки Александра Пшичевича на 1815 годъ, состоящія въ разныхъ письмахъ“.

...При семъ нельзя умолчать о томъ, что мы не совсѣмъ безопасны среди своихъ домовъ: въ трехъ верстахъ отъ меня, въ лѣсахъ Золотаревскихъ, скопище разбойниковъ, отъ апрѣля мѣсяца скрываясь, служить ужасомъ сосѣдямъ своимъ. Сія шайка составила изъ бѣглыхъ солдатъ, отданныхъ въ рекруты прошедшаго года, бывшихъ уже судимыми за разбой, но милостивымъ манифестомъ отъ наказанія прощенныхъ, а отданныхъ въ строй почтенныхъ воиновъ... Золотаревская шайка умножилась подговоренными ею-же другими рекрутами, и не безъ того, чтобы нить сего общества не простиралась и по селеніямъ, а особливо Золотаревкѣ. Лѣса, служащіе убѣжищемъ симъ людямъ, легко могутъ быть окружены и содержимы въ нѣкотораго рода блокадѣ, пока вся внутренность лѣса разыщется. Прошедшій разъ, когда начинщики сей шайки были пойманы, то открылась жилищемъ имъ странная яма, дощанымъ засовомъ задвинутая, на который накоплено было не мало древеснаго листа. Съ весны первый набѣгъ они сдѣлали на домъ помѣщика Зенфинова, а на сихъ дняхъ ограбили помѣщиковъ Требинскаго и бывшего у него въ гостяхъ Марковича, а

¹⁾ Старожилы, не безъ очевидной натяжки, производятъ это названіе отъ *вошивая* или *обшивая*: здѣсь *обшивали* военно-поселянъ. — В. Я.

потомъ тоже учинили въ домѣ г. Мефтедовскаго. Часть вещей, ограбленныхъ у сихъ господъ, найдены въ шалашѣ золотаревскаго баштана. Смертоубійствъ хотя еще и нѣтъ, но дѣло уже отъ того отстѣпнть на одинъ шагъ. Удивительно, что полки насъ окружаютъ ¹⁾, а не участвуютъ въ поимѣ сихъ негодяевъ, а еще удивительнѣе дѣятельность земской полиціи.

¹⁾ Полки: саратовскій пѣхотный разположенъ въ александрійскомъ, а пензенскій пѣхотный въ елисаветградскомъ уѣздахъ. — А в т .

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕ- НОВИЧА СУЛИМЫ.

Предлагаемая Записка заимствована изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ древняго малороссійскаго рода Сулимъ, обязательно сообщенныхъ намъ Г. В. Кибальчицемъ. Авторъ этой Записки Акимъ Семеновичъ Сулима былъ послѣднимъ генеральнымъ судьей Малороссіи и умеръ въ 1818 году, когда перестала существовать и должность, которую онъ занималъ, съ введеніемъ обще-имперскихъ учрежденій по проекту Сперанскаго.

Содержаніе и назначеніе Записки объясняются въ слѣдующемъ заголовкѣ оной: „По второму Департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярскіе суммы“. Время-же представленія Записки значится въ слѣдующей помѣтѣ въ концѣ перваго листа: „2-го августа 1798 года послано при письмѣ къ его высокопревосходительству, господину генералу отъ инфантеріи, малороссійскому военному генераль-губернатору, управляющему гражданскою частію малороссійской и кіевской губерній, Александру Андреевичу Беклешову“.

Имѣя, по видимому, очень ограниченное содержаніе, Записка Сулимы знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями особаго малороссійскаго суда въ послѣдніе годы его существованія; кромѣ того она проливаетъ свѣтъ на положеніе этого суда во времена весьма отдаленныя и открываетъ нѣкоторыя совершенно новыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія.

Во время правленія Малороссією гетмановъ, для канцелярскихъ служителей войсковой генеральной канцеляріи и генеральнаго суда,

построенъ былъ особой домъ, подъ названіемъ: Курѣнь войсковый, гдѣ жили болѣе ста человѣкъ.

На содержаніе-жъ ихъ даны были отъ гетмановъ и высочайшими грамотами утверждены деревни, въ которые избираемые изъ ихъ самихъ посылались управители и всѣ съѣстные припасы доставляли въ курѣнь въ натурѣ; а предъ праздниками Рождества Христова и Воскресенія и наличные собираемые изъ деревень деньги, по росписанію генеральнаго писаря, или по препорученію его старшаго канцеляриста, раздаваемы были по трудамъ и способности каждому.

Которые-жъ войсковые канцеляристы могли имѣть содержаніе сами отъ себя, тѣ жили на нанимаемыхъ ими квартирахъ и на всемъ своемъ иждивеніи. А за то и за ревностную службу, какъ тѣ, такъ и живущіе въ куренѣ награждаемы были отъ гетмановъ чинами войсковыхъ товарищей, сотниковъ къ мѣсту, также къ мѣсту чинами полковыхъ старшинъ: хорунжого, асаула и писаря, а изъ знатнѣйшихъ фамилій—въ бунчуковые товарищи и полковые судьи.

Когда правленіе гетмановъ престало и на мѣсто войсковой генеральной канцеляріи учреждена малороссійская коллегія; то главнокомандующій въ Малой Россіи и президентъ той коллегіи, покойный господинъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи всѣ собираемые тогда въ Малой Россіи въ скарбъ войсковый доходы, дѣлалъ отъ себя для тогдашнихъ въ Глуховѣ присутственныхъ мѣстъ, и во первыхъ для малороссійской коллегіи и суда генеральнаго, о секретаряхъ и канцелярскихъ чинахъ и служителяхъ штаты въ 766-мъ и 769-мъ годахъ, кои по разсмотрѣнію своему дополнялъ, и на конецъ 776-го года предложеніемъ коллегіи предписалъ производить годовое жалованіе противъ положеннаго въ высочайше подтвержденныхъ 763-го года штатахъ состоящимъ въ Москвѣ коллегіямъ и канцеляріямъ.

И въ слѣдствіе того по предписаніямъ коллегіи малороссійская скарбовая канцелярія отпускала жалованье.

ВЪ МАЛОРОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГІЮ.

1 экзекутору	465 р.
3 секретарямъ каждому по	375 »
2 секретарямъ.	250 »
1 протоколисту	225 »
1 регистратору	200 »

1 актуаріусу	200 р.
1 архиваріусу	200 »
2 адвокатамъ каждому по	120 »

Сихъ послѣднихъ должность состояла въ томъ, чтобы приносимыя отъ просителей аппелляціи и частныя прозъбы прежде подачи просматривать и о исправности оныхъ поднесью на нихъ свидѣтельствовать.

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

10-ти первой статьи по	120 р.
11-ти второй	80 »
23-мъ третьей по	60 »
1-му вахмистру	60 »
2-мъ истопникамъ по	18 »
1-му переплетчику	25 »

ВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ СУДѢ.

1-му экзекутору	250 р.
2-мъ секретарямъ каждому по	250 »
1-му протоколисту	225 »
1-му регистратору	200 »
1-му актуаріусу	200 »
1-му архиваріусу	200 »
1-му нотаріусу	150 »
2-мъ адвокатамъ каждому по	120 »

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

4-мъ первой статьи по	120 р.
8-ми второй по	80 »
10-ти третьей по	60 »
2-мъ истопникамъ по	18 »

Каковы деньги въ то время, по дешевизнѣ всего, почитались за достаточные.

Какъ въ коллегіи, такъ и въ генеральномъ судѣ канцеляристы, за отдѣленіемъ въ помощь протоколисту и регистратору человѣкъ по 15-ти, раздѣлены были по повѣткамъ, которыхъ состояло отъ десяти до двенадцати, и въ каждомъ, кромѣ повѣтчика, было канцеляристовъ отъ 15-ти до 20-ти, а въ иныхъ и болѣе, въ которомъ числѣ человѣкъ сто было совершенно обучившихся и въ писмоводствѣ искусныхъ, имѣвъ съ нихъ многіе пособія къ тому отъ наукъ пріобрѣтенныхъ въ малороссійскихъ училищахъ.

Сіи сверхъ штата множайшіе служители на собственномъ иждивеніи, въ упованіи награжденія или одними чинами, или таковыми жъ къ мѣстамъ, по выше выраженному, и получали оныя отъ коллегіи съ патентами на чины, по предложеніямъ главнокомандующаго.

На канцелярскіе жъ расходы, какъ-то: дрова, свѣчи, бумагу, сургучъ и прочіе положительнаго количества денегъ не было; но всегда при надобности требовано изъ скарбовой канцеляріи, которая требуемое количество денегъ и отпускала для покупки тѣхъ надобностей, съ записками въ книгѣ.

А для храненія въ коллегіи и генеральномъ судѣ дѣлъ и денегъ опредѣлялся достаточный караулъ изъ роты фузелерной, въ вѣдомствѣ коллегіи состоявшей.

При устроеніи губерній по высочайшимъ учрежденіямъ Малая Россія раздѣлена была на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую; а нѣкоторая часть Малой Россіи причислена и къ бывшей екатеринославской губерніи.

Когда же, въ силу всевысочайшаго его императорскаго величества 796-го года, ноября 30-го, указа Малая Россія возстановлена въ прежніе свои границы, и для рѣшенія тяжбныхъ дѣлъ возобновленъ малороссійскій генеральный судъ, съ раздѣленіемъ на два департамента, который прежде былъ средней инстанціи и состоялъ подъ апелляціею малороссійской коллегіи, а нынѣ по оному высочайшему указу состоитъ подъ апелляціею правительствующаго сената и есть дѣйствительно по части судныхъ дѣлъ на мѣсто той коллегіи; то при открытіи онаго вступили въ оба департамента по родамъ всѣ дѣла нерѣшенныя и не оконченныя изъ бывшихъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, верхнихъ земскихъ судовъ, губернскихъ магистратовъ и верхнихъ расправъ губерній: кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской и части екатеринославской, всего изъ шестнадцати присутственныхъ мѣстъ, да сверхъ того въ первый департаментъ вступили дѣла изъ совѣстныхъ судовъ. Всего же вступило въ 1-й департаментъ уголовныхъ триста и слѣдственныхъ о преступленіи должностей 12-ть. А во 2-й департаментъ двѣ тысячи двѣсти сорокъ девять дѣлъ.

Въ сіе время, когда въ прежнихъ шестнадцати присутственныхъ мѣстахъ отписывали дѣла 16-ть секретарей, 16-ть протоколистовъ, 16-ть регистраторовъ, и въ каждомъ мѣстѣ не менѣе десяти—однихъ по штату состоявшихъ канцеляристовъ сто шестьдесятъ, осталось толикое число не оконченныхъ дѣлъ, и при таковомъ еще облегченіи, что дѣла цѣною ниже двадцати пяти рублей изъ нижнихъ мѣстъ въ верхніе на апелляцію не восходили.

А теперь въ оба департаменты генеральнаго суда вступили всѣ оныя не оконченныя въ палатахъ и Верхнихъ мѣстахъ, и вновь вступаютъ дѣла во всякой уже, по Граву книги: *Статутъ*, ценѣ по апелляціямъ на девяносто четыре присутственные мѣста, какъ то: 20-ть подкоморскихъ судовъ, 20-ть повѣтовыхъ судовъ, 26-ть городскихъ магистратовъ и 28-мъ ратушъ: сверхъ того въ первый департаментъ вступаютъ изъ всѣхъ оныхъ судебныхъ мѣстъ всѣ уголовныя дѣла, заключающія въ себѣ преступленія, подвергающія подсудимыхъ къ лишенію жизни, лишенію чести и торговой казни, хотя-бы подсудимые мѣнѣями нижнихъ присутственныхъ мѣстъ и были оправданы; къ тому-жъ вступаютъ дѣла о преступникахъ, не имѣющихъ совершенныхъ лѣтъ, принадлежавшіе прежде разбору совѣстныхъ судовъ; да въ оба департамента входятъ не только на тѣ 94 мѣста, но еще по жалобамъ и на 20-ть городничихъ, и на 20-ть нижнихъ земскихъ судовъ, и того на сто тридцать четыре присутствія. И уже съ открытія втораго департамента однихъ апелляціонныхъ, и по тѣмъ жалобамъ, противу коихъ требуетъ генеральный судъ объясненій отъ вышесказанныхъ подвѣдомыхъ ему мѣстъ, вступило двѣсти тридцать пять, не полагая въ то число тѣхъ жалобъ, кои при самой подачѣ разрѣшаются, и получаемыхъ къ выполненію и резолюціи отъ равныхъ мѣстъ сообщеній, а отъ подчиненныхъ рапортовъ, каковыхъ бумагъ во второй департаментъ донинѣ вошло три тысячи четыреста двадцать пять, и ежедневно не малымъ числомъ входятъ; а въ 1-й департаментъ таковыхъ-же бумагъ вошло 1686: уменьшенія-жъ сихъ въ оба департаменты входящихъ дѣлъ и бумагъ ожидать не можно, по тому найпаче, что въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ кромѣ дворянъ, разночинцевъ и священниковъ, болѣе милліона жителей въ одномъ подушномъ окладѣ состоятъ, разграниченія земель не было, а владѣнія по большей части въ каждомъ селеніи совмѣстные и чрезъполосныя нѣсколькихъ помѣщиковъ и многихъ козаковъ, также священно и церковнослужителей, имѣющихъ наслѣдственныя и покупныя земли.

Къ тому-жъ въ нынѣшнемъ генеральномъ судѣ производятся такія дѣла, которыхъ въ прежде бывшемъ не было, именно: въ 1-мъ департаментѣ слѣдственныя о преступленіи должностей, кои по обширнымъ матеріямъ и по не малому иногда въ одномъ дѣлѣ числу подсудимыхъ, требуютъ особаго секретаря и особой экспедиціи съ канцелярскими служителями; а во 2-мъ департаментѣ по запискамъ изъ главнаго начальства государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, и по частнымъ просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ дворянамъ на закладываемыя ими въ банкъ имѣнія, часть сихъ дѣлъ отяготительна для канцелярій потому, что о благонадежности закладываемаго имѣнія надлежитъ соби-

ратъ отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ справки, и выправляться съ алфавитными бывшихъ гражданскихъ палатъ запретительными книгами; а по выдачѣ свидѣтельствъ не только въ своей губерніи, но и по всей имперіи, гдѣ письмо крѣпостей производится, писать о запрещеніи, при случаѣ-жъ разрѣшенія и объ ономъ, на что множество исходитъ бумаги и сургуча. А не меньше и на то, что сей судъ по получаемымъ всегда изъ всѣхъ губерній сообщеніямъ объ учиненіи запрещеній и разрѣшеній на имѣнія дворянъ, купцовъ и другаго званія людей, при займѣ ими денегъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія и казенныхъ палатахъ изъ выработанной преступниками суммы, или по подрядамъ и откупамъ, или-же по долговымъ къ нимъ частныхъ людей претензіямъ, о таковыхъ запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ пишетъ отъ себя здѣшной губерніи во всѣ повѣтовые суды, городовые магистраты и ратуши.

По симъ обстоятельствамъ малороссійскій генеральный судъ по обоимъ департаментамъ, изъ дознаннаго опыта, находитъ необходимымъ, для успѣшнаго производства вшедшихъ въ оной старыхъ, и особо вновь входящихъ во множествѣ дѣлъ, особливо въ 1-й департаментъ уголовныхъ, по коимъ подсудимые со всей губерніи присылаемые въ Черниговѣ содержатся, во многомъ числѣ, въ одномъ острогѣ, и о скорѣйшемъ коихъ окончаніи послѣдовало строжайшее предписаніе, имѣть примѣрно прежде бывшимъ малороссійской коллегіи и генеральному суду:

В О 2-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

- 1-го экзекутора.
- 2-хъ секретарей.
- 2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.
- 2-хъ протоколистовъ.
- 2-хъ регистраторовъ.
- 1-го актуаріуса.
- 1-го архиваріуса.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

- 12-ть первой статьи.
- 12-ть второй.
- 26-ть третьей.
- 1-го вахмистра.
- 2-хъ сторожей.
- 1-го переплетчика.

На канцелярскіе расходы 1,200 руб. и карауль для храненія денегъ и дѣлъ.

А ВЪ 1-МЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ.

2-хъ секретарей.

2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.

2-хъ протоколистовъ.

2-хъ регистраторовъ, съ коихъ одинъ сверхъ регистраторской отправлялъ-бы и исполнительскую должность.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.

10-ть второй.

8-мь третьей.

1-го вахмистра.

2-хъ сторожей.

1-го переpletчика.

Да на канцелярскіе расходы въ годъ 600 руб. и карауль для храненія денегъ и дѣлъ, съ коихъ многіе производятся и по секрету.

При каковомъ штатѣ можно раздѣлить въ каждомъ департаментѣ канцелярію на 12-ть повытей, дабы были 10-ть въ уголовныхъ, а въ гражданскомъ департаментѣ для просителевыхъ дѣлъ, и въ каждомъ отправлялись дѣла двухъ повѣтовъ: два-жъ повѣтѣя учредить въ 1-мъ департаментѣ, одно для слѣдственныхъ дѣлъ о преступленіи должностей, а другое для поточныхъ дѣлъ; во 2-мъ-же департаментѣ одно для частныхъ интересныхъ дѣлъ, а другое для отписки при выдачѣ свидѣтельствъ въ вспомогательный банкъ, и чрезъ то избѣжать затрудненія и обыкновеннаго при множествѣ дѣлъ въ канцеляріи замѣшательства.

А высочайшимъ именованымъ 797-го года, декабря 18-го, изданнымъ указомъ изъ губернскихъ штатовъ обращены на содержаніе дворянства совѣтники и ассесоры палатъ, суды и расправы уѣздные и нижніе земскіе суды, съ канцелярскими ихъ суммами, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами и повивальными бабками, архитекторы и механики, и въ Малой Россіи, именно: генеральные судьи и совѣтники, и опредѣлена въ Малой Россіи ко взносу сумма 80,000 тысячъ рублей; но какъ въ генеральномъ судѣ на мѣстѣ ассесоровъ присутствуютъ депутаты, въ каждомъ департаментѣ по пяти, которые особое отъ дворянъ здѣшной губерніи получаютъ жалованье, въ годъ всякій съ нихъ по пяти сотъ рублей, а вмѣсто уѣздныхъ повѣтовые суды имѣютъ содержаніе отъ доходовъ, въ правѣ книги: *Статутъ* имъ позволенныхъ.

По Малороссійской-же губерніи всего въ расходѣ .	95,700 р.
въ которую сумму не полагая опредѣленнаго въ семь-же указѣ для городничихъ съ банцеляріями ихъ отъ городовъ содержанія въ	7,700 »
Да исключая содержаніе отъ короны губернскаго правленія съ прокуроромъ въ	9,970 »
Казенной палаты въ	10,770 »
И 20 повѣтовые казначейства въ	18,760 »
Всего на сіи расходы	39,500 »
На предписанные въ высочайшемъ указѣ для здѣшняго края изъ дворянской суммы расходы употребляется только	40,500 »
Слѣдовательно изъ	80,000 »
суммы остается безъ употребленія на тѣ расходы . . .	39,500 »

То изъ сихъ денегъ можно отдѣлить нѣкоторую часть на содержаніе вышеписаннаго штата малороссійскаго генеральнаго суда и тѣмъ удобнѣе, что покупаемою для расходовъ бумагою, при употребленіи оной на просителивы дѣла по исхожденію ихъ, взыскивая за каждый листъ по цѣнѣ гербовой по 30-ти копѣекъ, отпускаемая на расходы сумма можетъ выручиться съ превосходствомъ.

Сверхъ вышеписаннаго нужнаго штата генеральный судъ полагаетъ принимать къ дѣламъ благородныхъ людей, дабы они приучались на пользу службы какъ судопроизводству дѣлъ, такъ и знанію законовъ въ семь краѣ употребляемыхъ, а за то, что они будутъ служить на собственномъ своемъ иждивеніи, и по усмотрѣніи способности и прилежности ихъ, награждать, по прежнему обыкновенію, слѣдующими по линіи чинами преимущественно предъ тѣми, кои продолжаютъ служеніе съ полученіемъ жалованья.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Извѣстно, что малороссійская старшина довольно безцеремонно относилась къ праву собственности: захватывала недвижимыя имущества другъ у друга, грабила вдовъ и сиротъ, въ особенности-же доставалось меньшей братіи „черни“. Старшина разными мѣрами вынуждала у находившихся въ зависимости отъ нея простыхъ козаковъ запродажныя росписки не только на пахотныя земли и угоды, но даже на грунты. Понятно, что лишенный пристанища козакъ дѣлался нищимъ и попадалъ въ кабалу къ своему эксплуататору. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого печальнаго въ исторіи экономического быта Малороссіи явленія можетъ быть и помѣщаемый ниже ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ подначальнымъ ему сотникамъ.

Не смотря на неоднократныя императорскіе указы, а затѣмъ гетманскіе универсалы и полковничьи ордера, запрещавшіе старшинѣ скупать грунты у простыхъ козаковъ, она продолжала обдѣлывать свои темныя дѣлишки, такъ что прилуцкій полковникъ, что-бы пресѣчь злоупотребленія, угрожаетъ, какъ читаемъ въ ордерѣ, за каждое „упущеніе и послабленіе истязаніемъ (тѣлеснымъ наказаніемъ) и жесточайшимъ штрафомъ“.

Другіе два документа рисуютъ намъ простой и скорый порядокъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII вѣка.

Два селенія подають просьбу въ гетманскую канцелярію объ опредѣленіи границы между ихъ землями; гетманъ посылаетъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Чуйкевича и поручаетъ ему разобрать споръ. Чуйкевичъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ и по опросѣ

понятыхъ „старинныхъ“ мѣстныхъ обывателей, ставитъ рѣшеніе (децизію) по праву даннаго ему гетманомъ полномочія, гетманъ же подтверждаетъ только своимъ универсаломъ постановленіе Чуйкевича.

Н. С—ко.

1. Ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана о нескуплѣ козацкихъ грунтовъ малороссійской старшиной.

Ордеръ съ полковой прилуцкой канцеляріи панамъ сотникамъ полку прилуцкаго: полковому Степану Лукомскому, монастырскому Ивану Романовичу, ичанскому Андрею Стороженку, пваницкому Федору Свѣрскому, карабутовскому Самойлу Левандовскому, красно-колядинскому Петру Максимовичу, сребранскому Николаю Троцинѣ, варвинскому Димитрію Конѣскому да журавскому Федору Тарасѣвичу:

Сего декабря 23 въ указѣ ея императорскаго величества изъ войсковой генеральной канцеляріи написано: прошедшихъ де разныхъ годовъ неоднократно де отъ войсковой генеральной канцеляріи во всѣ полки малороссійскіе, въ томъ числѣ и въ полкѣ прилуцкій, о нескуплѣ козаковъ предлагаемо было, а особливо въ минувшомъ 1739 году, по состоявшему имянному, блаженныя и вѣчно-достойныя памяти, ея императорскаго величества, государинѣ Анни Іоанновны, самодержицы всероссійской, за собственною ея императорскаго величества рукою, указу накрѣпко запрещено, чтобъ отнюдь никто ни подъ какимъ видомъ не точию козаковъ, но и козачихъ грунтовъ завладѣвати и за собою закрѣпляти, впредъ до высочайшого ея императорскаго величества соизволения и указу на то не дерзаль, да кромѣ де того, и сего 1741 году, по силѣ полученнаго изъ правительствующаго сената о прощени винъ полковника нѣжинскаго и полковой старшины, и кои 736 и 734 года грунта у козаковъ покупил, и о возвращеніи безденежно, и о нескуплѣ впредъ во всей Малой Россіи, въ противность указамъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ.

Указами изъ войсковой генеральной канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые изъ сотниковъ, въ отмѣнность оныхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ, паки дерзали изкупивъ козаковъ у подданство себѣ привращати, въ чомъ на нихъ въ войсковую генеральную канцелярію и жалобы произошли, почему отъ генеральной войсковой канцеляріи изслѣдовати велѣно, и по изслѣдованіи де безъ достойнаго штрафа виновному никакъ оставлено не будетъ; но дабы иногда

таковыхъ весьма предосудительныхъ, въ отмѣнность ея императорскаго величества указовъ, поступковъ и въ другихъ местахъ паче чаянія происходитъ не могло, того ради велѣно тѣмъ ея императорскаго величества указомъ, дабы такъ полковая старшина, яко и сотники, по силѣ оныхъ запретительныхъ о томъ высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, всеконечное и безъ сысканія и малѣйшія отмѣны чинити исполненіе, и того требовати подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ упущеніе или послабленіе истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того той состоявшійся подтвердительный о томъ указъ вездѣ по всѣмъ полку прилуцкаго сотнямъ опубликовати, и о полученіи и исполненіи прислати въ оную войсковую генеральную канцелярію репортъ, а особливо въ слушаніи и исполненіи одного такъ полковой старшинѣ, яко и сотникамъ подписатся, и тѣ подписки прислатъ въ генеральную войсковую канцелярію немедленно.

Того ради сего числа, по содержанію одного ея императорскаго величества указа, опредѣлено въ прилуцкой канцеляріи послати во всѣ полку прилуцкаго сотнѣ къ сотникамъ настоящимъ и наказнымъ, такожь и сотеннымъ старшинамъ сей ордеръ, найкрѣпчайше напомянуть, дабы они по силѣ запретительныхъ о томъ ордеровъ, всеконешне, безъ всякія и малѣйшія отмѣны, чинили исполненіе и того, яко настоящіе сотенные командири, сами они перестерегали, подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ упущеніе и послабленіе самимъ имъ истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того сей состоявшій подтвердительный о томъ ордеръ вездѣ по всѣмъ сотенъ своихъ селамъ и деревнямъ публиковати, о полученіи и о исполненіи, вмѣсто репорта и отрепортованія о томъ въ генеральную войсковую канцелярію, на семъ ордерѣ подписатся, а особливо о слушаніи и исполненіи одного, такъ настоящимъ, яко и наказнымъ сотникамъ и сотеннымъ старшинамъ на сообщеной при семъ ордерѣ подписки подписатся должно, и оный ордеръ, начавъ отъ полковой сотнѣ, во всѣ по ряду, списавъ съ одного точные копѣи съ нарочнымъ, промѣчая на ономъ, какого числа и часа полученъ ордеръ, въ другую сотню съ кимъ отпращенъ будетъ, съ росписками отсылати, а отъ Журавки должно оный тѣжь съ нарочнымъ сюда прислатъ. Данъ въ Прилуцѣ, декабря 24 дня, 1741 года.

На ордерѣ тако:

Григорій Галаганъ.

Полковий писарь Иванъ Александровичъ, канцеляристъ Григорій Леонтиевъ.

По указу ея императорскаго величества, мы нижеподписавшіеся полку прилуцкаго полковникъ, полковая старшина, сотники и сотенная

старшина сею нашею подписею въ войсковую генеральную канцелярію обовязуемъ, что ежели-бы имѣли мы сами козаковъ и ихъ кр҃унта скупляти, кои указами ея императорскаго величества въ продажи и въ покупки воспящени, то должны подлежати неотмѣнно таковому штрафу, какой по указамъ ея императорскаго величества за такови скуплѣ положень. 1741 году декабря 29 дня.

(На копіи подпсались полковникъ и вся полковая старшина).

Списано съ копіи. Н. С—ко.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о разграниченіи земель между жителями селъ Мартиновки и Рожновки.

Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ
Днѣпра гетманъ

Іоанъ Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго нѣжинскому, старшинѣ его полковой, а особливо сотниковѣ ивангородскому и всѣмъ войсковимъ и посполитимъ того полку обивателямъ и кому колвекъ, теперь и въ потомніе часи, вѣдати надлежатиметь, симъ нашимъ ознаймемо универсаломъ: поневажъ заводъ мартиновскихъ жителей зъ рожнувскими о поля спорніи чрезъ немалій часъ трымае и не могль прійти до мирного окончанія, того ради мы нарочито послали отъ боку нашего пана Александра Чуйкевича, знатного товариша войскового туда съ крайною волею нашею, для всеконечного размежованія тихъ поль, которіи увазѣ своей давнюю границу, высланными одъ покойного Василя Забѣли мижи ими мартиновцями и его тогда подданными рожнувцями составленную и коцями въ розиску выраженными, у своихъ мѣстахъ лежащими, раздѣленную, узнавши быти за твердую и правдивую, обнови и въ первобитномъ составленіи оную быти подтверди, яко розграниченіе поля и на паперѣ, для лучшей въ потомніи часи крѣпости, велѣлисмо выписати, за симъ мы гетманъ тое его пана Чуйкевича пилное разсмотрѣніе и размежованіе грунтовъ между мартиновцями и рожнувцями, давнихъ коцовъ предреченнихъ поновою теперь означенное, яко разсудили бити слушное и обомъ сторонамъ безобидное, такъ оное симъ нашимъ универсаломъ стверждаемъ, которою повагою пилно варуемъ и приказуемъ, даби тое розграниченіе, знаками въ розиску выраженными, оциркліоване и моцненне, зъ обоихъ сторонъ цѣло и твердо въ потомніе вѣки было содержано и ништо зъ старшини и чернѣ

оного нарушати не дерзаль, а особливе, яко мартиновцѣ въ рожнувское поле вступати, такъ и рожнувцѣ въ мартиновскіе грунта вpirатися чрезъ Забѣлинскіе копци, теперъ поновленіе, важною мѣрою, подъ зарукою таларей двохъ сотъ и невступнимъ войсковимъ срогимъ караннемъ и винами правними, не важились, упоминаемъ. Данъ въ Глуховѣ въ канцеляріи нашей войсковою. Августа 5, року 1714.

М. П. Звишменованній гетманъ рукою власною.

2. Децизія или рѣшеніе гетманскаго уполномоченнаго по сему дѣлу Андрея Чуйкевича, подтвержденное универсаломъ Скоропадскаго.

Децизія.

Поневажъ одъ ясневельможного, его милости, пана гетмана сей розискъ узнанъ есть за слушній и подлугъ оного зуполное есть злеценіе учинить всеконечную границу межи полями мартиновскими и рожнувскими, яко листъ приватній егожъ панскій совершенно въ томъ мене информуетъ, теди властію одъ ясневельможного рейментара и добродѣя моего миѣ данною розграничаю мартиновскіе и рожнувскіе поля копцами небожчика пана Забѣли Василя вышменованными, а теперъ ново поновленними; а концямъ пана Івана Кераевскаго, товариша войскового, за дорогою къ ичанскимъ полямъ, на мартиновскихъ кгрунтахъ покопаннимъ нѣтъ мѣстце, потому, же рожнувцѣ своимъ противнимъ перераннемъ нивочтожили, ихъ озеро, противъ хойхи будучое, мартиновцямъ по прежнему приворочается, и же одъ первѣйшого въ Мартиновки поселенія надлежить и прислушаетъ оное мартиновцямъ, безъ которого и прожити имъ невозможно, яко самого мѣстца положеніе виявляє, а що рожнувцѣ, впершись, на той сторонѣ, гдѣ озеро, поорали поле мартиновске, то до того орання однюдь вже не мають наймнѣйше интересоватися рожнувцѣ, понеже тое поле мартиновскимъ рукамъ досталось, подлугъ граничнихъ копцовъ, одъ конца Забѣлиного узъ дорогу парафѣевску покопаннихъ до бугра противъ хойхи и по знаки граничніе и межовіе ичанскіе аж до Утки и озера за сръбранскимъ шляхомъ. Звлаща же и Бусенко и Андрей Почотирко, старинни жители рожнувскіе повѣдали, ижъ за дорогою парафѣевскою противъ хойхи и за озеромъ межи кгрунтами мартиновскими и ичанскими нѣколи не мали себѣ кожноі они рожнувцѣ части наименшой сѣнокосной, черезъ тую теди границу иркѣевскимъ жителемъ одъ молодого небожчика Забѣли составленную, а теперъ новими копцами обновленную и правними постуцками укрѣплен-

ную, абы такъ мартиновци не вступали въ рожнувске поле и сѣнокоси, яко и рожнувцѣ абы наинѣйше не впирались до мартиновскихъ кгрунтовъ, а не черезъ копци забѣлински, а не черезъ дорогу парафѣевскую до бугра, противъ хойхи, къ ичанскимъ полямъ границею оциркліованымъ до Утки и озера, пилно егожъ панскои велможности варую и неотступними правними винами и сротимъ войсковимъ караннемъ стверждаю. У Мартиновцѣ, іюля 19, 1714 року.

Александръ Чуйкевичъ, висланецъ рейментарскій.

Библіографія.

Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1884 г.

Приступая къ описанію мѣстечка радомысльскаго уѣзда Чернобыля, древняго Стрежева, авторъ счелъ нужнымъ рекомендоваться: «Военный человекъ въ отставкѣ, если владѣеть смысломъ, не обезсиленъ немощами и не обремененъ частными своими или чужими дѣлами, не можетъ долго сидѣть, сложа руки и ничего не дѣлая, кромѣ удовлетворенія животныхъ потребностей. Онъ привыкъ къ походамъ и обзорѣніямъ, притомъ съ своей обычной точки зрѣнія: защиты и нападенія, разумѣется воображаемыхъ, но возможныхъ». Такимъ заявленіемъ начинается свою книжку г. Л. П., очевидно свободнѣе владѣющій оружіемъ, чѣмъ перомъ. То оружіе, съ которымъ онъ выступаетъ на этотъ разъ противъ твердынь, «воображаемыхъ, но возможныхъ», не похоже на утонченную толедскую шпагу, какою маневрировалъ когда-то литераторъ Де-ла-Серда. Это тяжеловѣсная берданка, по правдѣ сказать, совершенно напрасно захваченная авторомъ въ свою экскурсію. Въ его маленькой книжкѣ ужасно много полемическаго задора. Дымъ отъ выстрѣловъ застилаетъ Чернобыль и мѣшаетъ ясно видѣть его очертанія... Между тѣмъ точныя и обстоятельныя описанія отдѣльныхъ поселеній и мѣстностей нигдѣ не могутъ быть такъ желательны и умѣстны, какъ въ юго-западномъ краѣ, живущемъ по старому, безъ земскихъ учрежденій и гласнаго обсужденія дѣлъ, гдѣ всѣ свѣдѣнія объ общественной и экономической жизни не выходятъ еще изъ стѣнъ канцелярій. Но къ такимъ описаніямъ менѣе всего примѣнительна воинствующая манера. Авторъ дѣлается мало убѣдительнымъ, когда, напримѣръ, въ вопросѣ о еврейскомъ вліяніи въ краѣ ставитъ въ вину евреямъ даже празднованіе субботняго дня (стр. 29), или въ сравнительномъ благосостояніи еврейскаго населенія Чернобыля подозрѣваетъ участіе Alliance Israelite. Строгость къ евреямъ вообще у

него большая. Единственного любезнаго отзыва удостоиваются у него сыны Израиля за форму своихъ могильныхъ памятниковъ, «удобныхъ для постройки брустверовъ», между тѣмъ какъ «круглыя» (?) надгробныя сооружеія христіанъ, по его отзыву, не годятся для этой цѣли. Предвзятая точка зрѣнія вносятъ путаницу во многихъ мѣстахъ описанія мѣстечка и его жизни. Такъ, рассказывая о черныбыльскихъ раскольникахъ, г. Л. П. заявляетъ, что они зажиточнѣе и развитѣе по уму, чѣмъ мѣстное православное населеніе и объясняетъ это обстоятельство «нѣкоторыми удобствами опеки и контроля официальнойности, а съ ней лишнихъ издержекъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ». И рядомъ, тутъ-же, дѣлаетъ изумительный выводъ, что «поэтому раскольники большею частію грамотны, не имѣя официальныхъ училищъ и обходясь безъ инспекторовъ, окружныхъ и сельскихъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи евреямъ, которые также почти всѣ грамотны, не имѣя официальныхъ училищъ и строгаго инспекторства надъ ними».

Тамъ, гдѣ замѣчанія автора подкрѣплены фактами, съ нимъ нельзя не согласиться. Таковы его выводы объ общихъ сторонахъ нашего духовенства, объ его сословной обособленности, о взглядѣ на церковь, какъ на источникъ дохода, и происходящей, вслѣдствіе этихъ причинъ, официальнойности отношеній между духовенствомъ и мірянами, не существующей у раскольниковъ и иновѣрцевъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Л. П. объ одномъ учрежденіи, тѣсно примыкающемъ къ церкви, но существующемъ помимо мѣстнаго духовенства: «при ильинской церкви существуетъ православное братство, самое давнее въ губерніи, учрежденное еще въ то давнее время, когда въ нашемъ краѣ духовенство болѣло съ народомъ общими болѣзнями и сохранившееся чудесно до нашихъ временъ, благодаря именно тому, что учреждено не по теперешнему типу братствъ или приходскихъ попечительствъ, обреченныхъ, подъ предсѣдательствомъ и завѣдываніемъ приходскихъ священниковъ, на служеніе духовному сословію, а по давнему обычаю обречено на служеніе самому православному черныбыльскому обществу, подъ предсѣдательствомъ и распоряженіемъ избраннаго обществомъ цихмистера, которымъ въ настоящее время состоитъ крестьянинъ Стефанъ Зозуля, завѣдующій имуществомъ братства и капиталомъ въ 2000 рублей. Имущество и капиталъ братства не смѣшиваются съ церковными суммами, коими распоряжаются консисторія и благочинные. Главное дѣло этого оригинальнаго братства—погребеніе мертвыхъ, даровое для бѣдныхъ и съ пожертвованіями для богатыхъ». Полнаго сочувствія заслуживаетъ также выражаемое г. Л. П. желаніе скорѣйшаго законодательнаго урегулированія положенія владѣльческихъ мѣстечекъ, подобныхъ Чернобылю,

или уничтоженія, на примѣръ, такой аномаліи, какъ устраненіе старообрядцевъ отъ выборовъ въ мѣстечкѣ, лишающее ихъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Объ этихъ старообрядцахъ (безпоповцахъ и поповцахъ) авторъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія. Онъ опустилъ только исторію ихъ поселенія въ Чернобылѣ, о чемъ нѣкоторыя данныя могъ найти въ «Архивѣ юго-западной Россіи» (ч. V, т. I). Подобно основателямъ «Вѣтки», они бѣжали отъ притѣсненій въ своемъ отечествѣ и поселились во владѣніяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, на правахъ «вольныхъ плебеевъ». Сохранился и договоръ ихъ съ графомъ Яномъ Ходкевичемъ, на основаніи котораго они поселились въ Чернобылѣ, нѣсколько раньше 1772 года.

Помимо указанныхъ слабостей, книжка г. Л. П. представляетъ довольно обстоятельный сводъ по исторіи, топографіи и экономической и общественной жизни Чернобыля. Она много выиграла-бы отъ устраненія «элемента борьбы», красной нитью проходящаго черезъ всю книжку и доходящаго до единоборства... съ правильною русскою рѣчью. Ревнителю русскіхъ интересовъ въ краѣ, какимъ безспорно оказывается г. Л. П., нельзя говорить: «онъ былъ женатъ съ Софіею Кмитовой», «препятствовавшихъ его волокитству онъ трактовалъ пулею», или «теоретическая забота четырехъ въ дѣйствительности сводится на ничто», и т. под. Если, по приведенному уже заявленію г. Л. П., онъ «не можетъ сидѣть, сложа руки», и литературной дѣятельности его суждено продолжаться, то нельзя не пожелать, чтобъ на устраненіе причинъ, вліяющихъ на достоинство его этимологическихъ и синтаксическихъ «построеній», была употреблена хотя нѣкоторая часть тягостнаго для него досуга.

В. Г — ко.

Ворскло, лірна поезія Я. Щоголева. Харьковъ. 1883 г.

Оживленіе малорусской литературной производительности въ началѣ шестидесятыхъ годовъ выдвинуло группу поэтовъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась въ «Основѣ». Въ памяти многихъ остались имена Кузьменка, Руданскаго, Глѣбова, Кулика, талантовъ не яркихъ, но искреннихъ и слишкомъ рано покинувшихъ литературную сцену. Избравшій спеціальный родъ, Глѣбовъ оставилъ басни, успѣхъ которыхъ не исчерпанъ до сихъ поръ, Кузьменко — стихи и талантливую повѣсть, остальные — по двѣ-три пьесы, которыя не забудутся. Съ прекращеніемъ журнала, а потомъ и вообще появленія малорусскихъ книгъ, эти голоса замолкли.

Нѣсколько раньше названныхъ писателей выступилъ авторъ названной книги. Его имя можно встрѣтить еще въ «Молодикѣ» Бецкаго, а подъ малорусскими стихами стоитъ оно въ «Хатѣ», вызвавъ въ то время живыя надежды. Судьба удалила потомъ надолго г. Щоголева отъ литературнаго поприща и не дала развиться полнѣе его дарованію. Но и по вышедшему сборнику его пьесъ, малому зерну, которое онъ берегъ для народной нивы, какъ-бы святыню сердца, его безспорно слѣдуетъ поставить во главѣ той группы поэтовъ, о которой говорилось сейчасъ.

Читатель, прежде всего, пріятно обрадованъ, встрѣчая поэта, сознательно стоящаго на художественной почвѣ. Вопросъ о тенденціозной и художественной поэзіи въ украинской письменности не можетъ быть, впрочемъ, вопросомъ. Разрѣшеніе его дано массою созданныхъ самимъ народомъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ чувствомъ красоты, т. е. идеала. Высокія идеи присущи высокимъ сердцамъ, какими не могутъ не быть поэтическіе таланты. Но силу поэзіи даютъ не идеи, а ихъ выраженіе, жизненность образовъ. Въ яркости образовъ, въ силѣ чувства и въ томъ особенномъ своемъ освѣщеніи, какое сообщаетъ предметамъ и мыслямъ духовный складъ поэта—все вліяніе и дѣйствіе поэтическаго дара. Насъ миновала, и да минуетъ впредь, борьба съ искусствомъ въ области самаго искусства, равно какъ и опытъ переложенія въ стихи передовыхъ статей. На этомъ полѣ копья ломаются до сихъ поръ, хотя сила здраваго смысла беретъ свое и назвать Пушкина празднымъ забавникомъ рѣшится теперь только безпредѣльно самоувѣренное невѣжество.

Г. Щоголевъ хорошо обдумалъ свои поэтическіе ресурсы и хорошо овладѣлъ ими. У него есть качество важное для писателя и не часто встрѣчающееся: правильное сознаніе своихъ силъ. Нѣтъ пьесъ рефлектирующихъ, нѣтъ тенденціозной поэзіи и нѣтъ также, скажемъ вскользь, достающихся дешево переводовъ русскихъ поэтовъ. Истинная сфера его творчества—небольшая картинка, типъ, проявленіе какого либо чувства, все согрѣтое сильнымъ лиризмомъ; краски его всегда народны, и муза не покидаетъ степи, лѣса, хаты и поля.

Таковы его описательныя вещи. Но встрѣчаются у него стихи и иного порядка. Господствующій тонъ тѣхъ немногихъ пьесъ, гдѣ онъ открываетъ свой собственный душевный міръ—глубокая скорбь. Нетронутая, чистая природа, простой, старый, вольный строй жизни, любовь къ ближнему, сочувствіе страданью и бѣдности—таковы поэтическіе завѣты, съ какими онъ вышелъ въ міръ. Жизнь изломала и разбила сны юности, разувѣрила въ чистыхъ надеждахъ, отняла все дорогое,

оставивъ на двѣ души горькій осадокъ. Свѣтъ подернулся въ глазахъ его дымкой лжи и грязи и міровоззрѣніе поэта доходитъ до пессимизма.

Этихъ, проникнутыхъ скорбью пьесъ, не много въ книгѣ («Струни», «Степъ», «Вітрові», «Покій», «Січа», «Годинникъ», «Пляцъ», «Тестаментъ»). Какъ тѣ люди, которые умѣютъ хоронить свою скорбь и не открываютъ первому встрѣчному свои душевныя раны, поэтъ предпочитаетъ рассказывать о чемъ нибудь другомъ и рисуетъ отгѣненные лиризмомъ, живыя картинки жизни. И по выдержанности и по формѣ это лучшія вещи въ сборникѣ. Самыя свѣтлыя между ними относятся, конечно, къ раннему времени, къ молодой порѣ. Такія пьесы, какъ «Безрідні», «У полі», «Шинокъ», «Розцвіла червона квітка надъ водою», «Хвороба», «Колядка», «Весна» и еще двѣ-три, по своей граціи и задушевности, могутъ быть названы безукоризненными. Мѣткостью стиха и своей изящной сдержанностью онѣ должны-бы, безъ сомнѣнія, нравиться въ народной средѣ, если-бы книги чаще и легче проникали въ хату. Доказательство, впрочемъ, на лицо: пьеса «У полі» невѣдомыми путями проникла въ народъ и поется кое-гдѣ, какъ пѣсня, утративъ, по обыкновенію, при такомъ переходѣ, самую память объ авторѣ.

Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ стихотвореній рисуются типы труда и трудящагося люда («Ткачъ», «Косарі», «Будинокъ», «Могильщики»). Эти пьесы заставляютъ вспомнить невольно Пьера Dupont. Извѣстная аналогія приемовъ производитъ сходство въ формѣ и, читая пьесы этого рода въ книгѣ г. Щоголева, не разъ вспоминаешь знаменитое начало пѣсни «Les ouvriers»:

Vous, dont la lampe le matin,
Au clairon du coque se ralume!..

Въ этихъ пьесахъ и въ балладахъ («Поминки», «Рыбалка», «Лоскотарки») авторъ чрезвычайно умѣстно и счастливо вводитъ живописныя старинныя выраженія, народныя названія растеній и принадлежностей ремесль, — слова столь образныя, что подъ ихъ звукомъ какъ-бы чувствуется самый предметъ. Баллады г. Щоголева очень картинны и ничѣмъ не уступятъ лучшимъ произведеніямъ этого рода у Алексѣя Толстого или Полонскаго.

Авторъ «Ворскла» чистѣйшій лирикъ. Его дарованію совершенно чужды ноты сарказма или дидактическій тонъ. Пьесы съ этимъ отгѣнкомъ («По закону», «До бурсаківъ», «Швецъ», «Якось намъ солі не стало на страву») совершенно ничтожны и лишніи и нарушаютъ своей дисгармоніей цѣльное впечатлѣніе книги. Таковъ-же «Покинутый хутіръ»,

съ его странною скорбью о разоренномъ дворянскомъ гнѣздѣ, менѣе всего умѣстною послѣ этихъ строкъ вступительной пьесы «Струни»:

Не тобі я, добродію,
Сытый та щасливый,
Друковатиму мій гомінъ
Щирый и мисливый.

Щобъ тобі его утямить,
Щобъ зъ нимъ одружитись,
Треба знову безъ сорочки
На свѣтъ народитись...

Въ пьесѣ, которую можно-бы назвать «Видѣнье въ зеркалѣ», поэтъ очень образно рисуетъ судьбу народа въ родной слободской Украинѣ. Только манерность нѣкоторыхъ куплетовъ нарушаетъ впечатлѣніе, также какъ въ стихотвореніи «Келихъ», гдѣ употребленіе техническихъ словъ доведено до излишества и ими совсѣмъ задавленъ поэтической замыселъ вещицы. Подобныя отступленія у г. Щоголева, впрочемъ, не часты, и его надо причислить къ поэтамъ—строгимъ къ себѣ, совершенно справедливо взвѣшивающимъ не только каждое слово, какъ надо дѣлать въ прозѣ, но и каждый звукъ.

Въ этихъ семи десяткахъ стихотвореній видѣнъ прирожденный поэтъ. Если онъ не настолько силенъ, чтобъ заставить подражать себѣ, то самъ безспорно не подражаетъ никому, и въ украинской поэзіи его имя не будетъ забыто.

В. Г—ко.

Юмористическіе рассказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. В. П. Жуковскаго. Кіевъ. 1884 г.

Два слова объ этой книжонкѣ мы скажемъ не съ цѣлью ея разбора. Будучи продуктомъ рыночной литературы, она таковому не подлежитъ. Мы хотимъ выразить только изумленіе, какъ съ такимъ умственнымъ багажемъ можно являться, хотя-бы и на рынкѣ. Никогда не встрѣчалось намъ ничего болѣе тупого и плоскаго. Прародители всѣхъ этихъ русскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и иныхъ сценъ: гг. Горбуновы, Вейнберги, Лейкины, въ сравненіи съ г. Жуковскимъ, кажутся гигантами. А онъ увѣряетъ насъ, что рисуетъ бытъ классической страны юмора, гдѣ насмѣшливая нотка проникаетъ рѣчь всякаго, отъ малаго ребенка до дряхлаго старика... Каждый изъ этихъ рассказовъ и сценъ производитъ

впечатлѣніе, какое вызываетъ въ обществѣ сказанная кѣмъ нибудь тупая пошлость, которой смѣется одинъ рассказчикъ, при гробовомъ и сострадательномъ молчаніи слушателей.

Г. Жуковскій не читалъ, конечно, ни Гоголя, ни Квитки. Но чтобы знать, что такое малорусскій юморъ, ему стоило прислушаться только къ народнымъ рассказамъ или заглянуть въ печатные ихъ сборники. У него отпали-бы тогда какъ охота издавать свою книжку, такъ и желаніе взимать за свое остроуміе по 25 копѣекъ.

Онъ не знаетъ, конечно, что многія произведенія нашихъ писателей суть ничто иное, какъ записанные изъ устъ народа рассказы и что еслибъ дать себѣ трудъ записывать остроумную болтовню деревенскихъ балагуровъ, то составила-бы библіотека, подъ которой, какъ соръ, затерялись-бы книжки, подобныя издѣлію г. Жуковскаго и его присныхъ.

На зарѣ малорусской письменности первые писатели, люди съ талантомъ, погрѣшили, присвоивъ нашему сельскому люду тупыя и дураковатыя черты. Это могло находить объясненіе въ эпохѣ, когда одинъ выходъ на сцену мужика казался уже дерзостью. Питомцы той традиціи, гг. Ващенко-Захарченки и tutti frutti, держались старыхъ преданій, но лишились уже старыхъ свойствъ: ума и веселости. Карающая Немезида расправилась по своему съ упорствующими до сихъ поръ псевдонародными гаерами и наградила ихъ глушостью, обезоруживающей негодованіе.

Г -- ко.

Демидовъ Санъ-Дonato. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.

Намъ доставлена книга, заглавіе которой мы привели. Авторъ оной, или только издатель, какъ догадываются нѣкоторые, видимо желаетъ самой широкой для нея публикаціи или-же разносторонняго разбора ея и обсужденія. Объ ней однако такъ много говорилось въ нашей печати, въ изданіяхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, что говорить вновь послѣ того, что всѣми было прочитано, значило-бы досаждать читателю и такъ сказать мозолить ему глаза тѣмъ, отъ чего, быть можетъ, онъ давно уже отвернулся. «Помочи, галстухи, перчатки, духи, помада, одеколонъ»..., слышите вы на каждомъ шагу, проходя мимо еврейскихъ лавочекъ и испытавъ уже, что это за товаръ, переходите на другую сторону, чтобы не слышать болѣе самыхъ зазываній. Подобное впечатлѣніе можетъ производить и широкая публикація, полученная названною нами книгою. Притомъ намъ вовсе чужда всякая публицистика и та внутренняя политика, которая широко разводится здѣсь на

девяти десяткахъ страницъ веленовой бумаги; мы имѣемъ дѣло лишь съ исторією, притомъ мѣстною, а въ этой области еврейскому вопросу посвящено въ книгѣ всего три страницы. Намъ, слѣдовательно, говорить тутъ почти не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ оставить безъ вниманія и этого микроскопическаго явленія въ области нашей исторіи, хотя-бы для того, чтобы отмѣтить фактъ, камъ мало придается ей значенія въ рѣшеніи такого даже вопроса, который вписанъ въ нее слезами и кровію, и какъ подгоняются къ рѣшенію предвзятой задачи ея общія указанія.

Г. Демидовъ Санъ-Дonato, или стоящій за его спиною иной авторъ хочетъ построить проэктъ равноправности евреевъ въ Россіи на двухъ страничкахъ изъ исторіи той обширной области, которой собственно и принадлежитъ вся исторія еврейства Россіи. И здѣсь впрочемъ онъ не сказалъ ничего инаго, кромѣ избитой и затасканной мысли, которую онъ проводитъ чрезъ всю исторію еврейства, что только-де религіозный фанатизмъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось жить евреямъ, въ соединеніи съ невѣжествомъ народныхъ массъ, былъ причиною и вѣковыхъ страданій евреевъ и тяжелыхъ, хотя совсѣмъ несправедливыхъ противъ нихъ обвиненій. И въ Польшѣ, и въ Литвѣ бѣдные еврейчики, по мнѣнію автора, послѣ тѣхъ страданій, отъ которыхъ они бѣжали сюда изъ Европы, старались честно трудиться въ отведенной имъ якобы единственной сферѣ торговыхъ занятій; но тутъ, послѣ люблинской уніи, произошелъ переворотъ во внутреннемъ строѣ польскаго королевства, который будто-бы измѣнилъ ихъ соціальное положеніе и внутреннюю организацію ихъ общинъ и испортилъ дальнѣйшую ихъ репутацію: усилившаяся на счетъ королевской власти шляхта гнала-де ихъ отъ себя, а мѣщанство стѣсняло ихъ въ торговлѣ, такъ что они несчастные по неволѣ стали въ положеніе ростовщиковъ и факторовъ, начали арендовать у празднои шляхты всякія статьи доходовъ и доведены были до такой крайности, что брали въ аренду самыя даже церкви... Понятно, что это вызывало месть и расправу народа какъ съ панами, такъ и съ жидами, но виноваты тутъ собственно паны, а имъ евреямъ отъ чего-же и не тѣснить тѣхъ, которыхъ всѣ тѣснили...

Въ томъ-же смыслѣ авторъ книги даетъ объясненіе происхожденію нынѣшней обособленности нашихъ евреевъ и кагальнаго ихъ устройства. Въ періодъ ослабленія въ Польшѣ и Литвѣ государственной власти, въ періодъ усиленія шляхетскаго произвола и необеспеченности личности, соединялись де люди въ разные общественные союзы, подъ названіемъ цеховъ, гильдій и братствъ, въ которые однако не принимались евреи, сама де шляхта организовалась въ брѣвскую, общественную и политическую группу; ну, и бѣдные, покинутые всѣми, еврейчики

соединились также въ свою отдѣльную ассоціацію, а когда литовскіе евреи соединились съ польскими, сталъ большой кагалъ, который существуетъ и доселѣ. Виноваты опять Польша, шляхта, цехи, братства, мѣщане и рядовые шляхтичи, но только не евреи; эти послѣдніе, тѣснимые всѣми, всегда уединялись въ сферу свободныхъ занятій, которыми пренебрегали другіе, въ томъ числѣ и въ ростовщичество, шинкарство и арендованіе церквей.

Одну только свѣтлую пору находитъ авторъ въ судьбѣ нынѣшнихъ русскихъ евреевъ, именно пребываніе ихъ подъ властію литовскихъ князей: тутъ евреи были вполне свободны, равноправны, не обособлялись отъ остальнаго населенія, носили одинаковую съ нимъ одежду и мѣстныя даже фамиліи, какъ Шпакъ, Бородавка и пр. Авторъ только не упоминаетъ о томъ, что и отсюда за что-то выгнали евреевъ и подвергли конфискаціи ихъ имущество, а также—что они ухитрились снова втереться въ милость къ князю, ихъ изгнавшему и потомъ опять принявшему.

За что здѣсь, какъ и вездѣ, евреевъ гнали и преслѣдовали, авторъ не говоритъ, предполагая, конечно, всюду одну и ту же причину—религіозный фанатизмъ и невѣжество окружавшей евреевъ среды. Только съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма и разсѣяніемъ невѣжества въ государствахъ Западной Европы наступила, по мнѣнію автора, для евреевъ эпоха мира и благоденствія, другими словами: только тамъ они забрали верхъ, гдѣ возобладалъ религіозный индифферентизмъ и космополитизмъ.

Все переданное нами изъ quasi историческаго очерка автора разбираемой книги не есть, конечно, никакая исторія и не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Голый и краткій перечень законодательныхъ мѣръ противъ евреевъ, общія фразы объ ихъ страданіяхъ, подтасовка и искаженіе общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ не способны дать вѣрныхъ выводовъ и послужить правильному разрѣшенію еврейскаго вопроса. Для этого, кромѣ многаго другаго, прежде и болѣе всего нужна обстоятельная и правдивая исторія внутренней жизни самихъ евреевъ, ихъ отношеній къ другимъ частямъ населенія, ихъ занятій и способовъ жизни, ихъ идеаловъ общественныхъ и принциповъ нравственныхъ, ихъ вѣроученія и правоученія. Все это обходится не только защитниками, но и обвинителями еврейства: у первыхъ нѣтъ для этого достаточно честности и мужества, у вторыхъ просто знанія. Внутренняя исторія еврейства, а также вѣроученіе и правоученіе евреевъ составляютъ, можно сказать, кромѣшную тьму, а безъ ихъ разъясненія не возможно правильное сужденіе о томъ, что мы называемъ еврейскимъ во-

просомъ. Въ нашихъ рукахъ находилось обширное изслѣдованіе современнаго вѣроученія и правоученія еврейскаго, принадлежащее лицу, которое посвятило этому труду 20 лѣтъ своей жизни. Авторъ этого неизданнаго сочиненія оставляетъ совершенно въ сторонѣ *Талмудъ*, какъ сборникъ самыхъ противорѣчивыхъ сентенцій и наставленій, изъ котораго съ полнымъ удобствомъ извлекаютъ обыкновенно доказательства *pro* и *contra* еврейства, но беретъ тѣ равносильныя нашимъ каноническимъ книгамъ изданія, которыя признаются въ нашемъ и заграничномъ еврействѣ священнѣйшими и важнѣйшими руководствами въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни, и по строгому и всестороннему ихъ разборѣ приходитъ къ заключенію, что это никакая вѣра и никакая нравственность, а лишь длинный рядъ правилъ и наставленій на всевозможные случаи практической жизни—относительно того, какъ обходить въ нихъ не только обрядовый, но и нравственный законъ и самаго Господа Бога. Нельзя, на примѣръ, давать деньги въ ростъ, но можно дать ихъ *единовѣрцу*, чтобы онъ купилъ и перепродалъ что-нибудь, и вообще на предметъ торговли, подъ видомъ помощи, а барыши или проценты придутъ подъ видомъ благодарности, и—нарушенія закона не послѣдуетъ. Нельзя обманывать, но для защиты и блага своего народа это не будетъ грѣхъ. Тяжкій грѣхъ еврею перейти въ христіанство, но если онъ будетъ полезенъ своимъ, онъ не исключается изъ ихъ общества. Нельзя *вознестать* огонь въ субботу, а слѣдовательно и ставить самоваръ, но можно, говоря громко: «Ахъ какъ-бы хотѣлось мнѣ напиться чаю!» въ полголоса прибавить, но такъ, чтобъ слышалъ тотъ, къ кому это должно относиться: «Иванъ, поставь самоваръ»... И эти книги во всеобщемъ употребленіи, по нимъ располагаетъ свою жизнь вся масса нашего еврейства, которая творитъ жизнь и... погромы. Вотъ что надо раскрыть и изучить, а не творенія великихъ философовъ, поэтовъ и разныхъ артистовъ изъ евреевъ. Нельзя не пожелать, чтобы было издано въ свѣтъ изслѣдованіе, о которомъ мы упомянули и котораго лишь обрывки остались теперь въ нашей памяти. Во всякомъ случаѣ оно послужило-бы первымъ шагомъ на томъ пути къ изученію еврейскаго вопроса, на который мы выше указали и который признаемъ единственно надежнымъ. Но авторъ онаго не имѣетъ средствъ для изданія. Не приметъ-ли на себя этого изданія г. Демидовъ-Санъ-Донато? Адресъ автора мы готовы указать.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ЕВРЕЙСКІЙ ПЛѢНЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ 1770—1772 ГГ.

Въ недавно добытыхъ мною обрывкахъ архива „последней“ Сѣчи Запорожской, я среди тысячи бумагъ, вполне истлѣвшихъ и по неволѣ преданныхъ мною огню, отыскалъ еще много довольно любопытныхъ документовъ, особенно: о *гайдамакахъ*, о войнахъ 1769—1774 годовъ, о сношеніяхъ Запорожскаго съ крымскими и ногайскими татарами, о торговлѣ съ Очаковомъ и Польшею и проч. Между ними нашелъ я довольно любопытную переписку о „Еврейскомъ плѣнѣ въ Запорожьѣ“, которою желаю подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

Во время достославной Румянцевской компаніи противу турокъ и татаръ (1769—1774 г.), посланъ былъ, по волѣ главнокомандующаго, одинъ отрядъ запорожскихъ козаковъ на лодкахъ, подъ командою храбраго войсковаго старшины *Данилы Третьяка*, къ устьямъ Днѣпра и Буга, для поисковъ противъ непріятеля, особенно близъ Очакова и Кинбурна. Эта „Низовая команда“ или „Пѣхота“, во время вылазки и преслѣдованія татаръ по берегу, захватила въ ногайскихъ степяхъ, въ октябрѣ 1770 года, часть тabora крымскаго хана Крымъ-Гирея и въ немъ плѣнныхъ волоховъ и евреевъ, всего 673 души. Вѣроятно это былъ „ясырь“, добытый татарами за Днѣстромъ, или въ польскихъ предѣлахъ, который они вели въ Крымъ, на продажу туркамъ. Въ числѣ плѣнныхъ было болѣе 100 евреевъ съ женами и дѣтьми.

Походный Кошъ, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ: „кодакскому полковнику *Блакитному* „пригнанныхъ“ на Запорожьѣ

кущовскимъ атаманомъ *Максимомъ Ротомъ* плѣнныхъ принять и размѣстить въ селеніи Паланки и ждать дальнѣйшихъ приказовъ. Но тутъ явился весьма щекотливый вопросъ: кто и чѣмъ будетъ кормить плѣнныхъ? ибо еще прежде сего было приведено въ Запорожье 1,300 волоховъ, освобожденныхъ тоже изъ татарскаго плѣну, во время поисковъ близъ Очакова. На счетъ христіанъ дѣло обошлось просто: имъ дозволено было оставаться въ запорожскихъ предѣлахъ, или-же удалиться за Днѣпръ, въ малороссійскія селенія ¹⁾). Вслѣдъ за симъ отъ кошеваго съ походнаго Коша приказано: „такъ какъ повелѣно было, чтобы волоховъ распустить, а жидовъ отъ громады годовать, а иначе они всѣ съ голоду сгинуть, то полковнику кодакскому этому жидовскому народу харчевыя припасы отъ посольства отпустить съ запискою, сколько, какого числа, якихъ харчей или на то денегъ дано будетъ?“ Изъ документовъ видно, что для прокормленія жидовъ выдано проса 61 четверть, цѣною на 152 руб., и 58 четвертей муки.

Но евреи 25 октября просили кошевое начальство: что такъ какъ они, подобно волохамъ, не могутъ оставаться на жительство въ запорожскихъ предѣлахъ, а нуждаясь въ продовольствіи, отягощаютъ кодакскую громаду, то чтобы ихъ часть отпустили въ Польшу для добычи денегъ на „выкупъ“ ихъ изъ плѣна. Кошъ далъ приказъ войсковому старшинѣ Треть ку, какъ собственнику ясыра: „учинить въ командѣ своей о вышеписанномъ *консиліумъ* (совѣщаніе) и какъ у васъ о семъ положено будетъ, прислать къ намъ рапортъ.“ Третьякъ не медля отвѣчаетъ, что по опредѣленію всей *пѣхоты* (т. е. лодочной команды) рѣшено: отпустить 6-ть жидовъ въ Польшу для собранія денегъ на выкупъ и для ихъ конвоя назначень товарищъ кущевскаго куреня *Романъ Пащковскій*. Ордеръ походнаго Коша такъ любопытенъ, что мы списываемъ его буквально:

Г. полковнику кодацкому, Стефану Блакитному ²⁾).

„При опредѣленныхъ изъ Коша войска низоваго козакахъ, имѣете вы отбитыхъ пѣхотною запорожскою командою, при разбытіи

¹⁾ Мы полагаемъ, что эти волохи и молдоване были осадчими, т. е. основателями селенія «ВолосскіеХутора», въ 20 верстахъ отъ Екатеринослава.

²⁾ Блакитный (*blękitny*, съ польскаго) голубой.

ханскаго обоза и его ясыра, подъ Кинбургомъ жидовъ, если они находятся всѣ въ Новомъ Кодакѣ, собравъ, выбрать изъ нихъ шесть человѣкъ такихъ, которыхъ-бы здѣсь оставались жены и дѣти, либо родственники, а паче отцы, отпустить ихъ, съ посылающимъ при семъ свидѣтельствомъ, польской области въ разныя мѣста, къ ихъ родственникамъ, за конвоемъ сихъ козаковъ, для собранія договоренныхъ ими за содержаніе себѣ въ харчахъ и одѣяніи, также и на выкупъ 8,000 руб. денежной суммы, на пять мѣсяцевъ, съ тѣмъ имъ объявленіемъ, что если они тѣхъ денегъ въ показанный срокъ не выстарчатъ (не доставятъ), то оставшіеся въ Кодакѣ жида и все ихъ родство имѣютъ окрещены быть и по неволѣ, или самой смерти преданы будутъ, безъ всякаго пощаждѣнія, непременно“.

„13 ноября 1770 г.“

Но не смотря на упомянутый „консиліумъ“ запорожской пѣхоты и мудрый ордеръ походнаго Коша, случилось препятствіе (*цирконстанціе*, какъ сказано въ бумагѣ)¹⁾, какого наше „товариство“ вовсе не ожидало. Евреи лишь только достигли польскаго рубежа, то нашли тамъ покровителей поляковъ, которые посоветовали имъ прежде уплаты денегъ обратиться „съ слезнымъ письмомъ“ въ главную квартиру арміи, бывшую въ Яссахъ. И главнокомандующій, графъ Румянцевъ, послалъ въ Кошъ слѣдующій ордеръ:

„Жители польскаго мѣстечка Янова, жида, здѣсь объявили, что взяты они командою войска запорожскаго во время разбитія ханскаго обозу, при городѣ Кинбурнѣ, и отпущены отъ васъ съ срокомъ въ Польшу для збору денегъ на выкупъ себя и другихъ жидовъ изъ плѣну, и что, не находя себя въ состояніи собрать назначенную вами сумму, возвратиться опасаются. Я потому рекомендую вамъ прислать ко мнѣ безъ замедленія рапортъ: сей зборъ денегъ на выкупъ по собственному-ли вашему благопризнанію опредѣленъ, или въ сходствіе даннаго какова-либо о томъ отъ вышняго начальства повелѣнія?“

Графъ Румянцевъ.

„Яссы, февраля 26 дня 1771 года.“

¹⁾ Забавно читать въ козачьихъ письмахъ латинскія слова: *консиліумъ* (*consilium*, совѣтъ) и *цирконстанція* (*circumstantio*, случай); вѣроятно, писарями были учившіеся въ академіи или поляки, сдѣлавшіеся запорожцами.

На это Кошъ отвѣчалъ, что запорожская пѣхота съ боя взяла часть обоза крымскаго хана и въ ней бывшихъ плѣнныхъ волоховъ и жидовъ, и о своемъ подвигѣ донесла главному своему командиру графу Панину. Евреи, зная наши обычаи (воспрещеніе оставаться въ Запорожьѣ), пожелали свободы и сами предложили выкупъ. Войско согласилось и послало избранныхъ ими депутатовъ въ Польшу съ конвоемъ. 30-го апрѣля они уже были въ мѣстечкѣ Смѣлой (кіевской губ.), гдѣ евреи уже имѣли и деньги. Кошъ проситъ, слѣдственно, изъ уваженія къ службѣ пѣхоты и въ поощреніе новыхъ поисковъ надъ непріателемъ, утвердить эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что запорожскія селенія содержали и кормили евреевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Но Румянцевъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ, и еще разъ писалъ кошевому начальству:

„Получа вашъ рапортъ подъ № 728 на мой посланной къ вамъ ордеръ, и не видѣвъ въ немъ того, чтобы давало вамъ право освобождать плѣнныхъ за выкупъ, какъ сіе вы чините съ жидами, за коими я къ вамъ писалъ, схотѣлъ я вамъ тутъ изъяснить ту причину, по которой я вхожу въ сіе дѣло. По военному общему праву, плѣнникъ взятый оружіемъ принадлежитъ своею особою всегда государю; слѣдственно и свобода его не зависитъ отъ партикулярной воли воина, а найпаче въ продолженіи еще войны. Но еслили ваше войско исключительный имѣетъ для себя законъ, или древній обычай, позволяющіе вамъ поступать инако; я о томъ не вѣдая, нахожу однакожь за прилично припомянуть вамъ, чтобы вы сіе чинили, доложась настоящему своему командиру; а въ прочемъ, въ отдачѣ по условію денегъ выпущенными жидами, я воспященія не прикажу чинить.

Графъ Румянцевъ.

9-го маія 1771 года.

Изъ главной квартиры. Городъ Яссы.

Вскорѣ является и отъ самыхъ евреевъ изъ форпоста Семлика ¹⁾ всенижайшее донесеніе:

¹⁾ Въ Ново-Сербіи, т. е. въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсон. губ., на р. Выси, близъ Ново-Архангельска.

Его ясневельможности пану Кошевому.

„По нынѣшнимъ печальнымъ военнымъ обстоятельствамъ павшіе въ полонъ сродственники наши, жидаы, содержатся въ селеніяхъ принадлежащихъ войску команды вашей ясневельможности и по причинѣ не въ состояніи заплатить потребное число выкупныхъ денегъ, и по нынѣ не выпущены, о которыхъ всенижайшея прошенія приносимъ вашей ясневельможности. Мы по нашей бѣдности и нищетѣ, съ собранными 600 рублями, для заплату за тѣхъ нашихъ сродственниковъ, сюда къ семлицыну форпосту прибыли, но намъ пропуску чинить не могутъ здѣшніе командиры ¹⁾, того ради мы низжайше рабы вашей ясневельможности, всенижайше падаши къ ногамъ вашимъ, слезно молимъ: чтобы на нашу крайнюю нищету взирая, по своему вездѣ славившемуся великодушію, тѣхъ нашихъ родственниковъ приказали на нашъ коштъ съ повѣреннымъ отаманомъ сюда къ семлицыну форпосту доставить, для полученія отъ насъ вышепоказанныхъ 600 руб. денегъ, да привезеннаго для высокой вашей персоны 40 аршинъ кармазиннаго тонкаго сукна; для чего и посылаемъ при семъ нарочнаго отъ себя челоуѣка, съ прошеніемъ нашимъ и съ приложеніемъ письма его высокаго сіятельства, графа-фельдмаршала П. А. Румянцева о тѣхъ нашихъ однородныхъ.

Вашей ясневельможности низжайше рабы (подписи по еврейски).

Ноября 10. 1771 г.

Присланное евреями письмо графа Румянцева было слѣдующее:

Государь мой, Петръ Івановичъ.

Обыватели польскаго мѣстечка Янова и другихъ, жидаы, принесли вторичное прошеніе о освобожденіи взятыхъ войскомъ запорожскимъ ихъ однородцовъ, удерженныхъ по сіе время въ селеніяхъ войску принадлежащихъ, по той токмо причинѣ, что назначеннаго выкупа восьми тысячъ рублей не могли собрать по крайней нищетѣ своей. Надѣясь на извѣстное мнѣ ваше благоразсужденіе, прошу васъ, государь мой, приказать ихъ освободить, ибо, положимъ, хотя-бы и было обыкновеніе брать съ плѣнныхъ за выкупъ деньги; но въ уваженіи крайняго несостоянія ихъ выплатить требуемое

¹⁾ Ново-сербское военное начальство.

количество денегъ, надлежитъ показать челоуѣколюбіе надъ сими бѣдными людьми, кои, сидя въ неволѣ, лишены всѣхъ къ тому способовъ: а однородцы ихъ, пребывая въ Полше, отъ войны и болѣзней обнищавшіеся, о исправленіи своемъ стараяся, конечно пособить имъ не могутъ.

Пребываю въ прочемъ съ моимъ истиннымъ вамъ почтеніемъ,
государь мой, вашимъ покорнымъ слугою

Графъ Румянцевъ.

Октября 1771 года.

Получивъ хотя любезное, но и точное приказаніе, Кошъ собралъ сходку для рѣшенія этого дѣла и вотъ что было опредѣлено:

„1771 года декабря 7, атаманы куренные и козаки да старшины войсковые, будучи на сходкѣ, приговорили: чтобы взявши 600 руб. денегъ, жидовъ отпустить, ибо и графъ Румянцевъ неоднократно пишетъ въ Кошъ“.

Такъ окончилось это любопытное дѣло: 14 января 1772 года, Кошъ удостоилъ и жидовъ слѣдующимъ своимъ отвѣтомъ:

Жидамъ Самуилу Марковичу, Марку Лазаревичу и Мошку Осиповичу.

„При донесеніи вашемъ посланные 600 руб. деньги ¹⁾ и сукно чрезъ нашихъ нарочныхъ козаковъ: *Ивана Щоку* и *Данила Заволоку* получены тутъ исправно, а родственники ваши жида, находившіеся въ здѣшнихъ мѣстахъ, при семъ къ вамъ отправляются. А для охраненія ихъ въ пути и препровожденія до семлицкаго форпосту здѣшнихъ войсковыхъ три челоуѣка опредѣлено“.

А вотъ и финаль: кодацкій полковникъ Гаврило Поповичъ 20 января 1772 года донесъ Кошу, что на десяти повозкахъ, нанятыхъ евреями по 8 злотыхъ за всякую, доставлено въ Семликъ, т. е. на польскій рубежъ 77 евреевъ, съ дѣтьми и женами.

Въ заключеніе приводимъ благодарственное письмо евреевъ, писанное 15 февраля 1772 года изъ Умани:

„За освобожденіе нашего рода жидовъ, до границъ семлицкаго форпоста, безъ приключенія и ни отъ кого никакой обиды, благополучно препровожденныхъ, и за такое вашей ясневельможности

1) «Серебряною монетою», прибавлено, а въ Сѣчь даже царское жалованье выдавалось мѣдными деиьгами.

милосердіе и не оставленіе рода нашего приносимъ всепокорнѣйшую и нелицемѣрную нашу со всякою учтивостію и старшинамъ и всему войску запорожскому благодарность. Да и впредь ясневельможность вашу всенижайше упрашиваемъ, если, по волѣ всемилосерднаго Бога, еще подь случай нашъ родъ въ запорожское низовое войско попадется, не оставлять... Тѣ-же евреи, подь покровительствомъ ново-сербскаго маіора Павла Эрдели, достигли Умани, гдѣ мы достали, и въ презентъ вашему ясневельможности посылаемъ 8 головъ сахару, и просимъ оный принять и себѣ въ здоровье употреблять“.

А. Скальковскій.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ есть мѣстечко Рахмановъ; само по себѣ это мѣстечко маленькое, безъ всякой торговли, но интересное тѣмъ, что въ немъ почти нѣтъ жидовъ. Населяющіе это мѣстечко крестьяне представляютъ значительныя особенности, сравнительно съ крестьянами ближнихъ селеній; это народъ рослый, видный, свѣжій, трезвый, трудящійся и зажиточный; по типу они скорѣе подходятъ къ украинцамъ, чѣмъ къ волянякамъ. Между ними нѣтъ ни одного католика, тогда какъ окружающія это мѣстечко селенія, нѣкоторыя на половину, состоятъ изъ католиковъ. Это объясняется тѣмъ, что еще во времена польскаго владычества, даже при русскомъ правленіи, въ этихъ мѣстахъ была очень сильна католическая пропаганда. Въ семи верстахъ отъ Рахманова есть селеніе Сурожъ, огромное имѣніе, принадлежавшее іезуитамъ, гдѣ находились іезуитскія миссіонерскія школы. И теперь еще указываютъ въ сурожскихъ лѣсахъ мѣста, гдѣ іезуиты добывали желѣзную руду, указываютъ провалившіеся погреба, которые крестьяне засыпали, боясь ихъ раскапывать изъ суевѣрнаго страха передь іезуитскими проклятіями, страха, сохранившагося и до настоящаго времени. Въ 9 верстахъ отъ Рахманова Шумскъ, бывшій когда-то удѣльный городъ русскихъ князей. Въ этомъ мѣстечкѣ были католическій францисканскій монастырь и тринитарскія школы. Удивительно, какъ уцѣлѣлъ Рахмановъ, что между его обитателями нѣтъ ни одного католика.

Въ этомъ мѣстечкѣ проживаль столѣтній дѣдъ Иванъ *Добро-творъ*, которымъ очень гордились Рахмановцы. Я былъ знакомъ съ Добротворомъ, когда лѣтомъ прїѣзжалъ въ свое имѣніе, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рахманова. Добротворъ любилъ поговорить о старинѣ, особенно за чаркой водочки. Интересны его рассказы о временахъ польскаго владычества, о занятіи Волыни русскими войсками, о Суворовѣ, о переходѣ изъ уніи въ православіе и особенно о ненавистной панщинѣ и ея уничтоженіи.

„За Польщи біда була; паны грабували панівъ, а мужиківъ грабували жолніри, та ще якісь „драбы“ були; таки були обідрани, та здорови. Наровить прійти до хаты, коли мужиківъ немає дома, а сами жинки въ хаті, щобъ де що чи вкрасти, чи одняти. И виршу таку драбы собі зложили; якъ увійде въ хату, той каже:

Помогай Бігъ, тітко!
Несе драба дідько.
Дай мині солонины
Моій жінці на хрестины!
Не дай мині козы,
Бо въ торбу не влізе.
Не дай мині теля,
Бо на тебе буде веле.
Дай мині того франта,
Що висе у банта.

Себъ то ему сала, що мужики вішають на горіци до бантини.

Якъ забирали насъ підъ Россію, то війска було дуже багато, такъ якъ каші: та всі були у красній одежи, такъ якъ раки. Бачивъ я и Суворова; було якъ іде, то грають маршъ“. И Добротворъ проигралъ на губахъ маршъ, которымъ війска встрѣчали и провожали Суворова.

„А якъ одібрала насъ Россія одъ Польщи, то стали насъ на-вертати на благочестіе (на православіе); въ духъ усі пристали на благочестіе; паны дуже на тее гнівались, а мужики на те не потурали; пріихали якісь зъ Россіи, чи попы, чи ченці, чи може архимандриты и стали по церквамъ учити службу правити; якъ хто не второпа, то бере зъ рукъ братерську свічку, та такъ по голові и латае.

Татарь я вже не памятаю; а казали стари люде, що колись нападеніе було одь татарівъ; тоді усімъ заказували, щобъ купували собі рушниці: „продай, каже телицю, купи рушницю“. Казали, що козаки колись воювали зъ поляками; були козаки, „амбурьци“ назывались (очевидно, ямбургскій пікинерный полкъ), то ти багато поляковъ побили; а ще бувъ козакъ „Жертва“, той также багато поляківъ побивъ и одибравъ відь турка Бендеры и Очакивъ.

Якъ задумали поляки рухавку робити, то збирались у святого Яна ¹⁾ нібы юбилеушъ справляти, а вони збирались рухавку робити: іздили до Ярмолинець, коней купували и наряжали до рухавки своихъ козачківъ, лакеївъ, фурманівъ, пастушківъ. Панъ Менижскій ²⁾ въ Корсунахъ (лѣсное урочище) сподівався повстанцівъ и державъ тамъ сіно, овесь, хлѣбъ, мясо, горілку, сало; вінъ приказувавъ и мужикамъ давать полякамъ хлѣбъ, якъ будуть ити черезъ Брыково; ляхи почували въ Корсунахъ. Отъ за тее и взяли Менжиньского и, кажутъ, до Танбова его спровадили. Богъ Милосердный наславъ на поляківъ путь нечестивый и сами одь себе погибли.

За Польщи тяжкой панщини не було, а якъ настала Россія, то дуже тяжка панщина стала. Якъ повелось руськое начальство, то заразъ паны дали намъ мычки прясти; довго думали мы, що зъ тими мычками робити, а далі взяли, та й попалили ихъ, отъ паны и призвали руське начальство, а сі якъ стали намъ дрібною бобу сыпати (по просту пороть); то вже нема чого казати, треба панівъ слухати; то одь того часу уже тяжка панщина повелась. Бувъ панъ Стебницкій, той прикуе було чоловіка до колоды, та такъ чоловікъ и повинень зъ тею колодою ходити; у Стебницкого такій ящикъ бувъ выдовбанный зъ дуба; якъ не прийде хто на панщину, каже: заслабъ, то Стебницкій накладе въ той ящикъ снігу, положе туды слабого чоловіка, засуне ящикъ крышкою и лежить въ ящику чоловікъ, поки снігъ ростане. Були таки роги зроблени, надівавъ

¹⁾ Каплица между Рахмановымъ и Шумскимъ, къ которой поляки совершали въ прежнее время торжественные крестные ходы.

²⁾ Менжинскій—помѣщикъ с. Брыкова, бывший мировой посредникъ; за участіе въ мятежѣ 1863 г. имѣніе его конфисковано, а самъ онъ сосланъ. Брыково купила отъ казны графиня Блудова.

на людей роги; а було якъ забье якого чоловіка, то такъ въ корчахъ его и закопають. Такій ще бувъ и Прушиньскій. Було такъ бье людей, що тіло одстає одъ костей. Всі молили Бога, щобъ Богъ давъ намъ волю; бо въ „Отче-наши“ говорится: *да буде воля Твоя*, то мы и сподівалися воли. Потішивъ Царь міръ христіянскій, давъ намъ волю. Нехай Богъ за тее дає Царю корону въ небі.

Ой, спаси Бігъ нашому Царєви,
Що выручивъ мужиківъ
Зъ польскои неволи.
Ой, спаси-Бігъ щей нашій Цариці,
Що не ходять на паньщину!
Наши молодиці.
Ой, спаси-Бігъ тай нашій Царівні,
Що стали мужики
Зъ панами на-рівні.

Отъ таку мы пісню зложили и заспівали, якъ давъ намъ Царь волю!“

Ета пісня єсть чисто произведеніє народнаго творчества. Особенно хорошо поєть эту пісню „Ямпильскій дідъ“¹⁾. Лѣтомъ въ прошломъ году Добротворовъ умеръ, имѣя отъ роду 105 лѣтъ. До ста и болѣе лѣтъ онъ рубилъ еще дрова, а затѣмъ, не будучи въ силахъ рубить дрова, гонялъ на водопой скотъ до самой смерти.

Теперь уже не покажутся повстанцы ни въ Брыковѣ, ни въ Корсунахъ. Изъ корсунскихъ дубовъ графиня Блудова выстроила въ Брыковѣ церковь и школу. Интересна эта школа: въ ней учатся все молодое поколѣніє Брыкова, отъ 5 лѣтъ до женитьбы или до выхода въ замужество. Нѣтъ въ этой школѣ ни опредѣленныхъ каникулъ, ни экзаменовъ, ни отчетовъ. Приходи, кто хочетъ и учись: утромъ, вечеромъ, лѣтомъ, зимою, когда угодно. Учителемъ приходскій священникъ, не женатый, который живетъ въ самой школѣ. Въ церкви поєть Божественную службу все народонаселеніє Брыкова. Много сдѣлала для русскаго дѣла на Волыни графиня Блудова; много проявила она енергіи въ борьбѣ за русское дѣло и съ поляками и консерваторами. Стара становится графиня Антонина Димитріевна, а на смѣну ей нѣтъ и не видно челоуѣка.

И. О.

¹⁾ Мѣстечко Ямполь, кременецкаго уѣзда.

ЖИВОЙ УПЫРЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УМЕРШИМИ УПЫРЯМИ ¹⁾.

Курьезное такое происшествіе случилось въ 1831 году, въ селѣ Подосахъ, кіевской губерніи, бердичевского уѣзда. Впервые тогда появилась холера и своими многочисленными жертвами на долго оставила въ памяти народа этотъ годъ, извѣстный у него и доселѣ подъ названіемъ „великаго помірка“. Тогда по селамъ умирало ежедневно по нѣсколько десятковъ душъ въ каждомъ.

Завернула эта „пошість“ и въ с. Подосы. Съ начала іюня стали умирать селяне по одному, по два въ день; но чѣмъ дальше, тѣмъ смертность становилась больше. 24 іюня умерло восемь душъ, лежало больныхъ до двадцати.

Селяне не знали, что дѣлать, какъ отвратить отъ себя такое зло. Пробовали различныя средства: святили воду въ криницахъ на четырехъ концахъ селенія, заставляли нѣсколькихъ женщинъ, въ одеждѣ Евы, подъ вечеръ, оббѣжать вокругъ всего села; но ни то, ни другое средство нисколько не помогло. Наконецъ, кто-то посоветовалъ имъ обратиться къ Максиму Мазуренку, крестьянину сосѣдняго селенія Степанокъ, который, какъ ходилъ слухъ, можетъ излечивать всякую болѣзнь. 28 іюня два крестьянина изъ с. Подосовъ пріѣхали къ Мазуренку съ просьбой отправиться къ нимъ для истребленія открывшейся у нихъ болѣзни. Мазуренко согласился и на другой день былъ въ Подосахъ. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ онъ объявилъ крестьянамъ, что вся эта болѣзнь происходитъ отъ умершихъ недавно мѣстнаго пономаря и его жены, похороненныхъ въ одной могилѣ и гробу.

— Это они, говорилъ Мазуренко, встаютъ ночью, вылазятъ изъ своихъ гробовъ и ходятъ по селу, по хатамъ: гдѣ въ хату зайдутъ и дохнутъ на человѣка, тотчасъ онъ и заболѣетъ, а у кого еще и кровь высосутъ, тотъ не поднимется уже во вѣки вѣчные.

Тутъ его заявленіе подтвердила крестьянка Явдоха Карпенкова. Она стала рассказывать, какъ однажды позднимъ вечеромъ встрѣтила ее на улицѣ умершій пономарь и, ударивъ палкой, велѣлъ вести его къ своему сыну, мѣстному дьячку. „Я, говоритъ,

¹⁾ Дѣло изъ махновскаго уѣзд. суда о кр. Максимѣ Мазуренкѣ за откопаніе мертвыхъ тѣлъ и отрубленіе имъ головъ. 1831 г. Хран. въ К. Ц. Архивѣ.

подвела его къ дяковой хатѣ, отворила дверь и впустила его въ сѣни, а сама стала подъ хатою и слушаю, что-то будетъ; какъ вдругъ загрохотали горшки и миски въ хатѣ, а на другой день, помню, жаловался дьячекъ, что кто-то ночью потолкъ у него въ хатѣ всѣ миски и горшки: даже, говорить, шлеи и возжи нашель я близъ церкви, а помню хорошо, что съ вечера положилъ ихъ подъ хатою на завалинѣ“.

Хотя Явдоха считалась полуумной, но въ настоящую минуту почти все село потеряло голову, и всѣ вполне повѣрили заявленіямъ Карпенковой.

— Такъ что-жъ, Максимъ, нельзя-ли какъ бѣдѣ помочь?

— Отъ чего нельзя?—можно. Нужно только сейчасъ-же идти къ могилѣ пономаря и его жены, откопать ихъ и отрубить имъ головы; а то вотъ у васъ сегодня умерло девять душъ, а на завтра умретъ еще больше, если только этого не сдѣлать.

Нужно было добиться согласія дьячка, сына покойниковъ, которыхъ предложенная мѣра касалась. И вотъ громада направляется къ дьячку съ просьбой отрыть могилу отца и матери его.

— Что хотите, дѣлайте съ ними, только-бы они не ходили больше по селу, отвѣтилъ дьячекъ Ѳедоръ Левицкій.

Тогда громада, предводительствуемая Мазуренкомъ, двинулась къ кладбищу.

Разрыли могилу, открыли гробъ; Мазуренко съ топоромъ въ рукахъ вскочилъ туда и принялся рубить головы пономарю и его женѣ; ударилъ разъ, другой,—изъ перерубленной шеи показалась кровь.

— Вотъ видите, сколько проклятые выпили людской крови! замѣтилъ Мазуренко.

— И въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ замѣчаніе Мазуренка присутствовавшій при вскрытіи могилъ мѣстный сотскій Денисъ Дмитренко и прибавилъ: „а вѣдь все это кровь христіанская“.

— Дайте-же мнѣ осиноый колъ, я ихъ приткну тутъ до самой земли; тогда ужъ не поднимутся больше.

Подали два колка, Мазуренко пригвоздилъ ими пономаря и его жену. Затѣмъ потребовалъ хворосту и тутъ-же въ гробу сжегъ ихъ головы.

— Теперь засыпайте землю, обратился къ присутствовавшимъ; уже больше не встануть.

Въ благодарность за такое лѣченіе подосская громада рѣшила выдать Мазуренку изъ общественной казны рубль серебромъ, да поль-корца ржи и, сверхъ того, послать трехъ человѣкъ для уборки Мазуренковаго хлѣба.

Между тѣмъ вскорѣ дошло извѣстіе о врачеваніи Мазуренка до мѣстнаго начальства; послѣднее привлекло его къ уголовной отвѣтственности. На судѣ Мазуренко заявилъ, что онъ уже въ теченіе пяти лѣтъ пособляетъ людямъ въ различныхъ болѣзняхъ, что дѣлаетъ это въ силу врожденной способности: „я, говоритъ, родился упыремъ, и пока жить буду, буду помогать людямъ въ ихъ болѣстяхъ“.

Для излѣченія самаго Мазуренка отъ „упырства“ начальство предало его церковному покаянію на полтора года.

Н. Кошовикъ.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКОЙ „ПОКОРМЕЖНОЙ.“

Въ „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго, въ разсказѣ о производившейся въ 1765—1769 гг. въ Малороссіи, по распоряженію тогдашняго ея правителя, графа П. А. Румянцева, генеральной описи приводится эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, въ какія натянутыя отношенія поставила эта опись производившихъ ее великороссійскихъ военныхъ чиновъ и отвѣтственную предъ ними малороссійскую старшину. Когда, по требованію первыхъ, послѣдніе представляли имъ всѣ свои документы на владѣемые ими земли, въ томъ числѣ и гетманскіе универсалы, тѣ, подъ вліяніемъ взаимнаго раздраженія и не имѣя никакого уже представленія о значеніи постепенно умаляемой, а наконецъ и совсѣмъ упраздненной гетманской власти, въ насмѣшку называли гетманскіе универсалы *покормежными*.

Чтобы понять всю язвительность этой насмѣшки, надо имѣть понятіе о „покормежной“, самый терминъ которой, по отдаленности времени, кажется для насъ темнымъ. Это былъ отпускной видъ, или свидѣтельство, который давался отъ помѣщика крестьянину, отправлявшемуся куда либо на заработки, и гарантировалъ до нѣ-

которой степени помѣщиковъ отъ побѣговъ ихъ крестьянъ. Не явившійся вовсе изъ такого отпуска, или просрочившій оный, кромѣ отвѣтственности предъ помѣщикомъ, привлекался къ уголовной отвѣтственности предъ судомъ, и такой-же отвѣтственности подлежали и всѣ тѣ, которые держали его у себя.

Мы не имѣемъ въ эту пору подъ рукою необходимыхъ справокъ о первоначальномъ происхожденіи и формѣ „покормежныхъ“. Въ то время, когда они употреблены были въ видѣ остроты надъ гетманскими универсалами и ихъ обладателями, народъ малорусскій еще не былъ ознакомленъ съ этимъ атрибутомъ крѣпостнаго права, какъ и съ самымъ крѣпостнымъ правомъ; но съ 1783 г. благодѣтельныя дѣйствія сего послѣдняго распространены были и на гетманщину, а за нимъ неизбѣжно должны были прійти и „покормежные“, въ той формѣ, въ какой царили уже во всей остальной Россіи.

Находящійся въ нашихъ рукахъ образчикъ „покормежной“ принадлежитъ болѣе позднему времени, но и отъ него уже вѣтъ такую затхлостію и гнилью, отъ которыхъ заставляютъ отвернуться порядки и понятія нашего времени. Вотъ этотъ образчикъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ, какъ точная иллюстрація къ той остротѣ, которая стала характернымъ достояніемъ исторіи.

По указу его величества, государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, и по опубликованному въ народѣ плакату, отпущенъ нижеподписанный въ работу отъ подписаннаго числа впредь на одинъ годъ для прокормленія по покормежной, которая явлена и оставлена въ лохвицкомъ повѣтовомъ казначествѣ и въ книгу записана подъ номеромъ 626-мъ, и съ симъ отпускомъ вольно его до срочнаго означеннаго въ семъ пропуску числа въ наймахъ и въ работахъ держать, а по срокѣ явиться въ домъ своею, и болѣе нигдѣ не жить и никому не держать, подъ такимъ подтвержденіемъ, какъ въ плакатѣ изображено. Сія покормежная, за подписью и за печатью казначея, дана, въ благополучномъ городѣ Лохвицѣ, крестьянину госпожи надворной совѣтницы Катерины Г....., малороссійской полтавской губерніи, лохвицкаго повѣта, жителю села Пѣсокъ, Науму Петрову сыну Бѣлику, которой примѣтъ таковыхъ:

росту 2-хъ аршинъ, 5-ти вершковъ, волосовъ русыхъ, глазовъ сѣро-карыхъ, лѣтъ отъ роду 22-хъ, въ публичномъ наказаніи не былъ; тысяча восемь сотъ пятого года, маія двадцять второго числа. Казначей, коллежскій ассесоръ Кошаревскій, бухгалтеръ Мясницкій, губернскаго регистраторъ Степанъ Салимовскій.

(М. П.) Указніе пошліны взяты.

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТ- МАНЩИНѢ.

Инымъ именемъ не можемъ окрестить того безвѣстнаго женскаго пансіона въ г. Нѣжинѣ, начала нынѣшняго столѣтія, афиша объ учрежденіи котораго случайно попала намъ въ руки и которое, быть можетъ, имѣло свою жизнь и свою исторію, сохранившуюся, вѣроятно, въ памяти нѣжинскихъ старожиловъ.

Называемъ этотъ пансіонъ такимъ громкимъ именемъ по одной особенности его общей программы, именно: *Мифтологіи*, помѣщенной между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ.

Учредительницею сего высшаго разсадника наукъ для благородныхъ дѣвицъ, преествовавшихъ въ чередованіи мѣстныхъ поколѣній пани гетмановой Апостоловой, была какая-то захожая, вѣроятно, французская дѣвица Елисавета Руссетъ. Собственнымъ-ли умомъ она дошла до необходимости включенія въ программу воспитанія *Мифтологіи*, или такова была потребность благородныхъ нѣжинскихъ малороссіянокъ, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ нѣжинская афиша—документъ рѣдкій и по своимъ частностямъ далеко не безынтересный въ темной исторіи нашего женскаго просвѣщенія. Дата его не обозначена, но, судя по почерку и бумагѣ, онъ долженъ быть не позже 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Даемъ ему мѣсто и въ тѣхъ видахъ, не послужить-ли онъ поводомъ для кого либо изъ нѣжинцевъ собрать воспоминанія объ училищѣ дѣвицы Елисаветы Руссетъ и о томъ, какъ она просвѣщала нѣжинскій нѣжный полъ по части *Мифтологіи*.

Учреждается пансіонъ въ городѣ Нѣжинѣ для благородныхъ дѣвицъ, въ домѣ дѣвицы Руссетъ.

Въ ономъ пансіонѣ преподаваться будутъ слѣдующіе предметы:

1. Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики, исторія, географія и арифметика.
2. Французскій языкъ по правиламъ грамматики.
3. Мифтологія.
4. Нѣмецкій языкъ по правиламъ грамматики.
5. Музыка, танцы и рисованіе.
6. Чистописаніе.
7. Руководѣліе.

Цѣна въ годъ 800 руб. и уплачивается половина денегъ впродъ за 6 мѣсяцевъ.

Содержательница пансіона принимаетъ на себя всю услугу, нужную для воспитанницъ; всякая дѣвица при вступленіи въ пансіонъ приноситъ съ собою, кромѣ постели—одну скатерть, шесть салфетокъ, одну ложку столовую, чайную чашку, пару столовыхъ ножей, одинъ стаканъ; выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ, не женатыхъ господъ, и во время классическаго преподаванія никто такъ-же не принимается.

Елисавета Руссетъ.

ПОСЛѢДНІЯ ДОМОГАТЕЛЬСТВА МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

Когда въ первые годы второй половины XVII ст. теченіемъ событій поставленъ былъ вопросъ о соединеніи Малороссіи съ московскимъ государствомъ, рѣшеніе его занимало цѣликомъ какъ одну, такъ и другую страну: на Москвѣ созывался *земскій соборъ*, въ гетманщинѣ *генеральная рада*, напрягались думныя головы, писались многолистныя посланія, скакали гонцы, составлялся и пересоставлялся многостатейный договоръ, въ которомъ со всею щепетильностію процѣжены были одной и другой стороною тѣ права и вольности, которыхъ добился малороссійскій народъ отъ польскихъ королей и которыя онъ желалъ удержать, переходя подъ московскую державу. Желаніе удержать эти права и вольности толкнуло Дорошенка въ подданство турецкое, а Мазепу въ объятія Карла. И дѣйствительно внутренній строй польской и московской державъ были такъ не одинаковы и даже діаметрально противоположны, что было изъ-за чего стоять обѣимъ договаривавшимся теперь сто-

ронамъ. Рабовладѣльческая, но сильная единствомъ власти Москва не могла пойти по широкому, но скользкому пути либеральныхъ учрежденій Польши, съ которыми приходилъ подъ ея державу малороссійскій народъ, и новое объединеніе раздѣленныхъ вѣками двухъ половинъ Россіи должно было идти не путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—общей политическо-общественной работы, а путемъ постепеннаго урѣзыванія широкихъ „вольностей“ подчинявшейся стороны и приведенія ея къ общему строю жизни стороны, ее принимавшей, пока не начнется новая, совмѣстная работа органически сплоченнаго цѣлаго.

Когда черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, представительство малороссійское оглянулось на свое прошлое, оказалось, что отъ многого, что составляло достояніе предковъ и особыми *пактами* утверждено было на вѣчныя времена, не осталось и слѣда, отъ другаго оставались лишь жалкіе обломки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣдній гетманъ и малороссійская старшина, далеко отодвинувшіеся уже отъ народа, затѣяли попытку возстановить по новому плану разрушенное зданіе, нашлось еще для ихъ о семь челобитной до 20-ти крупныхъ, хотя и не выдерживающихъ критики пунктовъ ¹⁾. Извѣстно, какая судьба постигла челобитчиковъ и ихъ страну, по волѣ такъ сказать умолимаго рока.

Прошло еще около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вотъ что осталось отъ прежнихъ широкихъ домогательствъ Разумовскаго и его собратіи.

1831 года, августа 3-го числа.

Положеніе общества дворянскаго повѣта стародубскаго. О нашихъ нуждахъ чрезъ депутатовъ всеподданнѣйше проситъ Государя императора при принесеніи благодарности за возстановленіе грамоты дворянству жалованной.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Чтобъ судъ и расправа была по праву Статуту, съ оставленіемъ учрежденныхъ по оному праву возныхъ.

¹⁾ См. Кіев. Стар. на 1883 г., іюнь, стр. 317—336.

Чтобъ теченіе правленія возстановлено было сообразно учрежденіямъ для управленія губерніи всероссійскія имперіи. Потому 1-е что оныя учрежденія есть новѣйшій созрѣлый плодъ совершеннаго познанія вообще и подробно, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, частей внутренняго государственнаго правленія, требовавшаго поправленія, 2-е что общую отъ оныхъ учрежденій пользу каждый малороссіянинъ позналъ и ощутилъ по пятнадцатилѣтнему ихъ въ Малой Россіи теченію и 3-е что статьи оныхъ учрежденій, о выборѣ къ должностямъ на всякіе три года чиновъ, поступивъ въ число первыхъ выгодъ дворянскаго общества, по грамотѣ на преимущества жалованной, внушаютъ, что общество дворянское, которое не управляется по учрежденіямъ, умалено въ своихъ правахъ, выгодахъ, отличностяхъ, преимуществахъ и даже правоученіяхъ, противъ тѣхъ дворянскихъ обществъ, которыя по учрежденію управляются.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобъ съ повѣта стародубовскаго, во время рекрутскихъ наборовъ, даточные люди принимаемы были въ рекруты ниже указной мѣры однимъ вершкомъ, потому что въ здѣшнемъ округѣ родъ людей нерослыхъ, такъ что современемъ вовсе невозможно будетъ изъ здѣшнихъ природныхъ жителей найти рекрутъ въ указную нынѣшнюю мѣру. Во всемъ-же прочемъ, что принадлежитъ до порядка при наборѣ рекрутъ, было-бы поступаемо по словамъ и силѣ единого генеральнаго учрежденія, состоявшагося 1766 года, сентября 29 числа.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Малая Россія съ того времени, какъ состоитъ подъ всероссійскою державою, пользуется правомъ винокуренія и продажей выкуриваемаго вина, и при своемъ древнемъ на то правѣ, платитъ, сверхъ повсегодно зъ душъ, хлѣбную въ казну деньгами подать: но постепенно принуждена ощущать въ винномъ куреніи и въ продажѣ вина стѣсненіе: 1-е отъ новаго учрежденія по городамъ и казеннымъ деревнямъ питейныхъ откуповъ, коихъ до 1784 года въ Малой Россіи не было, 2-е отъ новаго предпріятія откупщиковъ великороссійскихъ смежныхъ губерній, чтобъ свободно вино курить и продавать, удалить съ мало-

россійскихъ цѣлыхъ уѣздовъ, прикосновенныхъ къ границамъ великороссійскихъ губерній, тѣхъ самыхъ уѣздовъ лѣсами изобильныхъ, коихъ весь почти хозяйскій доходъ, въ одной только статьѣ сей состоитъ, о чемъ по указу правительствующаго сената въ семь 1801 году дворянскіе винные заводы описаны и многіе помѣщики подписками обязаны. Для того просить государя императора свободу виннаго куренія и продажу вина на земляхъ малороссійскихъ, кому она по правамъ и привилегіямъ принадлежитъ, оставить въ полной ея мѣрѣ, безъ всякаго впредь подобнаго нарушенія и стѣсненія, сообразно высочайшему указу 1783 года маія 3 числа, пункта 13.

Обсуждалось и писалось это въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го. Возстановленіе имъ дворянской грамоты, данной Екатериной и отмѣненной Павломъ, окрылило надежды переродившагося къ этому времени малороссійскаго шляхетства, и вотъ его *ria desideria*, судьба которыхъ намъ неизвѣстна. Если отбросить отъ нихъ статью 1-ю, касающуюся общаго гражданскаго управленія, и статью 2-ю относительно роста поставляемыхъ стародубовскими помѣщиками рекрутъ, то всѣ автономныя домогательства новыхъ представителей малороссійскаго народа сведены теперь къ одному невинному желанію свободно курить хлѣбное вино.

Раньше сего, четверть вѣка назадъ, другіе представители того-же народа, заканчивая свою политическую и общественную роль, не въ цѣломъ, правда, составѣ своемъ, но въ отдѣльныхъ личностяхъ, додумались до аналогичнаго идеала:

Спати, лежати,
Горілочку кружати.

Одни, слѣд., желали быть поставщиками, другіе потребителями одного и того-же продукта...

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ КІЕВ. ГРАЖД. ГУБЕРНАТОРУ ПАНКРАТЬЕВУ.

Случайно досталась мнѣ коллекція писемъ, въ числѣ 135-ти, отъ разныхъ частныхъ лицъ къ кіевскому гражданскому губернатору Петру Прокопьевичу Панкратьеву. Всѣ они принадлежатъ

одному 1809 году. Трудно въ этой обширной перепискѣ уловить что либо, имѣющее историческій интересъ; большая часть ихъ содержитъ въ себѣ разнаго рода ходатайства, просьбы о содѣйствіи и помощи, выраженіе благодарности за оказанныя услуги, сообщеніе новостей и проч. Во всемъ этомъ хламѣ, обреченномъ на забвеніе и тлѣніе, показались мнѣ заслуживающими вниманія лишь нѣкоторыя письма кіевскихъ пановъ, характеризующія тѣже неискреннія отношенія ихъ къ представителю правительственной власти, въ какихъ находилась шляхта во всѣхъ новоприсоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ. Это не была, конечно, „волынская революція“, такъ ярко очерченная въ письмахъ о ней неизвѣстнаго современника; но и здѣсь мы видимъ ту же навязчивость и тоже унижительное заискиваніе, а въ одномъ изъ писемъ и явно проглянула готовность показать камень, который друзья и пріятели всегда держали за пазухой. Приведу нѣсколько характерныхъ и просто даже забавныхъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

Помѣщикъ Ивановскій, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ высказывая свою благодарность Панкратьеву за какую-то услугу, пишетъ, что ничѣмъ инымъ не можетъ отблагодарить его, какъ только „продуктомъ власной экономіи своей“, а потому и посылаетъ при письмѣ „цугъ“ (четверку) сѣрыхъ лошадей, которыя проситъ принять, не лишая его и впредь своихъ „ласкъ“. Панкратьевъ не поддастся искушенію и подарка не принялъ, отписавъ, что у него самого на конюшнѣ довольно лошадей и что онъ не имѣетъ въ нихъ никакой надобности.

Помѣщикъ Игнатій Голневскій изъ с. Димера пишетъ, 5 января 1809 г.: „убитаго людьми моими въ димеревскихъ лѣсахъ дикаго кабана посылаю вашему превосходительству въ знакъ моего должнаго почтенія, яко начальнику, подъ управленіемъ коего я имѣю счастье находиться“, и тутъ-же прибавляетъ: „много виноватъ я предъ его высокопревосходительствомъ Димитріемъ Прокопьевичемъ Трощинскимъ, что за оказанные имъ мнѣ милости не имѣю чемъ изъявить моей ему благодарности; ежели-бъ я былъ такъ счастливъ, чтобы мнѣ найти другаго кабана дикаго, то-бы съ удовольствіемъ послалъ и ему; но зная, что ваше превосходительство находитесь съ Димитріемъ Прокопьевичемъ въ тѣсной дружбѣ, то я и надѣюсь, что принятіемъ сего малаго подарка одобрить изво-

лите къ обоимъ вамъ навсегда высокопочитаніе того, который пребываетъ вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою“.

Антонъ Езерскій, вѣроятно управляющій, изъ с. Шибенне пишетъ тому-же Панкратьеву: „при отъѣздѣ въ Малороссію г-на моего Андрея Яковлевича Искры, имѣя повелѣніе лучшаго звѣря съ охоты его препровождать къ вашему высокопревосходительству, для того при семъ заполювавши „дзика“, къ вашему высокопревосходительству препровождаю и съ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію остаюсь“ и проч.

Каэтанъ Проскоровъ изъ Коринна въ такой формѣ преподноситъ подобный-же подарокъ: „позвольте ваше превосходительство отъ полеванія моего къ столу вашему принять сарну и кабана и при вкушаніи онаго вспомнать о томъ, который съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣетъ называться вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою“.

Въ иномъ родѣ письма выдающихся польскихъ магнатовъ: холодно-вѣжливое письмо гр. Браницкаго, имѣющее дѣловой и офиціальныя характеръ, и изысканно-пріязненное по формѣ, но ѣдкое по содержанию письмо губернскаго маршала гр. Адама Ржевусскаго. Эти два письма передаю въ полномъ ихъ видѣ.

1.

Милостивой государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Я имѣлъ честь получить въ Заславѣ письмо отъ вашего превосходительства, но до сихъ поръ не имѣлъ удовольствія къ вамъ писать за болѣзною, съ которою я довольно долго боролся—равно же при письмѣ вашемъ получилъ одинъ экземпляръ докладовъ высочайше конфирмованныхъ относительно заведенія суконныхъ фабрикъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, и которые экземпляры господинъ внутреннихъ дѣлъ министръ доставилъ вашему превосходительству, съ тѣмъ, чтобы вы разослали помѣщикамъ здѣшней губерніи. Я служу на сіе вамъ, милостивый государь мой, отвѣтомъ моимъ. Нѣсколько уже лѣтъ тому, какъ я предпринялъ было здѣлать испытаніе о заведеніи въ нѣкоторыхъ изъ моихъ владѣній суконныхъ фабрикъ; но по разнымъ обстоятельствамъ заведеніе сіе не имѣло желаемаго успѣха, ибо вмѣсто ожидаемой отъ того пользы

понесъ я нарочитой убытокъ; за всѣмъ тѣмъ, видѣвъ нынѣ высочайшее на таковое установленіе соизволеніе, я не оставлю, при первомъ удобномъ мнѣ случаѣ, здѣлать новое тому испытаніе, и какъ тутъ не имѣю я другой цѣли, окромѣ исполненія высочайшей воли, то и не нужно мнѣ какое либо отъ короны пособіе, почитая долгомъ моимъ и душевнымъ удовольствіемъ показать во всякое время вѣрно-подданическую готовность къ исполненію его императорскому величеству угоднаго. Имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностію навсегда,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорной слуга

Graff Branicki.

Декабря 8-го дня 1808 года.

Бѣлая церковь.

II

Милостивый государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Условился я съ вами, почтеннѣйшимъ моимъ другомъ, во всякихъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, до должности вашей и моей относящихся, не вступая ни въ какіе формальные переписки, дружескимъ образомъ предварить, и потому вчерашняго числа имѣлъ я честь вручить вашему превосходительству поданные ко мнѣ прошенія отъ помѣщиковъ графовъ Борженскихъ на помѣщиковъ Раковскихъ и Любовицкаго на Ивановскаго.

При приѣмѣ таковыхъ прошеній хотя весьма мнѣ прискорбно было видѣть, что отчасти они противу васъ, милостивого государя моего, поданы были, хотя мнѣ весьма извѣстно, что на начальниковъ губерніи не мнѣ, яко губернскому маршалу, а высшему правительству жаловаться должно, однако-жъ видя съ одной стороны, что сіи помѣщики дворяне поѣздкою, которую предприняли въ столицу, нѣсколько разстроиться могутъ, а съ другой, что В. П. можетъ при самой даже невинности получить себѣ неудовольствіе, то изыскавъ послѣдніе средства къ примиренію васъ съ тѣми-же лицами безъ всякаго для васъ предосужденія, препоручилъ я дворянскому секреторю о сихъ самыхъ средствахъ представить вамъ, моему другу, и потому безъ церемоніи усерднѣйше прошу васъ благосклонно выслушать его и рѣшительно со взаимною откровен-

ностію ему объявить о дальнѣйшихъ по симъ двумъ дѣламъ намѣреніяхъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и искренною привержимостію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, графъ Адамъ Ржевускій.

22 марта 1809 года, г. Кіевъ.

ПѢСЕННЫЙ ОТГОЛОСОКЪ ДАВНО МИНУВШЕЙ УНІИ ¹⁾.

Журилася попадя та своєю бідою:

Бідна-жъ моя головонько, що піпъ зъ бородою!

Охъ міні тяжко, охъ міні нудно,

Що піпъ зъ бородою—жити-жъ міні трудно!

Охъ, піду я до церковці Богу ся молити;

Якъ погляну на бороду, мушу ажъ умліти.

Охъ міні тяжко...

Охъ, піду я на хрестини—просять мене сісти,

Якъ погляну на бороду, тай не можу істи.

Охъ міні тяжко...

Хоць ты уберися въ дорогіи шаты,

Таки тебе не люблю—бо ты бородатый

Охъ міні тяжко...

Охъ, піду я къ протопопі, тай стану просити,

Щобъ позволивъ протопопа бороду голити.

Охъ міні тяжко...

„Охъ не можно, добродзійко, того учинити:

Якъ дознаетця владыка, буде мене бити!“

Охъ міні тяжко...

„Чи не можно, протопопе, того учинити:

Щобъ зо мною безъ бороды, въ люди-жъ причепити“.

Охъ міні тяжко...

¹⁾ Помѣщаемая пѣсня относится къ концу прошлаго столѣтія, — ко времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и возвращенія волынскихъ униатовъ къ православію. Народная память отмѣтила это послѣднее событіе, окрасивъ своимъ обычнымъ юморомъ и это пристрастіе женщины къ внѣшности и измѣняемость ея вкусовъ. Борода—вотъ все, что затрудняло длл іерейскихъ женъ переходъ изъ униіи въ православіе.—Р е д.

„Ой, не можно, добродзійко, того не ведетця:
Якъ вінъ схоче усы втерти, вона обірветця“.

Охъ міні тяжко...

Ой піду я та просити самого владыки,
Щобъ позволивъ добродзіямъ бороду голити.

Охъ міні тяжко...

Ось приходить добродзійка та въ ёго палаты,
Ажъ тамъ сидить попівъ зъ сорокъ, та всі бородати.

Охъ міні тяжко...

...Якъ зачали попадію кропиломъ кропити,
Приклякнула, присягнула, що „буду любити“.

Охъ міні тяжко...

...„Теперь міні любо, теперь міні мило,
Попове кропило любити навчило!

Вже-жъ и не тяжко, вже-жъ и не нудно,

Хоць піпъ зъ бородою, жити зъ нимъ не трудно“.

Записано въ селѣ Ивкахъ, на границѣ волынской и подольской губерній.

1883 г. 24 іюня.

Сообщ. М. Крашановскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

“Историческій Вѣстникъ” будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна на двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, воиолнѣ обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій. (Въ 1883 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщено болѣ 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ «Историческому Вѣстнику» редакція приобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40 гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера «Савонарола».

Для первыхъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, О. И. Булакова, В. П. Буренина, А. Я. Бутковской, И. Д. Бьлова, Н. А. Бьлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. Г. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратынина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Кошмина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Льскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Е. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, И. С. Усова, О. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанцову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38 и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 42 экзем.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

„ВѢКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ“ будетъ издаваться въ будущемъ 1884-мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургѣ — 15 руб. Полгода — 8 руб. Съ Январской книги журнала будутъ печататься: «Искалѣченный» — романъ В. Никитина. «Аракчеевщина», — историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная ночь», рассказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмѣльницкаго» — В. И. Любича-Романовича. «Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова», приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизь де Сент-Валь» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ рифмованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная» — повѣсть К. Фофанова. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Кромѣ того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе рассказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и Н. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наши новыя беллетристы», «Значеніе Сатиры», «И. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла имѣются романы — съ шведскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Кромѣ этого, редакція будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не издавныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ «писемъ его къ друзьямъ».

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ал. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. Б. Богданова, Кочетова, двухъ Новицкихъ, О. Михѣевича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоценные документы предназначены для Спб. Императорской публичной библиотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ“).

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ М. А. Филипповъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1884 году подъ новой редакціей, при новыхъ сотрудникахъ и въ увеличенномъ размѣрѣ.

Новая редакція поставила себѣ задачею сдѣлать изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ большой политической органъ, руководимый яснымъ сознаниемъ государственныхъ и народныхъ интересовъ Россіи. Она рассчитываетъ, что газета будетъ отвѣчать настоящей минутѣ поворота отъ фразы къ дѣлу и удовлетворитъ настроенію общества, ожидающаго спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Газетѣ будетъ придана полнота, какъ въ обзорѣніяхъ и извѣстіяхъ политическаго и экономическаго интереса, такъ и въ хроникѣ общественной и городской жизни, въ литературныхъ фельетонахъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ искусству и наукѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ будутъ принимать участіе: *В. В. Крестовскій*, графъ *А. А. Голенищевъ-Кутузовъ*, *К. Н. Леонтьевъ*, *Б. М. Маркевичъ*, *Е. Л. Марковъ*, графъ *Е. А. Салиасъ*, *К. К. Случевскій* и др.

Условія подписки (съ казенными объявленіями):

	Безъ доставки.	Съ пересылкою и доставкою.	За границую.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	24 руб.
» полгода	8 » — »	9 » — »	13 »
» 4 мѣсяца	5 » 50 »	6 » — »	10 »
» 3 »	3 » 75 »	4 » 50 »	7 »
» 2 »	2 » 50 »	3 » — »	5 »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 50 »	3 »

Подписка принимается въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Троицкій переулокъ, домъ № 10.

Иногородные адресуются: Въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ Петербургъ.

Редакторъ издатель *В. Австыенко*.

„Русскій Сатирическій Листокъ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ раскрашенными рисунками и карриатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. Сатирическая хроника человеческой жизни и ея явленій. II. Сатирическая литература. III. Московскій листокъ. IV. Петербургскій листокъ. V Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ. VI. Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще. VII. Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы. VIII. Корреспонденціи и сообщенія. IX. Смѣсь. X. Сатирическіе и юмористическіе рисунки и карриатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ. XI. Объявленія.

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ“ будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ“ подь названіемъ „Русскій Донъ-Кихоть“, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помещаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“, составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ“ выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка“: на годъ съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, на полгода 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близъ Плющихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель Н. А. Полушинъ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ВОЛНА“

Роскошное еженедѣльное изданіе въ форматѣ большихъ иллюстрацій съ рисунками въ краскахъ (акварель) 50 номеровъ въ годъ или 1200 страницъ убористой печати.

Журналь „ВОЛНА“ издается при ближайшемъ участіи лучшихъ художественныхъ и литературныхъ силъ. Каждый номеръ журнала будетъ заключать въ себѣ отъ 20 до 30 страницъ текста и картинъ въ краскахъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Вопросы и новости дня „обо всемъ и отовсюду“. 3. Событія въ мірѣ политическомъ. 4. Лѣтопись литературы и искусства. 5. Операціи банковъ. 6. Земское дѣло. 7. Народное образованіе. 8. Судебная хроника. 9. Статьи историческаго содержанія и *иллюстрированныя историческіе романы*. 10. Этнографическіе очерки (*повѣсти и рассказы изъ русской жизни*). 11. Справочный листокъ биржи и проч. 12. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. 13. Фельетонъ (обзоръ общественной жизни). 14. Театръ и музыка. 15. *Рассказы, очерки и описанія къ рисункамъ*. 16. Стихотворенія и поэмы. 17. Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ смѣси. 18. Почтовый ящикъ. 19. Частныя объявленія и, въ видѣ бесплатнаго приложенія для годовыхъ подписчиковъ, *четыре сезона парижскихъ модъ съ картинками*.

Художественный отдѣлъ. На этотъ отдѣлъ редація обращаетъ особенное вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщено до 300 оригинальныхъ картинъ, большаго формата, исполненныхъ красками по заказу редакціи извѣстными русскими художниками. Въ журналѣ „ВОЛНА“ будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстраціи къ повѣстямъ и рассказамъ, картины изъ русской жизни, портреты выдающихся дѣятелей, копіи съ извѣстныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразныя типы, множество виньетокъ и рисунковъ на злобы дня.

Всѣ годовые подписчики на 1884 годъ получаютъ большую роскошную картину, отпечатанную масляными красками на холстѣ:

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЬ И ПОЛОНЕННАЯ ИМЪ ЦАРЕВНА.

Оригиналъ картины написавъ по заказу редакціи художникомъ *К. В. Лебедевымъ*. Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы графа А. Толстого и изображаетъ „Алешу Поповича“ на лодкѣ, среди камышей, играющаго на гусяхъ передъ полоненною Царевною.

Условія подписки: На мѣсяць—1 руб., на 2 мѣсяца—2 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ—5 р. и на 1 годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальниковъ.

За разсылку и упаковку преміи годовые подписчики благоволятъ прилагать 21 в.

Подписка принимается во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи.

Гг. иногородніе подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи: уголъ Никитской и Леонтьевскаго переулка, д. баронессы Корфъ, въ Москвѣ.

Редакторъ-издатель Н. У. Руссіановъ.

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная
(350 номеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакціею А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обозр.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 руб.; на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за строку *petita*) принимаются въ Тифлисѣ исключительно въ Газетномъ Агентствѣ В. Шавердова; въ С.-Петербурѣ-же и Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Каанова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочина, А. Н. Плещеева, И. Ф. Тхоржевскаго, Гл. И. Успенскаго, Н. А. Шаверова.*

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложений (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“, при выискѣ приложений, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ комисіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербурѣ, Малая Садовая, № 4, и Кіевѣ, Крещатикѣ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Редакція.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

на 1884 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

<i>Въ Варшавѣ:</i>		<i>Съ пересылкою:</i>	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
„ полгода	4 „ 80 „	„ полгода	6 „ — „
„ три мѣсяца	2 „ 40 „	„ три мѣсяца	3 „ — „
„ мѣсяць	— „ 80 „	„ мѣсяць	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью): на годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., мѣсяць—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ Контору Редакціи „Варшавскаго Дневника“, въ Варшавѣ, Медов-я. 18.

Подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ Истомина и Карбасникова.

Редакторъ-издатель *П. Щебальскій.*

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.
- 2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.
- 3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговли, статистики и т. п.
- 4) Судебная хроника.
- 5) Театръ и музыка.
- 6) Мѣстныя экономическія и торговля свѣдѣнія. Курсы, биржа.
- 7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяць—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Сакисчи.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

50 № № въ годъ).

У с л о в і я п о д п и с к и:

За годъ	6 р. — к.
За первое полугодіе	4 „ — „
За второе полугодіе	3 „ — „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „ 25 „
За Апрель, Май и Іюнь	2 „ — „
За Іюль, Августъ и Сентябрь	1 „ 75 „
За Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „ 50 „

И о м ѣ с я ч н о:

За Январь	1 „ — „
За Февраль	„ 80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяць	— „ 75 „

Годовые подписчики получаютъ литературный сборникъ, который будетъ вскорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли.“

Редакція имѣеть въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель П. Штейнфельдъ.

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ“

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 рубля.

„С В Ѣ Т Ъ“

выходить ежедневно, бромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и не бывалый успѣхъ и съ разу сталъ самою распространенною газетою въ Россіи.

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою:	За годъ	4 р.
»	» полгода	2 »
»	» четверть года	1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„С В Ъ Т Ъ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяць, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ)	4 руб.
» полгода (6 романовъ)	2 »
» четверть года (3 романа)	1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Петербургъ, редакция газеты „Свѣтъ“, Гороховая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“** годъ VI.

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ И РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ »Иллюстрированнаго Мира« заключаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, рассказы, сцены, стихотворенія, историческіе и біографическіе очерки, популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ

шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіеся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „Иллюстрированнаго Міра“ даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстраціи къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, каррикатуры, модные рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться **РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ**, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ“ ежемѣсячно рассылаются бесплатно **»НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«**—полный руководѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премию—прекрасную элеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семирадскаго*:

„ХРИСТОСЪ И ГРѢШНИЦА“

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра“ на годъ со всѣми преміями и приложеніями:

безъ доставки въ Спб. 6 р., безъ достав. въ Москвѣ 6 р. 50 к. Съ дост. Спб. 7 р. для иногородныхъ 8 р. Загр. 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербурѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Невскому проспекту д. № 76 (уголъ Литейнаго пр.). Въ Москвѣ, въ отдѣленіи коншоры, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ наступающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «Волжскій Вѣстникъ» въ 1884 году будетъ выходить вмѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ бесплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Юля—по 2 рубля.

Иногородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «Волжскаго Вѣстника».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. Н. Загоскинъ*.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РОССІЯ“.

Журналь «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяць: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадами въ два листа (16 стр.) большого формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микльшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, рассказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматическія

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ А. Е. Салиасъ, Н. С. Льсковъ (Стебницкій), Д. Л. Мордовцевъ, Н. Г. Вучетичъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линева, С. Н. Филипповъ, Н. П. Тимофеевъ, Н. С. Стружкинъ, П. А. Оленинъ, В. В. Чуйко, В. Е. Ермиловъ, Н. Кульжинскій, М. М. Ивановъ, В. С. Баскинъ, Н. А. Вербицкій и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполне увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя А. Е. Салиаса, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская», «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всѣми приложеніями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкой и переезкою 8 р.: на полгода безъ доставки 4 р., съ доставкой и переезкою 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и Ко и Вольфа

Редакторъ-Издатель О. М. Уманецъ.

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получаютъ бесплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ портретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ зая-

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—12 р., на 11 м.—11 р. 20 к., на 10 м.—10 р. 60 к., на 9 м.—9 р. 40 к., на 8 м.—8 р. 80 к., на 7 м.—8 р., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р. 20 к., на 4 м.—5 р. 40 к., на 3 м.—4 р. 50 к., на 2 м.—3 руб. на 1 м.—1 руб. 50 к.; безъ дост. и перес.: на годъ—10 руб., на 11 м.—9 руб. 40 к., на 10 м.—8 руб. 80 к., на 9 м.—8 руб. 20 к., на 8 м.—7 руб. 60 к., на 7 м.—7 руб., на 6 м.—6 руб., на 5 м.—5 руб., на 4 м.—4 руб., на 3 м.—3 руб., на 2 м.—2 руб., на 1 м.—1 руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Буквы (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста Гр. Градовскаго, который обѣщаль пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція приобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся приобрести въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ» занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ номеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и сбезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ бесплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, перодовыхъ статей, рассказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вернеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Лмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевецѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Феодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разорочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Юзефовичъ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(ГОДЪ ІХ)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергаиъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Приазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текуція явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 кои.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовѣ на Дону.

Редакторъ-издатель И. А. Теръ-Абрамянъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„РОДНИКЪ”.

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ «РОДНИКЪ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, полиטיפажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ профес. М. Н. Богданова, подъ названіемъ «Мірскіе захребетники», гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около чловѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки профессора Дм. Кайгородова изъ жизни растений. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ рассказовъ Л. Х. Симоновой изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Выѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библиографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ при- ложеніемъ, съ дост. и пер.	6 р.	На годъ безъ при- ложенія, съ дост. и пер.	5 р.	На $\frac{1}{2}$ года безъ приложенія	3 р.	за границу на годъ съ приложеніемъ.	8 р.
--	------	--	------	---	------	---	------

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала «Родникъ», Никольская площ., д. № 4, и въ отдѣленіяхъ конторы: въ С.-Петербургѣ — книжный магазинъ Н. Фену и К^о. Въ Москвѣ — «Сотрудникъ школь» А. К. Залѣсской, Воздвиженка, д. Армандь. Въ Харьковѣ — книжный складъ при «Публичной библиотекѣ» А. Н. Гусева и К^о; Московская, 7. Въ Томскѣ — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница Е. Сусоева.

„НОВОСТИ ДНЯ“

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учреждений. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассационныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемого событія, ни во имя бойкости рассказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ . . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ . .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ*.

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходитъ 4 раза въ годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ каждая. Общее число листовъ годоваго изданія около 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Цѣна годовому изданію: *семь р. с.* съ пересылкою.

Адресъ: Варшава, въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель: *А. И. Смирновъ.*

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24** модныя раскрашенныя гравюры. (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12** вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину. **12** листовъ литографированныхъ выкроекъ (до 1000 формъ). **12** листовъ узоровъ: вязанья, вишиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6** раскрашенныхъ узоровъ, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ **6 ПРЕМИЙ**, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на передиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ**. Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА»**. Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

На годъ безъ премій . . .	6 р. — к.	7 р.	} Съ преміями на 5 р. дороже на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На 1/2 года безъ премій.	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ“.

Подписчики получают за **ШЕСТЬ** руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, двѣнадцать приложеній (премій) ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) Большую олеографическую картину.

2) }
3) } Два акварельныхъ пейзажа.

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) живописной Россіи: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и статистическими цифрами. **Изданію** это, по объему, изяществу и цѣнности, **составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе..** Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый** и **второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одиннадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ С. С. Окрейцъ.

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большого формата)

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное — отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ», — вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія*, — въ официальной своей части, составляющей официальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и равьше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофициальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ «Толкованія на книгу пророка Исаи», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Вѣтхій Заветъ» — **семь руб.** съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» — **пять руб.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» — **пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ пересылкою.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знамен. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к. — за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ — при книжн. маг. Феранонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и расширенной программой вступить въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкою на домъ въ городъ на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяць 1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднимъ на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяць 1 р. 25 к.

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ карриатурами

„ПЧЕЛКА“

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами карриатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которомъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-литературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: для городскихъ подписчиковъ съ доставкою на домъ 6 р., полгода 4 р., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ 5 р., полгода 3 р. 50 к. Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою въ бандероляхъ: на годъ 7 р., полгода 4 р. 50 к., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ 6 р., полгода 4 р.

Требованія и деньги адресовать на имя В. В. Новооцкаго, въ контору редакціи „Пчелки“: въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-издатель В. В. Навроцкій.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоваться его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяць 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій*.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми номерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ номеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, **7 РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ «**Орловскій Вѣстникъ**», болховская, д. Зальмень, и въ редакціи — зиновьевская улица, д. Чудинова.

Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ*.

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» полгода	4 » — »	» полгода	4 » 50 »
» 3 мѣсяца	3 » — »	» 3 мѣсяца	3 » — »
» 1 мѣсяць	1 » — »	» 1 мѣсяць	1 » 20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ*. Издатель *М. Поповъ*.

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*. 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*. 3) Церковныя слова, поученія и другія правоучительныя произведенія. 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовнства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и дру-

гихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы. а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**. Аересоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежайевъ.

„ИСКУССТВО“

ЖУНАЛЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: Н. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, И. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театраль“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. Н. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналь «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналь „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала «*Revue politique et litteraire*», заключаая въ каждомъ номерѣ отъ 24 до 32 страницъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го номера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, рассказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою	Для иногородныхъ
Годъ 9 р. 50 к.	Годъ 10 р.
Полгода 5 „ 75 „	Полгода 6 „
3 мѣсяца 3 „ 50 „	3 мѣсяца 4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Θ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. еженедѣльный журналъ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обзорѣніе малоислѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДИУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясно-видѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ веѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премированныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, рассказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» — романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсапова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГАЗЕТЪ.

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившейся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяет не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты «Эхо» опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою ступою къ намѣченной имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не бораясь вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней „**Чиновное болото**“, „**Прологъ къ роману**“ М. Н. Альбова. Повѣсть „**Въ полутьмѣ**“ и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:	За границу:
На годъ 10 р.	На годъ 16 р. — к.
„ полгода 6 „	„ полгода 9 „ — „
„ три мѣсяца 8 „	„ три мѣсяца 5 „ — „
„ одинъ мѣсяць 1 „	„ одинъ мѣсяць 2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не дальше, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургъ — въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № „27, въ Русской Скоропечатнѣ“ К. И. Купа).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургъ* — въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,
будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останетя вѣрною разъ принятому пути, — мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, рассказы, фельетоны съ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:		съ пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 " — "	За 6 мѣсяцевъ	8 " — "
За 3 мѣсяца	3 " 85 "	За 3 мѣсяца	4 " 50 "
За 1 мѣсяць	1 " 30 "	За 1 мѣсяць	1 " 50 "

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныя и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральныя репертуаръ, почтовые и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносу подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція просить адресовать въ **ОРЕНБУРГЪ**, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17 р.**, безъ перес. **15 р.** Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** Физиологія (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервные болѣзни (23 листа); **Мальгень.** Оперативная хирургія (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медицинск. Библиот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ известной коллекціи **Вредена** (**Гebra**, **Генсмеръ**, **Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигиенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медич. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ*.

Издатель *Н. Л. Вилькинъ*.

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“

ТРЕТИЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и рассказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библиографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ «Другъ женщинъ»: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитриева*, *Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнвки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ Конторъ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городекихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородныхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяць, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ ендомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять руб. сер.*—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ.“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 г.ду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа*—«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторъ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Всѣмъ подписчикамъ въ теченіи года вышлется:

- 1) 52 еженедѣльныхъ нумера, каждый въ два большихъ печатныхъ листа, съ 5—6 рисунками въ текстѣ.
- 2) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ въ 8-ю долю, объемомъ въ 10 печатныхъ листовъ
- 3) 12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ».
- 4) Бесплатная премія,—олеографія съ картины извѣстнаго художника В. Е. Маковскаго,

„МАЛОРОССІЙСКІЙ ДѢВИЧНИКЪ“.

(Размѣръ преміи: 20 верш. длины и 13 верш. ширины).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:	Безъ доставки и пересылки:
За годъ 8 р., за полгода 4 р. 50 к.	За годъ 6 р. 60 к., за полгода 4 р.
За границу; за годъ— 12 руб., за полгода— 6 руб.	
За пересылку преміи страховою посылкою 60 к.	

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Ниолаевской и Колокольной, домъ Боборькиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А. МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ“, ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія“, рядъ рассказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно“ (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ“; И. СЕВЕРИНА, „Врали“, комедія; П. ПОЛЕВАГО, „Шуты и скоморохи“, картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ“, ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ“, (центры умственной жизни); А. СИМОНОВОЙ „Чья возьметъ“ повѣсть, А. КРУГЛОВА „Рассказы изъ народнаго быта“; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда“, большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не ласточка“, рассказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ“, поэма; Г. СЕНКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ“, историч. романъ“; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Американки“ изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ“, изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза“, очерки; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искупленіе“, ром. съ иллюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

ЖУРНАЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ «Свѣтъ и Тѣни» — журналъ преимущественно художественный — издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ «Мірской Толкъ», обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100** №№ въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключаая въ себѣ болѣе **300** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминированныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100 — на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину — политическаго характера. Съ первыхъ-же номеровъ журнала «Свѣтъ и Тѣни» начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа «Бѣлая невольница» *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ всторическая повѣсть *И. Погорьлина* «Колоколь императрицы Анны». Для журнала «**Мірской Толкъ**» редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя популярно-научныя статьи одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путьяты*, подъ названіемъ «Къ сумасшедшему дому» и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рубрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «**Библіотекѣ Мірскаго Толка**» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе двадцати пяти рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминированныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ ста №№ журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложений, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получаютъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЬ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоящаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москву*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербурѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ дргія руки.

Въ теченіи года 50 номеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семью красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“	8 „	— „ — „
„ „ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки кромѣ вышеуказанныхъ—не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда-бы ни подписались, получаютъ всѣ номера журнала, начиная съ перваго, равно какъ бесплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов. императ. театровъ М. П. Садовскаго.

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника» съ десятью художественно выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія существованія «БУДИЛЬНИКА», въ 1884 году издавъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», нъ который войдутъ лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ «БУДИЛЬНИКЪ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также получить «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода бесплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстриров. ком. Бомарше «Севильскій цирюльникъ» — 1 іюли, а «Альбомъ каррикатуръ» — 1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ». Москва. Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. иногородные подписчики, желающіе получать «БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо въ главную контору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ.*

Подписка на 1884 годъ. Семнадцатый годъ изданія газеты

„НЕДѢЛЯ“

съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ“.

Въ 1884 году газета „Недѣля“ будетъ выходить, какъ и до сего времени, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ. „Журналъ романовъ и повѣстей“, составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ „Недѣля“, будетъ выходить ежемѣсячно книжками, всего въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ. Въ составъ „Недѣли“ входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія-же статьи по вопросамъ внѣшней политики; III. Систематическія обзорѣнія текущихъ событій и явленій въ Россіи; IV. Обзорѣніе заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи научныя, преимущественно соціального характера; VI. Статьи и изслѣдованія, касающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VII. Статьи по разнымъ частнымъ вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городского самоуправленія, народ-

наго хозяйства и т. п. VIII. Художественно бытовые очерки и рассказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь выходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ рассказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ „Журнала романовъ и повѣстей“ входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя въ теченіе года составляютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обѣихъ изданій вмѣстѣ, то-есть „Недѣли“ съ приложеніемъ „Журнала романовъ и повѣстей“, 8 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ ОТКРѢТА.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ издатель П. А. Гайдебуровъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры*. Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омуревскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставк.	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургъ	7 р. 50 к.
Съ перес въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иностранцы подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «Наблюдателя». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ все киии журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

„КРАЙ“

польская газета, политическая, общественная и литературная, будетъ издаваться въ Петербургѣ въ будущемъ 1884 г. по прежней программѣ, подъ редакторствомъ Эразма Пильца и при сотрудничествѣ: Ад. Аснька, Иос. Длугога, кс. Добкевича, Т. Т. Ежа, Ал. Ельскаго, Фр. Глинскаго, Каз. Яроховскаго, д-ра Антона I., Я. Иловскаго, Мил. Котарбинскаго, Ю. Ляскарыва, гр. Карвицкаго, I. I. Крашевскаго, В. Спасовича, Гекр. Сенкевича (Литвоса), Ром. Вержхлейскаго, Иос. Шишло, Яна Захарьяевича, Т. Ходи и друг.

«Врай» обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводныя статьи по текущимъ вопросамъ, политическимъ и общественнымъ; 2) Политическое обозрѣніе; 3) Славянская хроника; 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 5) Литературный отдѣлъ (повѣсть, стихи, критика), 6) Обзоръ печати русской и польской; 7) Петербургская и внутренняя хроника; 8) Библиографія; 9) Экономическая и торговая хроника; 10) Объявленія.

«Край» издается еженедѣльно по воскресеньямъ въ объемѣ 24 стр.

ПОДПИСКА въ Петербургѣ на годъ 8 р., на 3 м. 2 р. съ пересылк. по почтѣ: на годъ 10 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 коп. Объявленія по 15 коп. со строки. Рекламы (въ текстѣ) по 30 к.

АДРЕСЪ редакціи и конторы: Площ. Бол. театра, д. 10. Варшавское агентство «Края»: Сенаторская, № 18 (Райхманъ и Френдлеръ).

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р.

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА“

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяць, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многозначительный для галицко-русскаго населенія эпитаграфъ:

Се русска рада, послѣднa воля:

Держьмя купы, а буде доля.

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. вкрались слѣдующія опечатки, которыя спѣшимъ исправить:

Напечатано:

Стр. 613. Образовались

Комчакъ

— 611 и 612 юго-восточной границѣ

Слѣдуетъ читать:

организовались.

Колпакъ.

сѣверо-восточной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга: «*Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы въ городъ Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе. Съ восемью рисунками и разными свѣденіями, касающимися г. Вильны. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ, законоучитель виленскаго учительскаго института и гимназіи. г. Вильна. 1883 года*».

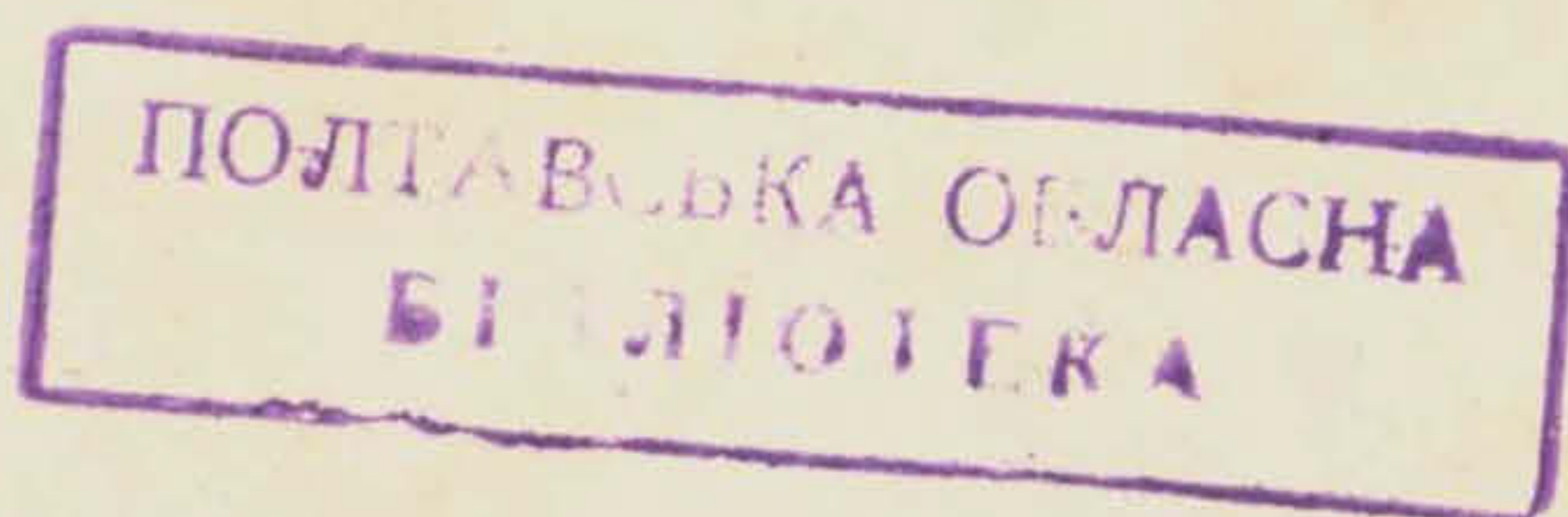
Содержаніе книги: Виленская икона Богородицы Островоротная, ея наружный видъ и обстановка въ часовнѣ; поступленіе иконы въ г. Вильну и судьба ея здѣсь до перехода въ вѣдѣніе униатовъ; нахожденіе ея у униатовъ и переходъ къ латинянамъ, судьба иконы въ вѣдѣніи латинянъ, съ Островоротною часовнею, до настоящаго времени.

Рисунки: 1) Икона Благовѣщенія Богородицы, Корсунская, Островоротная, именуемая Отробрамскою, находящаяся на Острыхъ воротахъ г. Вильны. 2) Островоротная башня въ г. Вильнѣ, съ южной стороны, отъ желѣзной дороги. 3) Икона Богородицы Одигитрій, находящаяся въ главномъ храмѣ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. 4) Островоротная часовня Богородицы въ г. Вильнѣ, съ прилегающими къ ней зданіями. 5) Внутренній видъ Виленскаго мужскаго Свято-Троицкаго монастыря со стороны зданія Литовской Духовной Семинаріи, находящейся въ семь монастырѣ. 6) Православный мужской Свято-Духовъ монастырь, въ которомъ почіють мощи святыхъ мучениковъ Литовскихъ, чудотворцевъ Виленскихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, находящійся вблизи Острыхъ воротъ г. Вильны. 7) Свято-Николаевская приходская церковь въ г. Вильнѣ съ часовнею при ней во имя архистратига Михаила. 8) Памятникъ полковнику Казанскаго полка Дѣеву, убитому при Острыхъ воротахъ г. Вильны 31-го Іюля 1794 г., при усмиреніи возстанія Поляковъ, — вблизи большой дороги къ г. Ошмянамъ, на могилѣ покойнаго.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

Сладъ изданія: у автора-издателя, въ зданіи Учительскаго Института, на Большой улицѣ, въ г. Вильнѣ.

Тамъ же можно получить книги того-же автора: «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы въ г. Ченстохвѣ». Цѣна 40 коп. съ перес. и: «Почему въ православіи крестятъ именно погруженіемъ въ воду» — 10 коп. съ перес. Изображенія св. Кирилла и Меѳодія и ченстоховскаго православнаго храма ихъ — 5 коп. съ перес.

6Р

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *не точнаго* и *не полнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Оедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братьевъ нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ поमारокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

1884 г. (Третій годъ изданія), 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетри-стическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характери-стики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказ-кахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Съ январской книжки начата печатаніемъ повѣсть И. Не-чуя (Левицкаго): *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*; пой-дутъ и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О змievыхъ валахъ*, В. Б. Антоновича, *Топографическій очеркъ Запорожья*, Д. Эвар-ницкаго, *Малороссійскіе города XVII и XVIII ст.*, Д. И. Багалѣя, *Послѣдніе кіевскіе войты*, П. М. Каманна, *Дневникъ князя Б. И. Куракина*, сподвижника Петра I-го, *Мемуары гетманича Петра Апостола* и *Записки б. кіев. губерн. предводителя дворянства*, П. Д. Селецкаго. Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевского воеводы *Адама Киселя*.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыл-кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Ө. Г. Лебединцевъ.**

